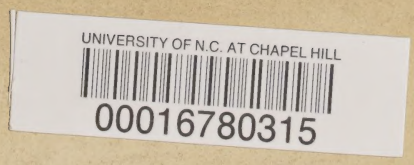
164 n/98



МОРИСЪ БЕРИНГЪ.

ВѢХИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРЕВОДЪ
В. БАЗИЛЕВСКОЙ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Н. А. ХОМЯКОВА.

МОСКВА.
1913.

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/viekhirusskolite00bari

Морисъ Берингъ.

WILSON
ANNEX
PG2951
.B2817
1913

ВѢХИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КНИГООБМЕННЫЙ
ФОНД

ПЕРЕВОДЪ
В. БАЗИЛЕВСКОЙ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Н. А. ХОМЯКОВА.

VIEKHI RUSSKOI LITERATURY

Цѣна 1 р. 25 к.

МОСКВА.
1913.

поставщикъ двора его величества
т-ва скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
1913

Позволю себѣ обратить вниманіе русскихъ читателей на книжку Мориса Беринга подъ заглавіемъ «Вѣхи русской литературы». Морисъ Берингъ родился въ 1874 году; воспитывался въ Итонской школѣ, затѣмъ служилъ по дипломатической части, сперва въ Парижѣ, затѣмъ въ Копенгагенѣ и Римѣ. Продолжительное пребываніе въ чужихъ краяхъ дало ему возможность, благодаря его пытливому уму, непосредственно изучить общественную жизнь и литературы тѣхъ странъ, гдѣ онъ жилъ. Французскій языкъ и литературу Франціи онъ изучалъ наравнѣ съ литературой своего отечества. Все это развило въ немъ тонкую способность анализа и глубокое пониманіе характерныхъ особенностей словесности народовъ, съ которыми онъ входилъ въ соприкосновеніе.

Въ 1903 году онъ выступаетъ корреспондентомъ газеты Morning Post, а въ 1905 году, когда вспыхнула Русско-Японская война, онъ отправился въ Манчжурскую армію въ качествѣ военнаго корреспондента этой газеты.

Послѣ окончанія войны, Берингъ продолжалъ пребываніе свое въ Россіи, задавшись цѣлью ближе изучить заинтересовавшую его страну. Россія его побѣдила: онъ сталъ ея другомъ, тонкимъ цѣнителемъ ея генія и любовнымъ критикомъ ея духовнаго существа.

Несмотря на многовѣковое соприкосновеніе Англіи къ Россіи въ области внѣшней политики и въ области торговыхъ сношеній, англійскій народъ имѣлъ самое

смутное представленіе о великой странѣ, съ которой издавна торговалъ и съ которой, еще такъ недавно, враждовалъ. Я не ошибусь, если скажу, что до послѣдняго времени, отношенія Англіи къ Россіи были исключительно внѣшнія; Англія не углублялась во внутреннее существо Россіи, быть можетъ потому, что смотрѣла на Россію свысока, считая себя высококультурной націей, а насъ, русскихъ, варварами, олицетвореніемъ деспотизма и грубой силы, стремящейся захватить все, что плохо охранялось, чтобы поработить и унизить.

И до сихъ поръ, даже въ высшихъ, образованныхъ слояхъ англійскаго общества, приходится встрѣчаться съ самыми невѣроятными сужденіями о нашемъ отечествѣ,—съ самымъ крайнимъ незнаніемъ всего, что касается русской исторіи, русской литературы и русскаго народа вообще. До конца прошлаго столѣтія и даже до начала текущаго, почти не было англійскихъ серьезныхъ изслѣдованій о Россіи, за исключеніемъ первокласснаго труда Sir Donald Mackenzie Wallace, а общественное мнѣніе руководствовалось лишь газетными замѣтками о Россіи, составителями которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, были русскіе эмигранты, частью мало знающіе Россію, а еще чаще пристрастные и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ односторонніе. Но за послѣдніе годы въ Англіи проявилось запоздалое стремленіе приглядѣться къ Россіи, поближе ее узнать, стремленіе (тутъ помогли политическія соображенія) сблизиться съ ней не только въ области политико-экономической, но и въ области духовной.

Переводы русскихъ писателей стали пользоваться гостепріимствомъ Англіи, и скоро русская литература завоевала себѣ почетное мѣсто у англійскаго читателя. Русская музыка и русское искусство побѣдоносно вошли въ обиходъ англійской жизни и теперь легенды и невѣроятные разсказы о Россіи изо-дня въ день чахнутъ, становятся смѣшными для самихъ англичанъ; пытливая

любознательность пришла на смѣну спесивому равнодушію.

Предлагаемый читателю трудъ Мориса Берингъ является въ высшей степени достойнымъ вниманія образцомъ народившагося въ Англіи интереса къ нашему отечеству и высокоцѣннымъ вкладомъ въ дѣло познанія Россіи Англіей. Но не менѣе цѣннымъ вкладомъ является настоящая книга и для насъ русскихъ, и вотъ почему.

Въ предисловіи своемъ Берингъ говоритъ: «я не могу не думать, что люди, принадлежащіе къ какой-нибудь національности, являются сами лучшими судьями своей литературы». Думаю, что это не безусловно вѣрно. Какъ бы строго ни анализировалъ человѣкъ самого себя, какъ бы тонко онъ ни критиковалъ своего собственнаго характера, и анализъ, и критика друга, умнаго, сердечнаго и чуткаго, часто найдетъ то, чего не подмѣчалъ самоопредѣлитель. «Со стороны виднѣе», говоритъ пословица; и вы, читатель настоящей книжки Мориса Беринга, думаю, согласитесь со мною, ознакомившись съ его трудомъ, что русскій не написалъ бы о Россіи всего того, что написалъ англичанинъ, Берингъ, не изъ-за скромности, не изъ-за стыдливости, не изъ-за недостатка прямодушія, а изъ-за того, что свое, и хорошее, и дурное въ насъ самихъ, внутри насъ, а потому и не всегда замѣтно для насъ самихъ; а «со стороны виднѣе». Берингъ, какъ онъ говоритъ въ своемъ предисловіи, старался познать душу Россіи, старался на русскую литературу взглянуть изнутри; и онъ достигъ своего: онъ русскую душу позналъ, понялъ русскую литературу и полюбилъ ее, какъ мы ее любимъ. Но, отойдя въ свой англійскій міръ воззрѣній, онъ оглянулся на Россію и на ея литературу и увидѣлъ ихъ подъ новымъ угломъ зрѣнія, подъ угломъ инымъ, чѣмъ тотъ, подъ которымъ всѣ мы, русскіе, смотримъ на Россію и на ея геніальныхъ мыслителей и писателей.

Своимъ соотечественникамъ Берингъ далъ то, чего они не знали, а намъ разъяснилъ кое-что, чего мы не вполнѣ сознавали и указалъ на многое, ускользавшее отъ нашего вниманія. Книга Беринга—большая цѣнность для русскаго самопознанія.

Н. Хомяковъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Книга, написанная о литературѣ какой-нибудь страны, обращается къ читателямъ двоякаго рода: къ узкому кругу людей, которые хорошо знакомы съ этой литературой на ея родномъ языкѣ, и къ широкой публикѣ, которая едва имѣетъ о ней понятіе по немногимъ переводамъ. Одними изъ двухъ приходится жертвовать, такъ какъ, если обращаться только къ спеціалистамъ, большинство читателей будетъ лишь слабо заинтересовано, а если имѣть въ виду одну широкую публику, болѣе узкій кругъ, знакомый съ даннымъ языкомъ,—услышитъ отъ автора только слишкомъ извѣстныя вещи. Когда дѣло идетъ о русской литературѣ, необходимо рѣшить заранѣе, какой кругъ читателей долженъ быть удовлетворенъ. Эта книга обращается къ тѣмъ, которые интересуются русской литературой, хотя мало съ ней знакомы, но я надѣюсь, что она окажется не безынтересной и для знающихъ людей. Я попробовалъ пойти на компромиссъ, и, обращаясь спеціально къ большинству, не теряю изъ вида и меньшинства.

Я подхожу къ русской литературѣ не столько какъ изслѣдователь, сколько какъ искренній другъ и почитатель. Я постарался понять то, что русскіе сами думаютъ о своей литературѣ, и выразить ихъ точку зрѣнія—насколько она выяснилась для меня изъ ихъ книгъ и изъ разговоровъ, которые, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мнѣ пришлось вести со многими лицами, мужчинами и женщинами, изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ общества.

Мнѣ всегда казалось, что можно изучать какую-нибудь иностранную литературу съ двухъ сторонъ: съ внѣшней и съ внутренней. Постараюсь пояснить свою мысль. Возьмемъ, напримѣръ, французскій языкъ и, въ частности, французскую поэзію. Многіе англійскіе изслѣдователи полагаютъ, что, хотя есть много французскихъ стиховъ, обладающихъ разными прекрасными качествами, однако то, чѣмъ сами французы болѣе всего восхищаются въ своей поэзіи—спеціально французскія качества ея—недостойны вызываемаго ими восхищенія. Такъ, напримѣръ, многіе прекрасные критики говорятъ намъ, что, хотя поэзія французскаго Ренессанса очень хороша, а

французскій романтизмъ далъ многихъ выдающихся геніевъ, однако поэты другого рода, которыхъ сами французы ставятъ на недосягаемую высоту, какъ образецъ классическаго совершенства, Расинъ, Лафонтенъ и др., на самомъ дѣлѣ даже не поэты. Нѣкоторые критики пошли дальше и утверждаютъ, что насколько хорошъ французскій языкъ для прозы, настолько онъ непригоденъ для стихотворной рѣчи, и что французскіе стихи нельзя считать стоящими на одинаковомъ уровнѣ со стихами поэтовъ другихъ странъ. Вотъ что я называю подходить къ вопросу съ внѣшней стороны. Я не только не убѣжденъ въ правильности такого отношенія къ дѣлу, но я считаю его совершенно ложнымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я не могу не думать, что люди, принадлежащіе какой-нибудь національности, являются сами лучшими судьями своего языка и своей литературы, и что иностранный критикъ, какъ бы онъ ни былъ проницателенъ, можетъ не оцѣнить нѣкоторыхъ оттѣнковъ въ смыслѣ и въ звуковой сторонѣ рѣчи, которые особенно дороги соплеменникамъ автора. Такъ, напримѣръ, я увѣренъ, что иностранецъ никогда не оцѣнитъ музыкальности стиховъ Мильтона такъ, какъ это сдѣлаетъ англичанинъ. Во-вторыхъ, такъ какъ я учился французскому языку одновременно съ англійскимъ и хорошо зналъ французскихъ поэтовъ задолго до того, какъ началъ изучать англійскихъ, французская поэзія, съ дѣтства и до сей поры, кажется мнѣ столь же прекрасной, какъ и поэзія всякаго другого народа, и стихъ Расина я нахожу столь же музыкальнымъ, какъ и стихъ Мильтона. Я даже иногда подозрѣваю, что строгія сужденія, высказанныя англійской критикой о французскихъ классикахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ несовершенному знакомству съ французскимъ языкомъ; мнѣ кажется, что, осуждая французскіе стихи, она просто выказываетъ незнаніе законовъ французскаго стихосложенія. Такое незнаніе можетъ оказаться серьезнымъ препятствіемъ къ правильной оцѣнкѣ.

Это отступленіе я сдѣлалъ съ цѣлью объяснить, что я хочу сказать, говоря, что я постарался подойти къ предмету моей книги съ внутренней стороны. Это значитъ, что я постарался превратиться въ русскаго и взглянуть на русскую литературу его глазами—а затѣмъ разсказать моимъ соотечественникамъ то, что я, такимъ образомъ, увидѣлъ. Я не утверждаю, что мнѣ удалось это сдѣлать; но меня сильно поощрила къ работѣ та благодарность за мои старанія, которую я получилъ отъ русскихъ—а они, на мой взглядъ, одни могутъ правильно оцѣнить насколько достигаетъ своей цѣли то, что я написалъ объ ихъ народѣ и объ ихъ книгахъ.

Одно изъ главныхъ затрудненій, встрѣчающихся на пути того, кто занимается изученіемъ русскихъ писателей—парадоксальность

русской натуры. Россія—страна парадоксовъ. Русская натура и русскій характеръ сбиваютъ насъ съ толку, благодаря противоположности заключающихся въ нихъ элементовъ. Вотъ почему разныя изслѣдованія, касающіяся разныхъ сторонъ русской натуры, кажутся намъ часто рядомъ противоположныхъ утвержденій. Поэтому, въ первой главѣ моей книги, я изложилъ то, что я считаю противорѣчивыми сторонами русской души. Несовмѣстимыя свойства этихъ сторонъ являются причиной тѣхъ кажущихся противорѣчій, съ которыми мы сталкиваемся въ русской литературѣ. Такъ, напримѣръ, въ русской натурѣ есть большая доля пассивности, а на ряду съ ней есть что-то необузданное, какой-то духъ, ломающій всѣ преграды и готовый на все; есть также элементъ упорности, несокрушимаго упрямства. Поэтому иной указываетъ на практическую сторону русскаго характера, которая влечетъ его ко всему реальному и внушаетъ отвращеніе ко всему неестественному; другой разсуждаетъ о стремленіи нѣкоторыхъ русскихъ писателей всегда заставлять своихъ героевъ упиваться отвлеченными разговорами; или, напримѣръ, приходится мирить веселый юморъ Гоголя съ мрачной тоской нѣкоторыхъ другихъ писателей. Все это позволяетъ критикѣ обвинить въ несостоятельности того изслѣдователя, который скорѣе хочетъ объяснить нѣкоторыя поразившія его явленія, чѣмъ дать читателю полный и всеобъемлющій взглядъ на предметъ изслѣдованія. Послѣднее, на мой взглядъ, превосходитъ цѣль и средства современнаго писателя.

Читатель, интересующійся русской литературой и желающій получить полное представленіе о ней, ея историческомъ значеніи и развитіи, поступитъ лучше всего, если обратится къ блестящему и серьезному труду профессора Брюкнера «Исторія русской литературы», который прекрасно переведенъ на англійскій языкъ.

Цѣль же моей книги—заинтересовать читателя Россіей и русской литературой и помочь ему выяснить себѣ вопросъ, хочетъ ли онъ пріобрѣсти болѣе основательныя знанія по этому предмету.

Писатели, о которыхъ говорится въ этой книгѣ, принадлежатъ періоду времени, начавшемуся въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія и закончившемуся незадолго до японской войны. Произведенія Чехова заканчиваютъ эту эпоху, которая началась Гоголемъ. Послѣ Чехова, Максимъ Горькій обозначилъ начало новой эры своимъ появленіемъ въ русской литературѣ. Потомъ началась война, а за ней явился цѣлый потокъ новыхъ писателей, новыхъ мыслей, новыхъ школъ и теорій искусства. Самый замѣчательный изъ новыхъ писателей—Андреевъ, но чтобы обсуждать его произведенія, а также произведенія другихъ писателей, послѣдовавшихъ за нимъ, пришлось бы написать другую

книгу. Знатокъ русской литературы замѣтитъ, что я оставилъ въ сторонѣ многихъ писателей выбраннаго мной періода, которые пользуются широкой извѣстностью. Я не писалъ о нихъ по той причинѣ, которую уже высказалъ въ началѣ своего введенія, а именно: въ Англіи недостаточно широкъ кругъ людей, настолько знакомыхъ съ русской литературой, чтобы интересоваться ея менѣе крупными представителями. Мнѣ кажется, что выбранные мной авторы очень типичны, каждый для своего поколѣнія, и я надѣюсь, что моему труду удастся направить интересъ читателей отъ книгъ о Россіи и русской литературѣ—къ самой странѣ и ея писателямъ. Тогда они увидятъ все своими глазами и провѣрятъ впечатлѣнія, полученныя изъ вторыхъ рукъ.

Гл. I. Характеристика русскихъ людей.

Главная трудность, встрѣчающаяся на пути того, кто хочетъ объяснить англійской публикѣ что-нибудь касающееся Россіи— это тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть вслѣдствіе невѣрнаго пониманія употребляемыхъ терминовъ. Напримѣръ, если описываешь русскаго офицера, русскаго бюрократа, русскаго чиновника или русскаго школьнаго учителя—читатель невольно сравниваетъ ихъ въ умѣ съ соотвѣтствующими людьми въ Англіи или въ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ ему довелось побывать. Онъ всегда забываетъ, что есть нѣкоторыя существенныя жизненныя различія между русскими и жителями другихъ странъ, которыя отражаются на всемъ и дѣлаютъ русскаго человѣка абсолютно непохожимъ на соотвѣтствующаго англичанина. Я хочу, прежде чѣмъ подойти къ русскимъ писателямъ, сдѣлать краткій очеркъ характерныхъ чертъ, лежащихъ въ основѣ русской натуры и сильно вліяющихъ на литературу.

Главное, что меня поразило въ русскомъ характерѣ — это та черта, которую такъ удачно выразилъ проф. Милюковъ: «Русскому человѣку недостаетъ цемента лицемѣрія». Этотъ цементъ, который играетъ столь важную роль въ англійской общественной и частной жизни, абсолютно отсутствуетъ въ Россіи. Русская натура пластична: русскій можетъ понять все. Можно формовать его какъ угодно: онъ какъ сырая глина, податливая и мягкая; онъ пассивенъ, онъ опускаетъ голову и подчиняется волѣ судьбы и Провидѣнія. Но въ то же время было бы большой ошибкой думать, что все это признаки слабости. Есть извѣстное упорство въ русскомъ характерѣ, непобѣдимая настойчивость, которыя замѣняютъ силу; иначе русское государство не существовало бы.

Болѣе всего замѣтно отсутствіе лицемѣрія въ отношеніи русскихъ къ людямъ. Русскій человѣкъ нисколько не стѣсняется открыто признаваться въ томъ, чего стыдятся въ другихъ странахъ; онъ не стыдится признать себя, напримѣръ, нечестнымъ, или безнравственнымъ, или трусомъ, если онъ знаетъ, что эти недостатки въ немъ, дѣйствительно, есть; и онъ знаетъ, что другіе не станутъ, вслѣдствіе

этого, хуже къ нему относиться — потому что онъ знаетъ, что они его поймутъ. Поражающая насъ снисходительность русскихъ вытекаетъ именно изъ этой безконечной способности къ пониманію.

Другая черта: отсутствіе лицемѣрія дѣлаетъ ихъ очень нетерпимыми по отношенію ко всякой условности и ко всякому притворству. Они постоянно говорятъ: «почему же нѣтъ»? Они не признаютъ необходимости опредѣленно вести извѣстную линію, они никогда не признали бы за нѣчто связывающее ихъ ту условную мораль и тѣ искусственныя правила поведенія, которыя охватили наше общество стальными узами. Поэтому, если мы посмотримъ въ корень даннаго вопроса, мы выведемъ слѣдующее заключеніе: русскіе гораздо человѣчнѣе и шире, чѣмъ народы всѣхъ европейскихъ и восточныхъ странъ, и будучи человѣчнѣе, ихъ способность пониманія больше— такъ какъ поразительная быстрота, съ которой они все постигаютъ, идетъ больше изъ сердца, чѣмъ изъ головы. Они самый человѣчный и самый добрый отъ природы народъ Европы, или, выражаясь иначе, и, пожалуй, болѣе точно, я сказалъ бы, что въ Россіи больше доброты и гуманности, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Это, можетъ быть, удивитъ читателя; онъ вспомнитъ про мрачныя сообщенія газетъ объ избіеніяхъ, грубомъ обращеніи съ заключенными и о многихъ другихъ вещахъ такого рода, и можетъ усомниться въ истинѣ моихъ словъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, всегда есть и будетъ извѣстное количество жестокости въ жизни и отношеніяхъ людей. Я утверждаю, что ея въ Россіи меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и лишь волненія послѣднихъ лѣтъ привели къ тому, что экцессы всякаго рода со стороны администраціи оставались безъ контроля и ничѣмъ не ограничивались. Поэтому, если человѣкъ, власть имущій надъ другими людьми, случайно былъ грубымъ или жестокимъ, его грубость имѣла болѣе широкое поле дѣйствія и больше случаевъ проявиться, чѣмъ у соотвѣтствующаго лица въ другой странѣ.

За послѣдніе года Россія пережила бурный эволюціонный процессъ, подобный тѣмъ, которые въ другихъ странахъ назывались революціями; но сравнивая этотъ процессъ съ соотвѣтствующими явленіями у другихъ націй и принимая во вниманіе величину Русской Имперіи и разнообразіе народностей, ее населяющихъ, я утверждаю, что процентъ экцессовъ сравнительно меньшій, чѣмъ у другихъ. Есть и иные факторы въ данномъ вопросѣ, которые не слѣдуетъ забывать: во-первыхъ, Россія политически отстала на столѣтіе сравнительно съ другими европейскими странами, а во-вторыхъ, русскіе принимаютъ съ какимъ-то восточнымъ фанатизмомъ тотъ фактъ, что человѣкъ, дурно поступившій, долженъ понести наказаніе, хотя

врожденная имъ жалость внушаетъ имъ отвращеніе къ смертной казни.

Теперь возьмемъ первую часть вопроса и представимъ себѣ, какъ обращались бы съ бѣдными людьми въ Англіи, если бы не существовало Habeas Corpus. Представимъ себѣ, какъ держала бы себя полиція, если бы ея власть была произвольной, если бы никто не былъ отвѣтственъ, если бы всякій полицейскій могъ дѣлать, что угодно, не отвѣчая ни передъ кѣмъ, кромѣ какъ передъ своими прямыми начальниками. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что если бы дѣло дѣйствительно такъ обстояло въ Англіи, положеніе бѣдныхъ людей было бы невыносимымъ. А въ Россіи положеніе бѣдныхъ людей нельзя считать невыносимымъ; оно плохо вслѣдствіе золъ, неотдѣлимыхъ отъ бѣдности, вслѣдствіе пьянства и безконтрольности администраціи, но оно не невыносимо. Если бы оно было таковымъ, вся русская бѣднота, которой насчитывается девяносто милліоновъ, поднялась бы давно уже, какъ одинъ человѣкъ. Она этого не сдѣлала, потому что ея положеніе не невыносимо; а причина послѣдняго та, что зло, о которомъ я говорилъ выше, до извѣстной степени смягчается добродушіемъ и добротой, свойственными русскому характеру, а не усугубляется врожденной грубостью и жестокостью, которую мы видимъ въ латинской и другихъ расахъ.

Съ другой стороны, въ связи съ отсталымъ политическимъ строемъ, вы всегда найдете во всякой странѣ извѣстную безчеловѣчность въ наказаніяхъ. Можетъ быть причина этого лежитъ въ томъ (и вотъ почему пытка употреблялась въ средніе вѣка и до сихъ поръ существуетъ въ Китаѣ) — что, при несовершенствѣ строя, задерживается лишь небольшой процентъ преступниковъ; поэтому, если ужъ преступника поймали, къ нему относятся часто незаслуженно строго. Если вы, напримѣръ, прочтете приговоры къ тѣлесному наказанію въ Англіи XVIII вѣка, произнесенные областными судьями, или почитаете о наказаніяхъ, которыя были общимъ правиломъ въ арміи герцога Веллингтонскаго во время войны съ Франціей 1805-го года, у васъ волосы дыбомъ встанутъ отъ ихъ невѣроятной жестокости. А однако Англія XVIII вѣка была политически болѣе подвинута, чѣмъ современная Россія.

Что касается второй стороны вопроса, то отношеніе русскихъ къ наказаніямъ представляетъ изъ себя странное смѣшеніе понятій. Между тѣмъ, какъ они болѣе снисходительны, чѣмъ какой-либо народъ въ мірѣ, когда дѣло идетъ объ извѣстнаго рода порокахъ и преступленіяхъ, они безжалостно признаютъ необходимость наказанія и приводятъ его въ исполненіе, когда дѣло касается преступленій другого рода. Такъ, напримѣръ, они вполнѣ снисходительны

къ нѣкоторымъ проступкамъ нравственнаго порядка — и непоколебимо строги къ нѣкоторымъ другимъ; и хотя они часто склонны отпустить преступника, говоря: «за что его наказывать» — въ то же время, если онъ наказанъ и даже строго, они примутъ этотъ фактъ, какъ часть того неизбѣжнаго закона, который управляетъ міромъ. Съ другой стороны, они снисходительны къ проступкамъ нравственнаго свойства, которые касаются лишь самого преступника и не затрагиваютъ другихъ; напримѣръ, имъ совершенно все равно, часто ли и въ какой степени человѣкъ будетъ пьянъ; но они горько будутъ осуждать конокрада, такъ какъ онъ вредитъ обществу.

Это настроеніе отражается въ русскомъ Уложеніи о наказаніяхъ. Уголовное законодательство въ Россіи, какъ говоритъ г. Леруа-Болье въ своей классической книгѣ о Россіи, самое мягкое въ Европѣ. Но бѣда въ томъ, какъ постоянно повторяютъ либеральные члены Думы, что не законы въ Россіи плохи, а что они часто нарушаются произволомъ отдѣльныхъ оффиціальныхъ лицъ. Но я не хочу въ этой статьѣ останавливаться на причинахъ политическаго недовольства въ Россіи и на дурныхъ сторонахъ бюрократическаго режима. Я только хочу указать на нѣкоторыя характерныя черты русской націи — и одна изъ нихъ мягкость наказаній, налагаемыхъ закономъ на такія преступленія, которыя въ другихъ странахъ караются быстро и строго, напримѣръ убійство. Смертная казнь была отмѣнена въ Россіи уже въ 1753 году Императрицей Елизаветой; тѣлесное наказаніе существовало только для крестьянъ и приводилось въ исполненіе не административнымъ лицомъ, а ими самими, соотвѣтственно ихъ собственнымъ крестьянскимъ узаконеніямъ, пока оно не было уничтожено нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ въ 1904 году. Такъ что, до начала революціоннаго движенія, случаи смертной казни, примѣнявшейся только при военномъ положеніи, были рѣдки; напримѣръ, съ 1866 года до 1903 года только 104 человѣка подверглись ей во всей Россійской Имперіи, включая сюда такія далекія окраины, какъ Туркестанъ, Забайкалье и Кавказъ; и даже въ настоящее время, когда вся страна фактически на военномъ положеніи, введенномъ для борьбы съ революціей, вы можете убить человѣка и подвергнуться за это лишь нѣсколькимъ годамъ каторги. Контрастъ между мягкимъ обращеніемъ съ неполитическими преступниками и строгостью по отношенію къ политическимъ — поражаетъ русскаго общественнаго дѣятеля въ наши дни, и онъ горько на это жалуется. Но фактъ, тѣмъ не менѣе, остается тотъ (несмотря на многочисленные случаи, возникшіе изъ необычайнаго положенія, созданнаго революціоннымъ дви-

женіемъ) — что смертный приговоръ, вынесенный судомъ, самъ по себѣ противенъ русской натурѣ.

Я теперь приведу нѣсколько случаевъ, иллюстрирующихъ снисходительность русскихъ къ нѣкоторымъ недостаткамъ. Въ полку, съ которымъ я участвовалъ въ Манчжурской кампаніи, было два человѣка; одинъ изъ нихъ былъ добросовѣстенъ, храбръ до героизма, самоотверженъ, точенъ въ исполненіи своихъ обязанностей и взыскателенъ въ требованіяхъ, предъявляемыхъ имъ другимъ, въ исполненіи ими своихъ обязанностей; необыкновенно энергиченъ и способенъ; но онъ былъ строгъ и не шелъ на компромиссы. Былъ и другой человѣкъ, необыкновенно распущенный въ исполненіи своего долга, не вполнѣ добросовѣстно обращавшійся съ казенными деньгами, неспособный—но добрый, какъ только можетъ быть добръ человѣкъ. Я разъ слышалъ, какъ одинъ докторъ, прикомандированный къ нашему полку, сравнивалъ обоихъ, и, взвѣсивши всѣ данныя за и противъ каждаго, пришелъ къ заключенію, что, какъ человѣкъ, второй былъ выше. Недобросовѣстность по отношенію къ казеннымъ деньгамъ казалась ему пустяшнымъ недостаткомъ. Непоколебимое чувство долга и всѣ крупныя военныя доблести, которыя онъ признавалъ въ первомъ, не перевѣшивали въ его глазахъ огромной доброты и сердечности второго: и большинство офицеровъ согласилось съ нимъ. Казалось, имъ въ голову не приходило, что рядъ такихъ качествъ, какъ добросовѣстность, трудоспособность или честность могутъ быть нужнѣе или имѣть преимущество надъ рядомъ другихъ качествъ. Они просто замѣчали отсутствіе этихъ свойствъ въ другихъ или въ себѣ, и считали, что оно было вполнѣ вознаграждено присутствіемъ другихъ. И можно видѣть въ русской литературѣ, что писатели, какъ Достоевскій, не только указываютъ намъ на хорошія стороны обыкновенной дурной личности, т.-е. человѣка, по существу хорошаго, но предающагося пороку или совершающаго преступленіе; но они стараются показать намъ искупающія стороны такого человѣка, который, на первый взглядъ, покажется кореннымъ образомъ испорченнымъ и достойнымъ презрѣнія. Цѣль этихъ писателей—показать, что, какъ нѣтъ необходимыхъ людей, такъ нѣтъ и ненужныхъ. Не существуетъ ненужныхъ людей; всякій человѣкъ, какъ бы низокъ, презрѣненъ и гадокъ онъ ни былъ, имѣетъ такое же право на то, чтобы быть понятымъ, какъ и всякій другой; и они показываютъ, что, будучи понятымъ, онъ, въ концѣ-концовъ, взятый въ цѣломъ, окажется не хуже многихъ другихъ людей.

Другая характерная черта, поражающая въ русской литературѣ, а еще болѣе въ русской жизни, особенно въ низшихъ слояхъ

населенія—это глубокое чувство жалости, свойственное русскому человѣку. Одинъ англійскій калѣка, котораго я встрѣтилъ въ Россіи, сказалъ мнѣ, что здѣсь съ нимъ обращались такъ, какъ никогда и ни въ какой другой странѣ. Всѣ, а особенно бѣдный людъ, замѣчали его несчастье и, угадывая трудность его положенія, приходили ему на помощь.

На улицахъ Москвы и Петербурга вы рѣдко увидите, чтобы нищій просилъ напрасно; и я замѣтилъ, путешествуя въ третьемъ классѣ по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, что если нищіе приходили просить хлѣба у бѣдняковъ, они рѣдко уходили съ пустыми руками. Во время войны, солдаты всегда охотно дѣлились со мной своей пищей, какъ бы мало ея ни было у нихъ для себя, и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ они вполнѣ были бы въ правѣ отослать меня, какъ докучнаго и безполезнаго бездѣльника. Въ Россіи человѣку невозможно умереть съ голода: онъ можетъ быть увѣренъ, что всегда найдетъ кого-нибудь, кто дастъ ему хлѣба, если онъ попроситъ. Въ Сибири крестьяне въ деревняхъ кладутъ хлѣбъ за окно на случай, если пройдетъ мимо бѣглый каторжникъ. Эта основная доброта—самая главная черта русской натуры; она, и выраженіе ея въ русской литературѣ—величайшій вкладъ, который сдѣлали русскіе въ міровую исторію. Она же, вѣроятно, причина ихъ слабости; потому что съ этимъ качествомъ неизбѣжно сопряжены недостатки: распущенность, непониманіе необходимости самодисциплины и непризнаніе тѣхъ условныхъ правилъ и предразсудковъ, которые созидаютъ силу и, какъ выразился проф. Милюковъ, имѣютъ то же значеніе, что цементъ для зданія.

Въ результатѣ, отсутствіе этого прочнаго и связующаго цемента приводитъ къ тому, что становится труднымъ достигнуть вполнѣ добросовѣстнаго и аккуратнаго отношенія къ дѣлу въ такихъ случаяхъ, гдѣ оно совершенно необходимо, напримѣръ на войнѣ. Въ одномъ полку, гдѣ я былъ нѣкоторое время въ теченіе войны, былъ молодой офицеръ, который настаивалъ на томъ, что нужно высоко держать знамя добросовѣстности и точности въ исполненіи своего дѣла. Онъ настаивалъ на томъ, чтобъ его приказанія исполнялись буквально; его товарищи считали его почти сумасшедшимъ. Одинъ разъ мы вступили въ деревню и одинъ изъ молодыхъ офицеровъ приказалъ поставить лошадей во дворѣ, прилегавшемъ къ дому, гдѣ мы должны были расположиться. Тутъ пришелъ вышеупомянутый офицеръ и приказалъ перевести лошадей въ отдѣльный дворъ, считая предыдущее распоряженіе антисанитарнымъ — какимъ оно, дѣйствительно, и было. Онъ ушелъ, а молодой офицеръ и не подумалъ исполнить приказаніе.

«Къ чему? Лошади отлично могутъ оставаться тамъ, гдѣ онѣ стояли». Въ полку считали, что первый позировалъ на что то, хотя, по нашимъ понятіямъ, онъ не былъ ни формалистомъ, ни педантомъ; онъ просто настаивалъ на томъ, что онъ считалъ необходимымъ минимумомъ дисциплины; а между тѣмъ, онъ къ окружающимъ такъ же не пришелся, какъ квадратная заплата къ круглой дырѣ. Болѣе того, въ Россіи, когда кто-нибудь совершитъ явное нарушеніе долга или оставитъ недодѣланной значительную часть своихъ прямыхъ обязанностей—и это одинаково вѣрно для всѣхъ областей русской жизни—рѣдко отнесутся къ нему строго; обыкновенно, ему лишь угрожаютъ наказаніемъ, которое, въ концѣ-концовъ, сводится къ платоническому выговору. И это явленіе, въ связи съ бюрократической системой, имѣетъ опасные результаты, такъ какъ администраторъ часто переходитъ за предѣлы своихъ правъ и позволяетъ себѣ совершать незаконные и произвольные поступки, хорошо зная, что онъ можетъ это сдѣлать безнаказанно. Однимъ изъ доказательствъ того, что Россія вступила въ новую эру, служитъ рядъ фактовъ, никогда не виданныхъ раньше и происшедшихъ въ недавнее время—а именно, наказаніе и устраненіе отъ должностей нѣкоторыхъ провинившихся администраторовъ, какъ, напримѣръ, Гурко, котораго удалили за то, что онъ былъ замѣшанъ въ нѣкоторыхъ, не вполнѣ корректныхъ, поступкахъ въ продовольственномъ дѣлѣ.

Конечно, такая снисходительность, или, вѣрнѣе, происходящая отъ нея распущенность, не всеобщи. Иначе вся страна развалилась бы; а между тѣмъ, она не только не разваливается, но даже во время революціи все продолжало итти своимъ чередомъ, такъ или иначе. Потому что на каждый квадратный аршинъ распущенности приходится квадратный дюймъ необыкновенныхъ способностей и квадратный футъ упорства и добросовѣстности, и, такимъ образомъ, возстанавливается равновѣсіе. Неспособность какого-нибудь Стесселя уравновѣшивается не только блестящей энергіей какого-нибудь Кондратенко, но и упорнымъ трудомъ тысячи безвѣстныхъ людей. И это вѣрно для всѣхъ сторонъ русской общественной жизни. Но въ то же время элементъ пассивнаго предоставленія всего своему теченію, разсужденіе: «что мнѣ за дѣло», то, что въ Россіи обозначается словомъ «ничего»—остается главной чертой; и она перевѣшивается другими серьезными качествами лишь настолько, чтобы государственная машина какъ-нибудь дѣйствовала. Это тоже причина кажущейся слабости революціонныхъ элементовъ въ Россіи. Ряды этихъ людей, которые въ одинъ моментъ кажутся неисчислимыми, въ слѣдующій—кажутся развѣянными на всѣ четыре стороны. Они кажутся подчинившимися и покорившимися судьбѣ. Но, тѣмъ не

менѣе остается неумирающее пассивное сопротивленіе; и на днѣ русскаго характера, на что бы онъ ни направилъ свои силы, будь то революція или что-либо другое, всегда есть доза этой упорной настойчивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ русской исторіи встрѣчаешься, со временъ Петра Великаго и до нашихъ дней, съ отдѣльными проявленіями необычной энергіи и организаторскихъ способностей, каковы, напримѣръ, Суворовъ, Скобелевъ, Кондратенко, Хилковъ, или чтобы указать на менѣе извѣстный примѣръ, Хрусталевъ (сыгравшій главную роль въ организаціи рабочаго сословія во время всеобщей забастовки въ 1905 г.).

Доставка русскихъ войскъ въ Манчжурію во время войны по одной лишь желѣзнодорожной линіи (что удалось сдѣлать благодаря блестящей энергіи и распорядительности кн. Хилкова) — уже одна служитъ доказательствомъ способности энергично дѣйствовать и прекрасно организовать дѣло, несмотря на величайшія матеріальныя трудности. Ляоянская станція во время войны была подъ начальствомъ человѣка, чье имя я забылъ, но который выказалъ тѣ же свойства—энергію и находчивость. Въ тотъ день, когда Ляоянъ былъ очищенъ и пока станцію бомбардировали, онъ нашелъ способъ вывести изъ нея всѣ поѣзда и ничего не оставить за собой. Вообще очень много было такихъ примѣровъ, теперь мало кому извѣстныхъ, которые можно противопоставить неспособности и неудачнымъ дѣйствіямъ, о которыхъ такъ много слышно.

Быть можетъ именно это соединеніе противоположныхъ свойствъ, это смѣшеніе мягкости, распущенности и беззаботности (все это свойства, придающія натурѣ податливость, уступчивость и пластичность) съ безконечной выносливостью, вдохновенной энергіей и безграничнымъ терпѣніемъ передъ лицомъ препятствій, кажущихся непреодолимыми,—и дѣлаетъ русскій характеръ столь труднымъ для пониманія. Съ одной стороны, передъ вами человѣкъ, склоняющій голову передъ препятствіемъ, говорящій при этомъ «ничего» и считающій, что въ концѣ концовъ это не особенно важно; а съ другой—человѣкъ, который изъ нѣсколькихъ соломинокъ строитъ каменный дворецъ. Петръ Великій былъ какъ разъ человѣкомъ такого рода, и Суворовъ и Кондратенко были такими же, хотя въ меньшей степени. И еще передъ вами третій родъ людей: человѣкъ, вполнѣ побѣжденный и, на первый взглядъ, совершенно покорившійся, продолжаетъ сопротивляться — это типъ пассивнаго сопротивленія, упорство котораго неограниченно, и вліяніе въ такомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, революція, не поддается учету.

Часто говорили, что Россія—страна парадоксовъ; быть можетъ, нѣтъ большаго парадокса, чѣмъ это смѣшеніе слабости и упорства

въ русскомъ характерѣ, и чѣмъ тотъ фактъ, что иной разъ русскій готовъ сразу сдаться, а другой разъ онъ обращается въ упругую массу, которую, сколько бы ни тянули въ разныя стороны, разорвать нельзя. Онъ неутомимъ и не поддается разрушенію, несмотря на свои непримиримыя противорѣчія—и вотъ какимъ образомъ мы встрѣчаемся въ русской исторіи съ людьми колоссальной энергіи какъ Петръ Великій, и колоссальной распущенности, какъ намѣстникъ Алексѣевъ.

Говорятъ часто о расточительности Провидѣнія, никогда не сотворившаго рубина безъ трещины; но не есть ли это скорѣе результатъ поразительной экономіи, которая никогда не дастъ намъ кофе безъ нѣкоторой примѣси цикорія?

Гл. II. Реализмъ русской литературы.

Когда современный писатель произноситъ слово «реализмъ», онъ рискуетъ получить упрекъ въ томъ, что онъ послѣдователь особенной школы, что онъ склоненъ пропагандировать странную и исключительную теорію искусства. Однако, когда приходится разсуждать о русской литературѣ, неизбѣжно приходится употребить слово «реализмъ», поэтому лучше, если я сразу ясно изложу читателю, что я хочу сказать, утверждая, что главная черта какъ русской поэзіи, такъ и русской прозы — ихъ близость къ природѣ, ихъ любовь къ дѣйствительности, которыя, за неимѣніемъ лучшаго слова, нельзя назвать иначе, какъ реализмомъ. Когда это слово употребляется по отношенію къ литературѣ, можетъ возникнуть недоразумѣніе двоякаго рода. Это неизбѣжно, такъ какъ слово «реализмъ» употреблялось обыкновенно для обозначенія спеціальныхъ школъ и литературныхъ теорій, которыя надѣлали много шума во Франціи и въ Англіи, да и повсюду.

Первое недоразумѣніе возникаетъ вслѣдствіе употребленія этого слова французской школой писателей, которые имѣли цѣлью писать научные романы, гдѣ читателямъ преподносился кусокъ неприкрашенной жизни; эти писатели стремились нагроможденіемъ деталей произвести впечатлѣніе полной реальности. Наиболѣе извѣстнымъ писателямъ этого направленія во Франціи не удалось достичь намѣченной цѣли, хотя они достигли поразительныхъ результатовъ другого характера. Такъ, напримѣръ, Эмилю Зола блестяще удавалась эпическая проза на такіе сюжеты, какъ жизнь въ шахтахъ, въ большомъ магазинѣ или во время войны; иначе говоря, онъ достигалъ поэтическихъ эффектовъ, когда писалъ широкой кистью и приводилъ въ движеніе массы. Онъ создалъ несравненныя панорамы, но производимое ими впечатлѣніе—романтическое, поэтическое. Когда онъ старался быть реальнымъ, когда онъ стремился объяснить все нагроможденіемъ подробности на подробность, онъ сразу становился скучнымъ и противнымъ. Онъ не только не показывалъ намъ правды, но производилъ впечатлѣніе извращеннаго преувеличенія, подобнаго тому, какое получается отъ нѣкоторыхъ увеличивающихъ и искажающихъ зеркалъ.

Второе недоразумѣніе по поводу слова «реализмъ» слѣдующее. Нѣкоторые считаютъ, что если авторъ хочетъ достигнуть впечатлѣнія правды и реальности въ своихъ произведеніяхъ, онъ непремѣнно лишенъ желанія и умѣнія выбирать факты изъ дѣйствительности и, слѣдовательно, его произведенія непремѣнно хаотичны. Недавно я включилъ въ мое собраніе критическихъ очерковъ очень короткую и неполную замѣтку о нѣкоторыхъ сторонахъ русскаго театра, и, упоминая о русскомъ драматургѣ Чеховѣ, я говорилъ слѣдующее: «русская сцена хочетъ просто одного: описать ежедневную жизнь; не одну лишь грубость ея, не ужасныя катастрофы, могущія случиться съ человѣкомъ, не разборъ сложныхъ проблемъ и трудныхъ для добросовѣстнаго разрѣшенія случаевъ, въ которыхъ онъ можетъ запутаться. Она просто хочетъ дать намъ возможность взглянуть на человѣка, какой онъ въ дѣйствительности, и путемъ такихъ бѣглыхъ взглядовъ она показываетъ намъ всю его внутреннюю жизнь и прорубаетъ туда дорогу». Я къ этому прибавилъ, что такія пьесы имѣли бы успѣхъ всюду.

Одинъ критикъ, комментируя эти слова въ интересной статьѣ, говоритъ, что мои замѣчанія указываютъ на ошибочность моихъ взглядовъ на реализмъ. «Какъ-будто созданіе такихъ пьесъ не есть всегдашняя цѣль драматурга», пишетъ онъ. «Но драматургъ изобразилъ бы на сценѣ хаосъ, а не настоящую жизнь, если бы онъ представилъ намъ не тщательно подобранныхъ имъ людей, совершающихъ не опредѣленно выбранные имъ поступки, въ невыбранные имъ моменты жизни. Идея, связывающая дѣйствіе, идея, выведенная разумомъ изъ жизненнаго опыта — вотъ наиболѣе реальная и жизненная часть произведенія, если оно хорошо».

Я знаю такъ же хорошо, какъ этотъ критикъ, или кто бы то ни было другой, что въ этомъ состоитъ цѣль всѣхъ драматурговъ; но этой цѣли они часто не достигаютъ. Напримѣръ, за послѣднія 30 лѣтъ, во Франціи и въ Англіи было написано много замѣчательныхъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ, въ которыхъ поведеніе дѣйствующихъ лицъ, хотя и очень эффектное на сценѣ, совершенно непохоже на поведеніе мужчинъ или женщинъ въ дѣйствительной жизни. Съ другой стороны, когда я писалъ о русской литературѣ, я никогда не хотѣлъ сказать, что русскіе драматурги представляютъ намъ первыхъ попавшихся людей, совершающихъ какіе угодно поступки, въ любой моментъ времени, или что какіе-либо драматурги должны это дѣлать. Такъ какъ мой очеркъ былъ кратокъ, я не имѣлъ возможности разобрать вопросъ во всей его полнотѣ, но я предполагалъ, что, если о пьесѣ какого-нибудь автора говорятъ, какъ о вѣрно изображающей дѣйствительность, и если въ то же время она хороша съ театральной

и драматической точекъ зрѣнія (иначе говоря, если она интересна для широкой публики), всякій читатель пойметъ (какъ, въ дѣйствительности, многіе читатели и поняли), что въ произведеніи такого драматурга необходимо долженъ быть тщательный подборъ фактовъ и людей.

Дальше въ этой книгѣ, когда я буду говорить о нѣкоторыхъ пьесахъ Чехова и обсуждать ихъ, я надѣюсь выяснить, что эти произведенія далеки отъ хаотичности; напротивъ, они являются изображеніемъ хотя и созданныхъ авторомъ, но реальныхъ людей, производящихъ придуманныя имъ, но возможныя дѣйствія, въ выбранный имъ, но интересный моментъ жизни. Разница между Чеховымъ и большинствомъ англійскихъ и французскихъ драматурговъ, кромѣ писателей современной школы, та, что моменты, выбранные имъ, на первый взглядъ кажутся черезчуръ обыденными. Его геніальность заключается въ умѣніи показать драматическое значеніе того, что кажется обыденнымъ. Само собою очевидно,—на это я укажу еще впослѣдствіи,—что чѣмъ реальнѣе пьеса, тѣмъ она ближе къ жизни; чѣмъ менѣе значительно дѣйствіе, изображенное въ ней, тѣмъ больше долженъ быть талантъ писателя, чтобы сдѣлать его интереснымъ; чѣмъ увѣреннѣе его искусство, тѣмъ вѣрнѣе его способность построенія, тѣмъ больше умѣнье выбирать то, что интересно.

Господинъ Максъ Бирбомъ однажды пояснилъ это блестящимъ примѣромъ. Онъ пишетъ: «Драматургъ, изображающій злодѣевъ, героевъ, плутовъ, странныхъ людей, которые совершаютъ необычайные или смѣшные поступки, или надъ которыми ихъ совершаютъ, имѣетъ большое преимущество надъ писателемъ, занимающимся просто вами и мною. Первому его матеріалъ служитъ трамплиномъ, а второй долженъ совершать прыжокъ съ ровнаго мѣста и долженъ быть въ большой степени атлетомъ».

Вотъ именно то, что я хочу сказать: большинство современныхъ и прежнихъ писателей Россіи принадлежатъ ко второму роду. Но они обладаютъ силой атлетовъ и ихъ произведенія не только не хаотичны, но часто даютъ намъ примѣръ,—какъ пьесы Чехова,—высокой степени умѣнья построить и связать драму, и безошибочно понимать то, что можетъ производить впечатлѣніе на сценѣ, хотя на первый взглядъ выборъ ихъ сюжетовъ можетъ показаться очень не сценичнымъ. Поэтому, все вышесказанное можетъ быть выражено въ двухъ утвержденіяхъ: во-первыхъ, русская литература, вслѣдствіе своей реальности, не имѣетъ ничего общаго съ произведеніями нѣкоторыхъ французскихъ «натуралистовъ», благодаря которымъ слово «реализмъ» получило столь широкое распространеніе; во-вторыхъ, русская литература, хотя она реалистична, вовсе не хаотична

и достигаетъ большого совершенства въ умѣніи выбирать изъ жизни факты и людей. Я хочу остановиться на особенностяхъ русскаго реализма, такъ какъ мнѣ кажется, что именно благодаря имъ русская литература такъ отличается отъ литературъ другихъ странъ.

Я не говорю въ своей книгѣ о русскихъ поэтахъ, потому что число читателей, знакомыхъ съ русской поэзіей въ оригиналѣ, очень ограничено, а обсуждать ее, основываясь на переводахъ, мнѣ кажется невозможнымъ, такъ какъ никакой переводъ, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, не можетъ передать читателю музыки, аромата и прелести оригинала. Но именно въ русской поэзіи яснѣе всего, пожалуй, выражается русскій реализмъ. Всякій читатель, знакомый съ нѣмецкой литературой, согласится, я думаю, съ тѣмъ, что когда сравниваешь французскую или англійскую поэзію съ нѣмецкой, и французскій или англійскій романтизмъ съ нѣмецкимъ, замѣчаешь, когда приближаешься къ твореніямъ нѣмцевъ, что вступаешь въ болѣе спокойную и уравновѣшенную область. Оставляешь за собой англійскія красочность и шумность: «пурпурные мазки» Шекспира, огненное воображеніе Китса, радужныя и полныя полета фантазіи Шелли, волшебные горизонты Кольриджа. Оставляешь также позади бряцаніе оружіемъ и яркую смѣлость французовъ: боевыя трубы Корнеля, флейты и арфы Расина, многотрубный органъ Виктора Гюго, бурныя картины Мюссэ, торжественную лирику Флобера, узорныя мечтанія Готье и всю красочность и пышность Парнассцевъ. Оставляешь все это за собой и вступаешь въ страну яснаго неба, мирныхъ пастбищъ и тихихъ лѣсовъ, гдѣ радостно щебечутъ птицы, перекликаясь съ грустными нотами рожка и камышевой дудки и замолкая при звукахъ простой мелодіи странствующаго скрипача, иногда грустной, иногда веселой.

Правда, въ этой странѣ мы иногда видимъ далекіе холмы или широко текущія воды, звѣздныя ночи или волшебныя сумерки; въ этой странѣ слышимъ мы иногда звуки волшебнаго рога, легкіе шаги фей, молотки прилежныхъ кобольдовъ, нетерпѣливый стукъ копытъ и ржаніе рыцарскихъ коней. Но нѣтъ ничего дико-фантастичнаго, зловѣщаго или поражающаго великолѣпіемъ; ничего бурнаго, необузданнаго или крайняго. Когда нѣмцы хотѣли изобразить подобнаго рода вещи, они это дѣлали въ своей музыкѣ, но не въ поэзіи. Зато они въ ней дали—и сдѣлали это лучше чѣмъ кто-либо другой—изображеніе самыхъ простыхъ мыслей и чувствъ самыми простыми словами. Они говорили о первой любви, объ улыбкѣ и слезахъ дѣтей, о веснѣ и цвѣтахъ, о мечтахъ молодости и о думахъ стариковъ—съ простотой и спокойствіемъ, непревзойденными ни однимъ писателемъ другой страны. А когда они говорятъ о сверхъестественномъ,

о привидѣніяхъ и феяхъ, когда разсказываютъ легенды о геройскихъ поступкахъ влюбленныхъ призраковъ,—въ ихъ разсказахъ обо всемъ этомъ чувствуется простота и уютность, какъ-будто слушаешь ихъ у камина, въ уютномъ домѣ, или на деревенской площади, гдѣ поютъ подъ аккомпанементъ волынки. Многимъ нѣмцамъ фантазіи Виктора Гюго или Шелли непріятны и чужды. Имъ кажется, что они слушаютъ людей, говорящихъ слишкомъ громко и слишкомъ азартно, и имъ хочется уйти или заткнуть уши. Съ другой стороны, поэты, какъ Китсъ и Готье, производятъ на нихъ такое впечатлѣніе, будто они слушаютъ какіе-то безсмысленные и страстные звуки.

Русская поэзія дѣлаетъ шагъ дальше въ томъ же направленіи. Читатель, входящій въ область русской поэзіи послѣ французской и англійской, испытываетъ то же ощущеніе, что входя въ нѣмецкую, но въ еще большей степени. Русская поэзія еще ближе въ землѣ; даже мистицизмъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ романтиковъ чуждъ ей. Область нѣмецкой поэзіи спокойна и уравновѣшена,—это правда; но въ ея лѣсахъ можно слышать, какъ я уже говорилъ, топотъ тѣхъ копытъ, которыя уносятъ ѣздоковъ въ невѣдомыя страны. Въ нѣмецкой поэзіи есть и аллегоричность, пантеистическія мечтанія, которыя тоже чужды русскому поэтическому генію и, слѣдовательно, не отражаются въ русской поэзіи.

Русскій поэтическій геній и, слѣдовательно, русская поэзія, не только тѣсно связаны съ почвой, но основываются на глубокомъ здравомъ смыслѣ и проникнуты имъ, проникнуты удивительной простотой, идущей прямо къ дѣлу и не терпящей вычурности, лишнихъ украшеній. И этотъ здравый смыслъ, которымъ такъ полонъ величайшій русскій поэтъ Пушкинъ, такъ же далекъ отъ нѣмецкой «Schwärmerei», какъ и отъ французской риторики или цвѣтистаго воображенія англичанъ. Въ русской поэзіи XIX вѣка, несмотря на энтузіазмъ, вызванный въ нѣкоторыхъ поэтахъ красотами Кавказа, даже природѣ отводится мало мѣста. Природа въ поэзіи Пушкина болѣе или менѣе условна: почти единственный упомянутый цвѣтокъ—роза, единственная упомянутая птица—соловей. И хотя нѣкоторые русскіе поэты усвоили себѣ способы изображенія романтизма (преимущественно благодаря вліянію Байрона), ихъ истинная натура, ихъ основная черта пробиваются сквозь эту внѣшность. Болѣе того, въ русскомъ романтизмѣ есть элементъ пассивнаго повиновенія, подчиненія авторитету, которое отчасти происходитъ отъ пассивныхъ свойствъ русской натуры, отчасти вытекаетъ изъ политической и общественной атмосферы начала XIX столѣтія. Ни одинъ русскій романтическій поэтъ, напримѣръ, не стремился достигнуть туманныхъ далей умозрительныхъ построеній Шелли, и ни одинъ изъ нихъ

не испустилъ бы такого бурнаго крика возмущенія, какъ Мюссэ въ своей «Ролла»; но русскіе поэты сумѣли сдѣлать одно, и сдѣлать такъ, что это имъ даетъ единственное и исключительное положеніе въ міровой литературѣ: это извлечь поэзію изъ ежедневной жизни, которую они видѣли кругомъ себя, и выразить ее въ стихахъ неподражаемой красоты. Русская поэзія, какъ и русская натура, пластична. Пластичность, способность примѣняться, способность понимать — великія качества Пушкина. Его стихъ «простъ, страстенъ и вдохновененъ», въ немъ нѣтъ ничего неяснаго, нѣтъ туманныхъ контуровъ, нѣтъ затемняющихъ подробностей; онъ вполнѣ гармониченъ, и эта гармонія, соединенная съ глубокимъ чувствомъ мѣры и здравымъ смысломъ, напоминаетъ намъ при чтеніи Пушкина греческое искусство и показываетъ намъ, что онъ классикъ, хотя и употребляетъ часто пріемы романтизма.

Мередитъ сказалъ гдѣ-то, что поэзія смертныхъ заключается въ ихъ ежедневной прозѣ. Именно этотъ родъ поэзіи, поэзію, возникающую изъ инцидентовъ обыкновенной жизни, русскіе поэты такъ удачно выразили въ своихъ стихахъ. Въ русской поэзіи есть такая простота и здравость изображенія, какія нигдѣ больше не встрѣчаются; тѣ же свойства видимъ мы въ русскомъ народномъ творчествѣ; даже русскія привидѣнія, и, ужъ конечно, русскій чортъ, имѣютъ въ себѣ эти черты. Самый романтичный изъ русскихъ поэтовъ, Лермонтовъ, конечно, обладаетъ качествами, напоминающими намъ скорѣй Теккерея, чѣмъ Байрона или Шелли, хотя послѣдніе имѣли на него несомнѣнное вліяніе. Я приведу въ примѣръ одно изъ его извѣстныхъ стихотвореній; оно называется «Завѣщаніе» и заключаетъ въ себѣ слова, произносимыя человѣкомъ, смертельно раненымъ въ сраженіи.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить.
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ... Да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.
А если спроситъ кто-нибудь...
Ну кто бы ни спросилъ —
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю

Поклонъ я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.
Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей.
Пустого сердца не жалѣй;
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ.

Слова этого стихотворенія тѣ самыя, которыя употребляются въ обыкновенномъ разговорѣ, они именно тѣ, которыя сказалъ бы солдатъ въ подобномъ случаѣ. Не употреблено ни одно поэтическое или литературное выраженіе. А тѣмъ не менѣе стихотвореніе даетъ намъ впечатлѣніе поэтическаго чутья и высокаго поэтическаго искусства. Я не знаю ни одного другого языка, на которомъ это было бы возможно. Если вы перевели бы стихи буквально, вамъ пришлось бы сказать: «I would like a word alone with you, old fellow or old chap» (переводъ слова «товарищъ, братъ», который невозможно употребить въ англійскихъ стихахъ въ силу его тривіальности, а другого слова нѣтъ); и я не знаю ни одного англійскаго поэта, которому удалось бы въ стихахъ употреблять ежедневный разговорный языкъ, не прибѣгая къ помощи діалектовъ или мѣстныхъ выраженій. Для этого необходимъ весь укладъ русской натуры и русскаго языка.

Я приведу другой примѣръ. Есть русскій поэтъ Крыловъ, который писалъ басни въ родѣ лафонтеновскихъ, въ большинствѣ случаевъ основанныя на басняхъ Эзопа. Онъ написалъ передѣлку одного изъ лучшихъ произведеній Лафонтена «Два голубя», которая начинается такъ:

Два голубя, какъ два родные брата, жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ, вѣрно, тамъ;
И радость и печаль — все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало;
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Послѣдняя строчка, быть-можетъ, одна изъ самыхъ поэтичныхъ въ русской литературѣ, абсолютно непереводима ни на англійскій,

ни на какой другой языкъ. Немыслимо на англійскій перевести слово «скучно» такъ, чтобы оно было поэтично. («Скучно» переводится «boring», абсолютно непоэтическое выраженіе, замѣняемое въ стихахъ парафразами.) А по-русски можно, такъ какъ слово «скучно» нисколько не менѣе поэтично, чѣмъ слово «грустно». И это показываетъ, что русскимъ легче извлекать поэзію изъ ежедневной жизни, чѣмъ англичанамъ.

Чувство мѣры, простота русскаго поэтическаго генія — его нелюбовь ко всему преувеличенному, напыщенному — ясно выражаются и въ манерѣ русскихъ поэтовъ описывать природу. Я говорилъ выше, что поэты начала XIX вѣка, сравнительно съ ихъ европейскими современниками, мало занимаются природой; но возьмемъ поэта болѣе поздней эпохи, гр. Алексѣя Толстого, писавшаго въ 50-хъ годахъ, котораго справедливо можно назвать русскимъ Теннисономъ. Въ его произведеніяхъ любовь къ природѣ проявляется на каждой страницѣ. Его стихи показываютъ намъ природу южной Россіи, прелесть и свойства этой страны приблизительно такъ, какъ Теннисонъ въ своемъ «In memoriam» вызываетъ передъ нами образы Англіи. Однако, если мы ихъ сравнимъ, мы увидимъ, что творчество русскаго поэта ближе къ природѣ, оно просто до такой степени, какая недостижима ни на какомъ другомъ языкѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ его стихотвореній:

ГРЕБЛЯ.

По греблѣ неровной и тряской
Вдоль мокрыхъ рыбачьихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней.
Сижу и смотрю я дорогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогій,
На дальній дымокъ деревень.
По греблѣ, со вглядомъ угрюмымъ,
Проходитъ оборванный жидъ;
Изъ озера, съ пѣной и шумомъ,
Вода черезъ греблю бѣжитъ.
Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугѣ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подняли крикъ.
Близъ мельницы старой и шаткой
Сидятъ на травѣ мужики;
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣниво подвозитъ мѣшки...
Мнѣ кажется все такъ знакомо

Хоть не былъ я здѣсь никогда,
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода,
И мельницы говоръ унылый,
И ветхое въ полѣ гумно,
Все это когда-то ужъ было,
Но мною забыто давно.
Такъ точно ступала лошадка,
Такіе жъ тащила мѣшки,
Такіе жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики;
И такъ же шелъ жидъ бородатый,
И такъ же шумѣла вода—
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

Я уже сказалъ, что русскія сказки и народное творчество вообще проникнуты той же простотой изображенія. И я считаю это свойство такимъ основнымъ, я считаю пониманіе его настолько необходимымъ для изучающаго русскую литературу, что я позволю себѣ привести полностью одну народную сказку, вполнѣ проникнутую этимъ свойствомъ. Достаточно сравнить ее съ французской или англійской народной сказкой, чтобы понять, что я хочу сказать.

Дуракъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ старикъ, у него было три сына. Двое изъ нихъ были умные, а третій былъ дуракъ. Отецъ умеръ, и сыновья стали жеребья кидать о наслѣдствѣ; старшіе получили все хорошее, а третьему достался одинъ старый волъ, да и тотъ худой и костлявый. Настало время ярмарки, и умные сыновья начали собираться торговать итти. Дуракъ увидѣлъ это и говоритъ: «Я тоже, братцы, поведу своего вола на ярмарку». И онъ привязалъ ему веревку къ рогамъ и повелъ въ городъ. По дорогѣ онъ шелъ березовой рощей, въ ней росла старая, сухая береза. Дулъ вѣтеръ и береза скрипѣла. «Почему береза скрипитъ»?—подумалъ дуракъ—«Вѣрно она хочетъ купить моего вола».

— Береза-береза, хочешь вола купить? Коль хочешь, покупай, цѣна ему 20 рублей; не могу уступить. Подавай сюда денежки.

Но береза ничего не отвѣчала и только скрипѣла, и дуракъ подивился, что береза не хочетъ платить ему сразу.

— Ну ладно, до завтра подожду,—сказалъ дуракъ.

Онъ привязалъ вола къ березѣ, попрощался съ ней и пошелъ домой. Умные братья стали его разспрашивать:

— Ну, дуракъ, продалъ своего вола?

— Продалъ.

— А сколько дали?

— Двадцать рублей.

— А гдѣ же деньги?

— Да нѣту еще, обѣщали завтра дать.

— Эхъ, ты дуракъ!—сказали старшіе братья.

На слѣдующій день, рано поутру, дуракъ одѣлся и пошелъ къ березѣ за деньгами. Онъ пришелъ въ лѣсъ; береза все качалась и скрипѣла, а вола не было: его за ночь волки съѣли.

— Ну,—говоритъ дуракъ,—подавай деньги, вѣдь обѣщала мнѣ заплатить сегодня.

Вѣтеръ дулъ, береза скрипѣла, и дуракъ сказалъ:

— Ну, тебѣ, видно, нельзя вѣрить; вчера ты сказала: «заплачу завтра», а теперь не хочешь. Ладно ужъ, подожду еще до завтра, а больше немогу—самому деньги нужны.

Дуракъ пошелъ домой. Старшіе братья спросили:

— Ну что, получилъ деньги?

— Нѣтъ, братцы, еще придется денекъ обождать.

— Кому же ты продалъ?

— Сухой березѣ въ лѣсу.

— Вотъ дуракъ!—сказали старшіе братья.

На третій день дуракъ взялъ топоръ и отправился въ лѣсъ. Онъ пришелъ и сталъ требовать деньги. Береза все скрипѣла, да скрипѣла.

— Ну, землячка,—сказалъ дуракъ,—если ты все отнѣкиваться будешь, я ничего не получу. Я шутить не люблю и расправлюсь съ тобой по-своему.

Онъ взялъ топоръ и ударилъ по березѣ такъ, что щепки полетѣли. А въ деревѣ было дупло, а въ дуплѣ разбойники спрятали мѣшокъ съ червонцами. Дерево сломалось пополамъ и дуракъ увидѣлъ кучу золота; онъ забралъ горсть и понесъ домой показать братьямъ.

Братья спросили его:

— Откуда ты, дуракъ, столько денегъ набралъ?

— Мнѣ землячка дала за вола, и еще много осталось, я и половины домой снести не могъ. Пойдемте, братцы, заберемъ остальное.

Они пошли въ лѣсъ, взяли деньги и понесли ихъ домой.

— Теперь смотри, дуракъ, никому не говори, что у насъ денегъ столько,—сказали умные братья.

— Да ужъ ладно, никому не скажу,—обѣщалъ дуракъ.

Вскорѣ имъ повстрѣчался дьячокъ; онъ спросилъ:

— Что это вы изъ лѣсу несете?

— Грибы,—отвѣчали старшіе братья.

Но дуракъ сказалъ:—Они неправду говорятъ, мы золото несемъ. Хочешь—смотри.

Дьячокъ посмотрѣлъ, подивился, сунулъ туда руку, забралъ сколько могъ и въ карманъ положилъ. Это не понравилось дураку, онъ ударилъ его топоромъ и убилъ насмерть.

— Эхъ дуракъ, что же ты надѣлалъ!—сказали старшіе братья.— Что мы будемъ дѣлать? Думали-думали и надумали: взяли тѣло и положили его въ пустой погребъ. Поздно вечеромъ старшій братъ сказалъ второму:—Плохо наше дѣло. Какъ замѣтятъ, что дьячка нѣтъ, дуракъ сейчасъ и проболтается. Давай убьемъ козла, спрячемъ его въ погребъ, а тѣло отнесемъ въ другое мѣсто.—Они подождали, чтобы стемнѣло, убили козла, положили его въ погребъ, а мертваго дьячка отнесли подальше и зарыли. Прошло нѣсколько дней, дьячка вездѣ искали и всѣхъ о немъ разспрашивали. Дуракъ и сказалъ тогда:—Что вы его ищете? Я его топоромъ зарубилъ, а братья его въ погребъ спрятали.

Тогда схватили дурака и сказали ему: «веди насъ и покажи».

Дуракъ спустился въ погребъ, взялъ козла за голову и спросилъ: «Что вашъ дьячокъ черенъ былъ?»—Черенъ—«У него борода была?»— Была—«А рога были?»—Какіе рога, дуракъ этакій?—«А вотъ какіе, посмотрите», и онъ вытащилъ козла. Посмотрѣлъ на него народъ, плюнулъ да и разошелся по домамъ.

Эта сказка, болѣе чѣмъ многія страницы разсужденій и анализа, поясняетъ мою мысль. Если русскій поэтъ и русскій мужикъ, одинъ въ своихъ стихахъ, другой въ сказкахъ и пѣсняхъ, просты, не любятъ необузданной фантазіи и болѣе всего любятъ правду; если своей близостью къ природѣ, своимъ даромъ видѣть вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ и выражать ихъ съ величайшей простотой, спокойно, безъ всякой искусственности или аффектированности, они даютъ намъ право назвать ихъ реалистами—то, въ такомъ случаѣ, реализмъ не есть знамя опредѣленной школы, теорія ограниченнаго круга людей или лозунгъ литературной партіи, а лишь естественное выраженіе русскаго характера и русской натуры.

Я постараюсь въ моей книгѣ объяснить и иллюстрировать примѣрами свойства русской натуры, наблюдая за самыми разнообразными проявленіями ихъ; но всѣ эти проявленія, какъ бы они ни были различны, объединяются одной общей чертой: это именно тѣмъ реализмомъ, о которомъ я говорилъ выше. И если изучающій русскую литературу не уяснитъ себѣ этого, не пойметъ въ чемъ состоитъ русскій реализмъ, не пойметъ его значенія—для него непонятны будутъ ни русскіе люди, ни ихъ литература.

Гл. III. Гоголь и веселость русскихъ людей.

Первое, что поражаетъ англійскаго читателя, погружающагося въ чтеніе русскихъ писателей—это безутѣшная тоска, уныніе описываемыхъ людей и событій. Все сѣро, всѣ подавлены; вездѣ царитъ безнадежная меланхолія. Съ другой стороны, первое, что поражаетъ англійскаго путешественника, впервые переѣзжающаго русскую границу—это веселость русскихъ людей. Это впечатлѣніе лучше всего описано г. Чарльзомъ Хэндомъ въ его статьѣ, появившейся лѣтомъ 1905 года въ «Daily Mail». Г. Хэндъ выразилъ въ этой статьѣ свои впечатлѣнія о русскихъ людяхъ, собранныя имъ за два года, проведенные съ ними на войнѣ и въ мирной обстановкѣ. Его послѣднія впечатлѣнія были тѣ же, какія онъ испыталъ, пріѣхавъ въ Россію въ первый разъ. Улицы Петербурга были полны народа и, несмотря на шедшій снѣгъ, на сильный вѣтеръ и сильный холодъ, всѣ имѣли довольный видъ. Никто не казался ворчливымъ, и онъ не встрѣчался съ недовольными лицами.

Я самъ испыталъ впечатлѣніе подобное этому; въ одинъ іюльскій вечеръ 1906 года я гулялъ по улицамъ Петербурга. Это было то воскресенье, въ которое была распущена Государственная Дума; роспускъ ея былъ объявленъ въ это самое утро. Улицы были полны народа, по большей части бѣдноты. Я гулялъ съ однимъ англичаниномъ, проведшимъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, и онъ мнѣ сказалъ: «Можно сколько угодно говорить о несчастіяхъ этой страны, но видали ли вы гдѣ-нибудь болѣе веселую воскресную толпу?» Я смѣло могу сказать, что никогда не видѣлъ.

Въ русской натурѣ есть счастливый элементъ подчиненія неизбѣжному, умѣнье примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, какъ бы тяжелы они ни были—свойства, съ которыми мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться въ другихъ странахъ. У русскихъ есть поразительная способность мириться со всякими обстоятельствами, которая ни у кого другого не достигаетъ такой степени развитія. Я помню, какъ одинъ разъ въ Манчжуріи, во время войны, нѣсколько солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, передъ сраженіемъ при Та-ши-чао, собирались пить чай. Вдругъ подъѣхалъ офицеръ и сказалъ, что чай

пить некогда. Солдаты просто, улыбаясь, сказали: «Ну, видно, сегодня безъ чая останемся»; никому въ голову не пришло жаловаться, они сняли котелокъ съ огня и уѣхали на телѣгѣ. Я видѣлъ такого рода вещи постоянно. Я помню одну ночь, въ мѣстности, называвшейся по-китайски «холмомъ одинокаго дерева». Я былъ съ батареей. Мы только что пріѣхали и надо было размѣститься; обыкновенно мы ночевали въ китайскихъ фанзахъ, но на этотъ разъ кругомъ не было ни одной. Мы расположились на склонѣ холма. Не было ни огня, ни пищи, ни крова и пошелъ дождь. Казаки, изъ которыхъ состояла батарея, сдѣлали что-то въ родѣ навѣса изъ соломы, которую удалось найти, и расположились подъ нимъ такъ же удобно и весело, какъ если бы они были въ баракахъ. Они выполнили трудную задачу — устроиться удобно, не имѣя ничего для этого подъ руками, и даже я чувствовалъ себя отлично.

На ряду съ этой способностью примѣняться ко всему, у русскихъ есть сильно развитое чувство юмора. Клоуны въ ихъ циркахъ неподражаемы. Вы часто можете встрѣтить въ Россіи типъ человѣка, разсказывающаго исторіи и анекдоты, отличающіеся простотой и умѣньемъ вѣрно схватить смѣшную сторону самаго обыкновеннаго происшествія или разговора. Русскій юморъ похожъ на англійскій, и этимъ объясняется широкая популярность англійскихъ юмористовъ въ Россіи, начиная съ Диккенса, включая сюда такихъ чисто-англійскихъ писателей, какъ В. В. Якобсъ, и кончая Джеромъ К. Джеромомъ, полное собраніе сочиненій котораго можно найти на любой желѣзнодорожной станціи*).

Всѣ эти элементы очень полно отразились въ русской литературѣ; но тотъ родъ ея, который особенно проникнутъ этими свойствами, или совсѣмъ не доходитъ до насъ, или доходитъ въ очень несовершенныхъ переводахъ.

Величайшій юмористъ русской литературы, русскій Диккенсъ — это Николай Васильевичъ Гоголь. Переводы нѣкоторыхъ его разсказовъ и его большого романа «Мертвыя души» были изданы г. Вицелли въ 1887 году. Эти переводы теперь вышли изъ продажи, и можно сказать, что произведенія Гоголя совершенно неизвѣстны въ Англіи. Во Франціи нѣкоторые изъ его разсказовъ были переведены такимъ выдающимся писателемъ, какъ Просперъ Мериме.

Гоголь былъ малороссъ по происхожденію; онъ былъ родомъ изъ Украйны, т.-е. изъ пограничной области, лежащей между сѣве-

---

*) Я знавалъ одного доктора въ Манчжуріи, который наизусть зналъ цѣлыя страницы изъ русскаго перевода разсказа Джеромъ К. Джерома «Трое въ одной лодкѣ».

ромъ и югомъ. Это страна безконечныхъ пространствъ, плодородныхъ полей и веселыхъ хуторовъ; страна вина, веселья и пѣсни. Онъ родился въ 1809 году близъ Полтавы, въ самомъ сердцѣ Украйны. Воспитанъ онъ былъ своимъ дѣдомъ, писавшимъ исторію запорожскаго казачества. Дѣтство Николая Васильевича протекало среди воинственныхъ преданій этой расы и питалось разсказами изъ героической эпохи — о войнахъ съ Польшей и о подвигахъ этихъ сыновъ степей. Позже онъ поступилъ въ гимназію, а въ 1829 году, когда ему было 20 лѣтъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, послѣ многихъ разочарованій и затрудненій, онъ получилъ мѣсто въ одномъ казенномъ учрежденіи. Время, проведенное имъ тамъ, дало ему матеріалъ для одного изъ его разсказовъ. Служба ему скоро надоѣла и онъ попытался поступить на сцену, но ни одинъ антрепренеръ его не принялъ. Онъ сдѣлался педагогомъ, но плохимъ; наконецъ, нѣкоторые изъ его друзей выхлопотали ему каѳедру исторіи въ университетѣ, но и тутъ онъ оказался неудачникомъ, и тогда посвятилъ себя всецѣло литературѣ. Изданіемъ своихъ первыхъ произведеній въ петербургской печати онъ пріобрѣлъ себѣ нѣсколькихъ друзей, и черезъ нихъ познакомился съ Пушкинымъ, величайшимъ русскимъ поэтомъ, достигшимъ тогда апогея своей славы.

Пушкинъ былъ чуждъ зависти, полонъ великодушія, и не былъ скупъ на похвалы. Гоголь сталъ скоро его любимымъ писателемъ, и онъ его побуждалъ писать историческія и бытовыя произведенія. Гоголь слѣдовалъ его совѣтамъ и написалъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Эти разсказы написаны отъ лица стараго пасѣчника, и въ нихъ Гоголь вложилъ всѣ свои дѣтскія воспоминанія, романтичныя традиціи, сказки, легенды, очаровательную природу и веселую жизнь Малороссіи.

Въ этихъ разсказахъ онъ обнаружилъ двусторонность своего таланта: съ одной стороны фантастичность, любовь къ сверхъестественному и умѣнье заставить читателя проникнуться имъ, напоминающія намъ Эдгара По, Гофмана и Р. Л. Стивенсона; а на ряду съ этимъ тонкая наблюдательность, соединенная съ глубокимъ, заразительнымъ юморомъ и богатствомъ шутки. Кромѣ этихъ свойствъ, у Гоголя было еще и третье, сливающее воедино его фантазію и его реализмъ: это даръ описывать природу, пейзажъ, съ ихъ красками и воздухомъ—живымъ и вдохновеннымъ языкомъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ Днѣпръ:

«Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы плавныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется

по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко освѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

«Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинной тѣнью своею — напрасно. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ. Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ. Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроважая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами».

Другое характерное описаніе Гоголя — картина степи.

«Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь Югъ, все то пространство, которое составляетъ внѣшнюю Новороссію до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки;

желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливается въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою; вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши...»

Конечно, такія описанія теряютъ всю свою прелесть въ переводѣ, такъ какъ языкъ Гоголя богатъ и своеобразенъ, полонъ уменьшительныхъ словъ и народныхъ выраженій, нервенъ и красоченъ. Переводить его на англійскій то же самое, что переводить Раблэ.

Я привелъ эти два примѣра скорѣе для того, чтобы показать главныя черты описываемой Гоголемъ природы, чѣмъ тѣ способы, какими онъ ее описываетъ.

Въ этихъ первыхъ разсказахъ есть смѣсь шуточности съ фантастичностью; авторъ вводитъ насъ въ нравы ярмарки, разсказываетъ о приключеніяхъ дьячковъ съ чортомъ и другими призраками, о русалкахъ — рѣчныхъ сиренахъ — населяющихъ лѣса и озера. И каждый изъ этихъ разсказовъ пропитанъ запахомъ Малороссіи, полонъ солнца, веселья и мягкаго очарованія. Эта сторона русской жизни не только неизвѣстна въ Англіи, но объ ея существованіи даже не подозрѣваютъ. Большинство представляетъ себѣ Россію какъ страну сѣраго неба и однообразнаго пейзажа, подавленную безжалостно-суровымъ климатомъ. Конечно, это представленіе до извѣстной степени вѣрно; но въ Россіи и въ русской жизни есть много другихъ сторонъ, и ихъ-то Гоголь изображаетъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ. Намъ много говорятъ о русской зимѣ, но кто намъ говоритъ о русской веснѣ? А вѣдь ничего нѣтъ лучше, красивѣе на свѣтѣ, даже въ центральной и сѣверной Россіи, чѣмъ это внезапное и рѣзкое наступленіе весны сейчасъ же послѣ таянія снѣга, когда въ лѣсахъ разстилается коверъ изъ ландышей и зелень березъ почти рѣжетъ глазъ своей яркостью.

Также не говорятъ намъ о русскомъ лѣтѣ съ его теплыми ночами, или о красотѣ полей, когда они превращаются въ волнующееся море спѣлыхъ колосьевъ. Если весна и лѣто поражаютъ насъ въ сѣверной и центральной Россіи, то тѣмъ болѣе еще въ южной, гдѣ весь характеръ страны такой же веселый и привѣтливый, какъ въ Нормандіи или

въ нашемъ Девонширѣ. Хутора бѣлы и чисты, иногда выкрашены свѣтло-голубой или розовой краской; стѣны увиты дикимъ виноградомъ, воздухъ пропитанъ солнцемъ и лѣнью, звуками пѣсенъ и веселой пляски.

Разъ, будучи въ Петербургѣ, я разговаривалъ съ крестьяниномъ-депутатомъ изъ Малороссіи. Поговоривъ съ жаромъ минутъ 20 объ ужасномъ положеніи крестьянъ въ странѣ, объ ихъ нуждахъ, бѣдности и невѣжествѣ, онъ прибавилъ задумчиво: «а все-таки весело у насъ въ деревнѣ; вамъ бы пріѣхать да пожить. Нѣтъ лучше жизни на свѣтѣ». Солнечный свѣтъ и смѣхъ Малороссіи встаютъ передъ нами на каждой страницѣ разсказовъ Гоголя. Вотъ, напримѣръ, описаніе лѣтняго дня въ Малороссіи, дня ярмарки:

«Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ. На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ-будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крики чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрые скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордоподнятыхъ рамахъ... какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!

«Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа тысячу восемьсотъ... восемьсотъ... да лѣтъ тридцать будетъ тому назадъ, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорочинецъ, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестностей и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою, горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотой, мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска, или макитра, хвастливо выказывалась изъ высоко-взгроможденнаго на

возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ».

Почему намъ никогда не говорятъ объ этихъ лазурныхъ русскихъ дняхъ, о фруктовыхъ деревьяхъ, гнущихся подъ тяжестью плодовъ, и о радужныхъ, «эѳирныхъ» насѣкомыхъ?

Въ 1832 году Гоголь издалъ продолженіе своихъ разсказовъ, озаглавленное «Миргородъ». Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ лучшія творенія романтичной и фантастичной сторонъ его генія. Его высшее достиженіе въ романтической области — это его историческая повѣсть «Тарасъ Бульба», эпопея въ прозѣ. Это повѣсть о старомъ казачьемъ атаманѣ, обоихъ сыновей котораго, Остапа и Андрія, воспитали въ Запорожской Сѣчи, какъ воиновъ, чтобы сражаться съ поляками. Казаки осаждаютъ польскій городъ Дубны и хотятъ взять его изморомъ. Андрій, младшій сынъ, внезапно узнаетъ, что дѣвушка, которую онъ полюбилъ въ Кіевѣ, еще до жизни въ Сѣчи, находится въ осажденномъ городѣ. Ея служанка ведетъ его подземнымъ ходомъ въ Дубны. Андрій встрѣчаетъ свою возлюбленную, и измѣняетъ казакамъ, говоря, что его родина тамъ, гдѣ его сердце.

Въ это время подходятъ польскія войска на подкрѣпленіе осажденному гарнизону; Андрій навсегда потерянъ для своего отечества, и его родной домъ не увидитъ его больше. Приходитъ извѣстіе, что во время отсутствія казаковъ, татары напали на Украйну и грабятъ казачій лагерь. Казаки посылаютъ половину своего войска на защиту его, а половина остается подъ Дубнами. Поляки нападаютъ на оставшихся. Происходитъ ужасное сраженіе, въ которомъ Андрій бьется противъ казаковъ. Онъ взятъ въ плѣнъ собственнымъ отцомъ, который приказываетъ ему сойти съ коня. Онъ покорно сходитъ и отецъ говоритъ ему: «Стой и не шевелись. Я тебя породилъ, я тебя и убью», и застрѣливаетъ его.

Немедленно послѣ этого Тарасъ и его старшій сынъ Остапъ окружены поляками. Остапъ, причинивъ тяжелыя потери врагамъ, разлученъ съ отцомъ (который падаетъ безъ сознанія, что и спасаетъ его)— и взятъ въ плѣнъ. Его ведутъ въ городъ и замучиваютъ до смерти. Подъ конецъ, послѣ ужасныхъ пытокъ, которыя онъ перенесъ безъ малѣйшаго стона, онъ восклицаетъ: «Батько, гдѣ ты, слышишь ли ты все это?» И изъ толпы раздается ужасный голосъ: «Слышу». Позже Тарасъ поднимаетъ снова казачье войско, чтобы отомстить за сына, и опустошаетъ страну, но, наконецъ, онъ схваченъ поляками и убитъ ими.

Повѣсть написана съ эпической широтой и простотой; фигура стараго атамана напоминаетъ героевъ Гомера, и ихъ же напоминаетъ

молодой измѣнникъ Андрій, который, хотя и предаетъ родную страну, но никогда не утрачиваетъ нашей симпатіи — такъ сильно впечатлѣніе, производимое его отвагой, смѣлостью и блескомъ.

Лучшее произведеніе Гоголя въ области фантастичнаго мы находимъ въ этомъ же сборникѣ. Оно называется «Вій». Это повѣсть о прекрасной дѣвушкѣ-вѣдьмѣ; она околдовала одного семинариста и, когда она умираетъ, ея послѣдняя воля — чтобы онъ три ночи читалъ надъ ней въ церкви. Въ первую ночь мертвая дѣвушка встаетъ, изъ гроба и смотритъ на него мутными, стеклянными глазами. Онъ слышитъ шумъ крыльевъ безчисленнаго числа невидимыхъ птицъ, и утромъ его находятъ полу-мертвымъ отъ страха. Онъ старается на вторую ночь избѣгнуть испытанія, но отецъ дѣвушки, старый казакъ, заставляетъ его исполнить волю дочери, и онъ проводитъ остальныя ночи въ ужасной борьбѣ съ вѣдьмой. На третье утро онъ умираетъ. Главное достоинство этого произведенія — создаваемое имъ впечатлѣніе непреодолимаго ужаса.

Этими двумя разсказами Гоголь отдалъ послѣднюю дань романтизму и фантазіи и вступилъ на путь реализма. Въ этой области онъ былъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ «Bahnbrecher» и открылъ новые пути. Можно сказать, что Гоголь началъ тѣмъ, чѣмъ кончилъ Диккенсъ, т.-е. онъ началъ съ того, что написалъ «The tale of two cities» и кончилъ «Записками Пиквикскаго клуба». Но уже въ Миргородѣ есть два разсказа въ юмористическо-реалистическомъ стилѣ, никогда не превзойденномъ даже имъ самимъ: это «Старосвѣтскіе помѣщики» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ».

«Старосвѣтскіе помѣщики» — очень простое повѣствованіе о двухъ старикахъ, жившихъ въ маленькомъ домикѣ съ верандой изъ почернѣвшихъ деревянныхъ столбовъ, посреди фруктоваго сада, полнаго вишенъ и сливъ. Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна старыему 60, ей 55. Это исторія Филемона и Бавкиды. Ничего ровно въ ней не происходитъ, мы только знакомимся съ этими прелестными, добрыми и гостепріимными стариками; въ концѣ разсказа Пульхерія Ивановна умираетъ и послѣ ея смерти все въ домѣ становится безпорядочнымъ и грустнымъ, такъ какъ Аѳанасій Ивановичъ не можетъ безъ нея жить; пять лѣтъ спустя умираетъ и онъ, и его хоронятъ рядомъ съ ней. Въ этой повѣсти нѣтъ ничего — и однако въ ней есть все. Она смѣшна, прелестна и безконечно трогательна. Нѣкоторыя описанія сильно напоминаютъ стиль Диккенса. Вотъ, напримѣръ, описаніе дверей того дома, въ которомъ жили старики:

«Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому.

Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ, дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: «Батюшки, я зябну!»

Повѣсть о двухъ Иванахъ непреодолимо смѣшна. Они были сосѣдями; одинъ изъ нихъ холостякъ, другой вдовецъ. Они были самыми неразлучными друзьями, не проходило дня, чтобы они другъ друга не видали, и ихъ величайшимъ удовольствіемъ было угощать другъ друга вкусными, диккенсоновскими обѣдами. Но однажды они поссорились изъ-за ружья. Иванъ Никифоровичъ назвалъ Ивана Ивановича «гусакомъ». Послѣ этого они знать другъ друга не хотѣли и ихъ отношенія прекратились. До тѣхъ поръ они посылали ежедневно узнавать о здоровьи другъ друга, разговаривали со своихъ балконовъ и говорили другъ другу любезности, по воскресеньямъ подъ руку ходили въ церковь, стараясь перещеголять одинъ другого учтивостью и любезностью; а теперь они и смотрѣть другъ на друга не хотѣли. Наконецъ, ссора зашла такъ далеко, что Иванъ Ивановичъ подалъ жалобу на Ивана Никифоровича въ судъ, обвиняя послѣдняго въ томъ, что онъ смертельно оскорбилъ его, во-первыхъ, назвавъ его гусакомъ, во-вторыхъ, построивъ противъ его крыльца гусиный хлѣвъ и, въ-третьихъ, питая замыселъ поджечь его домъ. Иванъ Никифоровичъ подалъ такую же жалобу на Ивана Ивановича. Какъ нарочно, бурая свинья Ивана Ивановича съѣла жалобу Ивана Никифоровича.

Наконецъ, общій другъ обоихъ хочетъ ихъ помирить и приглашаетъ враговъ обѣдать. Они идутъ на обѣдъ, гдѣ собралось большое общество; каждый ѣстъ, не глядя на другого, и какъ только обѣдъ конченъ, оба встаютъ, чтобы уйти. Въ это время гости окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и умоляютъ забыть свою ссору. Каждый говоритъ, что онъ неповиненъ ни въ какихъ черныхъ замыслахъ, и примиреніе готово состояться, когда, на бѣду, Иванъ Никифоровичъ дружественнымъ тономъ говоритъ: «Позвольте мнѣ вамъ сказать по-дружески, Иванъ Ивановичъ, вы обидѣлись чортъ знаетъ за что такое — за то, что я назвалъ васъ гусакомъ». Какъ только злополучное слово «гусакъ» произнесено, не можетъ быть болѣе и рѣчи о примиреніи; ссора продолжается до конца ихъ жизни.

Въ 1835 году Гоголь окончательно удалился со службы. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ написалъ множество повѣстей

и комедій, разнообразнаго содержанія, собранныя имъ впослѣдствіи въ двухъ сборникахъ: «Арабески» (1834) и «Повѣсти» (1836) года. Это начало его реалистической фазы, хотя онъ все еще впадаетъ иногда въ фантастическій или шутливый тонъ, какъ, напримѣръ, въ повѣсти «Носъ» — разсказѣ о потерянномъ и странствующемъ носѣ — и въ повѣсти «Коляска». Но самая замѣчательная изъ этихъ повѣстей — «Шинель», она — наивысшее выраженіе гоголевской скорби; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней заключаются зародыши того глубокаго, жизненнаго реализма, который Гоголь развилъ впослѣдствіи. Это исторія бѣднаго чиновника, главная страсть котораго переписывать; для него каллиграфія высокое искусство. Ему всегда холодно, онъ вѣчно дрожитъ. Его единственное стремленіе, мечта всей его жизни, — имѣть шинель. Послѣ долгихъ лѣтъ всякихъ лишеній, онъ исполнилъ свое завѣтное желаніе и скопилъ достаточно денегъ для покупки шинели, но въ первый же день, какъ онъ ее надѣлъ, ее у него украли.

Полиція, къ которой онъ обращается послѣ кражи, смѣется надъ нимъ и бѣдный чиновникъ впадаетъ въ черную меланхолію. Онъ умираетъ незамѣченнымъ и неизвѣстнымъ, и его призракъ появляется на тѣхъ улицахъ, гдѣ онъ имѣлъ привычку ходить.

Около половины всей новой русской литературы ведетъ свое происхожденіе отъ этой повѣсти. Фигура чиновника и изображеніе ея авторомъ — это первый портретъ безконечной галлереи неудачниковъ, людей, выброшенныхъ на мель волнами жизни: смѣшныя, странныя, трогательныя фигуры, всѣ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ трагичности, которыя завоевываютъ наши симпатіи и живутъ въ нашемъ сердцѣ и нашихъ привязанностяхъ, такъ какъ творцы этихъ образовъ всегда относятся къ нимъ съ глубокой симпатіей — и никогда не обращаются съ ними жестоко или презрительно.

Въ этотъ же періодъ Гоголь написалъ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ лучшая «Ревизоръ». Эта пьеса, до сихъ поръ популярная въ Россіи и дающая полные сборы на воскресныхъ и праздничныхъ представленіяхъ—добродушная и вмѣстѣ съ тѣмъ безжалостная сатира на русское чиновничество. Такъ какъ переводъ этой пьесы легко можно достать и ее даже играли въ Лондонѣ въ «Сценическомъ Обществѣ» я могу не останавливаться на ея содержаніи; я только замѣчу для тѣхъ, кто не знакомъ съ ней, что содержаніе пьесы — недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго проѣзжающаго путешественника принимаютъ за правительственнаго чиновника, котораго ожидали инкогнито для производства ревизіи въ провинціальномъ городкѣ. Европейскій критикъ, читая или видя эту пьесу, часто удивленъ и пораженъ повальной нечестностью дѣйствующихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, одно изъ нихъ говоритъ другому: «Смотри, не по чину

берешь». Но нужно помнить, что въ переводѣ нельзя не утерять большей части того добродушія и того комизма, которыми проникнута пьеса. Часто кажется непонятнымъ, что въ тѣ времена, когда она была написана, ей удалось пройти черезъ цензуру. Причина этого та, что цензоромъ Гоголя былъ самъ Императоръ, который прочелъ пьесу, былъ отъ нея въ восторгѣ, приказалъ ее немедленно поставить, былъ на первомъ представленіи и самъ аплодировалъ больше всѣхъ.

Хлестаковъ, герой «Ревизора», одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ и естественныхъ лгуновъ въ литературѣ. Гоголь самъ, въ своихъ указаніяхъ исполнителямъ, описываетъ его какъ человѣка «безъ царя въ головѣ», говорящаго безъ малѣйшаго размышленія и не способнаго къ послѣдовательности мысли, неспособнаго остановить свое вниманіе на одной идеѣ дольше, чѣмъ на минуту.

Въ 1836 году Гоголь покинулъ Россію и поселился въ Римѣ. Онъ уже за нѣкоторое время до этого началъ работать надъ книгой, которую онъ хотѣлъ сдѣлать своимъ лучшимъ произведеніемъ, въ которой хотѣлъ сказать все и выполнить свою литературную миссію. Онъ былъ охваченъ этой идеей. Книга была задумана въ трехъ частяхъ. Первая появилась въ печати въ 1842 году; вторую, неоконченную, Гоголь бросилъ въ огонь въ минуту отчаянія. Она, однако, впослѣдствіи была напечатана по неполной рукописи, случайно уцѣлѣвшей. Третья часть никогда не была написана. Тѣмъ не менѣе, то, что дошло до насъ отъ широкаго замысла Гоголя остается его лучшимъ твореніемъ и наиболѣе извѣстнымъ изъ его произведеній. Оно называется «Мертвыя души». Герой его Чичиковъ; онъ придумалъ способъ нажить деньги нечестнымъ путемъ. Какъ и всѣ великія идеи, его идея проста. Когда книга была написана, крестьяне въ Россіи еще не были освобождены отъ крѣпостной зависимости: они назывались «душами» и всякій помѣщикъ владѣлъ извѣстнымъ количествомъ «душъ». Каждыя десять лѣтъ производилась ревизія подушнаго списка, а въ промежуткѣ между ревизіями помѣщику приходилось платить поголовную подать за умершія души, какъ за живыя, за мужчинъ только; женщины и дѣти не считались. Между ревизіями никто не заглядывалъ въ списки. Если случалась въ деревнѣ эпидемія, помѣщикъ терпѣлъ большіе убытки, такъ какъ ему приходилось платить за всѣ умершія души.

Мысль Чичикова заключалась въ томъ, чтобы покупать эти «мертвыя души» у помѣщиковъ и платить за нихъ налоги, въ расчетѣ, что всякій помѣщикъ съ радостью избавится отъ фиктивной собственности, сопряженной съ реальными платежами. Тогда Чичиковъ могъ бы зарегистрировать свои пріобрѣтенія, со всѣми должными

формальностями, такъ какъ властямъ не могло прійти въ голову, что онъ проситъ ихъ легализировать мертвыхъ людей; этотъ документъ онъ взялъ бы въ Москву или въ Петербургъ, и заложилъ бы души, якобы живущія въ какомъ-то воображаемомъ глухомъ мѣстѣ въ Крыму, по 100 рублей за душу — и тогда онъ былъ бы достаточно богатъ, чтобы пріобрѣсти уже живыя души.

Чичиковъ странствовалъ по всей Россіи, въ поискахъ за «мертвыми душами». Повѣсть знакомитъ насъ съ приключеніями, случившимися съ нимъ; это построеніе особенно удобно для автора, такъ какъ не только даетъ ему возможность изобразить безконечно-разнообразную галлерею типовъ, но самые переговоры, манера людей реагировать на предложеніе героя, уже проливаютъ свѣтъ на ихъ характеръ и свойства. Чичиковъ начинаетъ съ большого губернскаго города, который служитъ ему операціонной базой, и оттуда изслѣдуетъ окружающія мѣстности; успѣхъ и неуспѣхъ его отношеній съ помѣщиками и составляетъ содержаніе повѣсти. Иногда онъ достигаетъ полнаго успѣха, а иногда его старанія кончаются неудачей — такъ какъ деревенскіе жители хотятъ узнать рыночную цѣну «мертвыхъ душъ» въ городѣ.

Странствованія Чичикова, подобно странствованіямъ мистера Пиквика, настоящая Одиссея. Выведенные типы необыкновенно комичны; они или глупцы, отдающіе свои «души» даромъ, или скупцы, требующіе за нихъ необычайной цѣны. Но иногда Чичиковъ сталкивается съ такими же плутами, какъ онъ самъ, которымъ удается его перехитрить. Одинъ изъ самыхъ забавныхъ эпизодовъ повѣсти — его столкновеніе съ недовѣрчивой старухой Коробочкой. Чичиковъ, поздно вечеромъ пріѣхавшій къ ней и переночевавшій въ ея домѣ, испытующе и осторожно подходитъ къ разговору о своемъ дѣлѣ. Старуха думаетъ сперва, что онъ пріѣхалъ продавать ей чай, или покупать у нея медъ. Тогда Чичиковъ подходитъ ближе къ дѣлу и спрашиваетъ, не умирали ли крестьяне на ея землѣ; она отвѣчаетъ, что ихъ умерло восемнадцать. Тогда онъ предлагаетъ ей уступить ихъ ему, обѣщая заплатить ей за нихъ. Она спрашиваетъ, не хочетъ ли онъ ихъ вырыть изъ земли, но онъ ей объясняетъ, что сдѣлка должна состояться только на бумагѣ. Она спрашиваетъ его зачѣмъ это ему нужно, на что получаетъ отвѣтъ, что это ужъ его дѣло.

«Да вѣдь онѣ же мертвыя»?

«Да кто же говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?»

«Право не знаю», произнесла хозяйка съ разстановкой, «вѣдь,

я мертвыхъ никогда еще не продавала». И она продолжаетъ повторять: «меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя».

Чичиковъ вновь старается объяснить ей, что вѣдь ей приходится платить за нихъ, какъ если бы онѣ были живы. «Охъ отецъ мой, и не говори объ этомъ! Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста рублей».

Онъ опять пытается втолковать упрямой старухѣ, насколько ей будетъ выгодно избавиться отъ нихъ; она повторяетъ, что ей никогда еще не приходилось продавать мертвыхъ; если бы онѣ были живы, то другое дѣло.

«Ну, да не о живыхъ дѣло, Богъ съ ними. Я спрашиваю мертвыхъ!»

«Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть ты, отецъ мой, меня обманываешь».

Чичиковъ снова объясняетъ ей все дѣло сначала, предлагая ей 15 р. и показывая деньги; она проситъ подождать, такъ какъ хочетъ узнать ихъ настоящую цѣну.

«Кто же станетъ покупать ихъ? Ну какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?»

«А можетъ быть въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобятся».

«Мертвые въ хозяйствѣ? Экъ куда хватили!»

Коробочка предлагаетъ продать ему лучше пеньки, и Чичиковъ окончательно выходитъ изъ себя.

Такъ же забавны приключенія Чичикова со скрягой Плюшкинымъ, съ пьяницей Ноздревымъ и съ Маниловымъ, который просто глупъ. Но самое интересное и любопытное лицо во всей книгѣ — самъ Чичиковъ. Въ концѣ перваго тома Гоголь защищаетъ своего героя. Разсказавъ событія его дѣтства, описавъ среду и всѣ вліянія, сдѣлавшія изъ него то, чѣмъ онъ является въ романѣ, авторъ спрашиваетъ: «кто же онъ»? и отвѣчаетъ самъ на это: «подлецъ. Но почему подлецъ?» Онъ продолжаетъ:

«Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные; а такихъ, которые на всеобщій позоръ выставили бы свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ ужъ говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ*, *пріобрѣтатель*. Пріобрѣтеніе—вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очу-

тится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкѣ; не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрасталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ непохожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку и потомъ ужъ становятся грозными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть... Но есть страсти, избраніе которыхъ не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклоняться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно-зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ видѣніемъ, возрадующимъ міръ,— одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка передъ мудростью небесъ».

Я привожу эту выдержку цѣликомъ, такъ какъ она не только поясняетъ намъ взглядъ Гоголя на свое твореніе, но и взглядъ большинства русскихъ писателей и романистовъ на человѣчество вообще. «Мертвыя души» очень смѣшная книга, она полна забавныхъ эпизодовъ и комичныхъ типовъ, но въ то же время она часто и многимъ казалась очень грустнымъ произведеніемъ. Когда Гоголь прочиталъ Пушкину первую главу, послѣдній, всегда смѣявшійся раньше, когда Гоголь читалъ ему свои произведенія — становился все грустнѣе и грустнѣе, и когда Гоголь кончилъ, воскликнулъ: «Боже, какъ грустна наша Россія!»

Мнѣ кажется вѣрнымъ замѣчаніе самого Гоголя въ концѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ», что, вѣроятно, нѣтъ ни одного читателя, который, послѣ строгаго нравственнаго экзамена самому себѣ, не задумался бы надъ вопросомъ, нѣтъ ли въ немъ самомъ чичиковскихъ чертъ. И если въ такую минуту онъ встрѣтитъ на улицѣ знакомаго, «имѣющаго чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый», онъ подтолкнетъ своего спутника и скажетъ ему: «вонъ идетъ Чичиковъ»! Быть-можетъ, всякій русскій чувствуетъ въ себѣ нѣкоторое сход-

ство съ Чичиковымъ; хотя Чичиковъ и мошенникъ, и большинство дѣйствующихъ лицъ въ «Мертвыхъ душахъ» мошенники, люди, обманывающіе своего ближняго, и не чувствующіе послѣ этого никакихъ угрызеній совѣсти. Но несмотря на все, впечатлѣніе, остающееся по прочтеніи книги — не грустное и не озлобленное, такъ какъ въ каждомъ выведенномъ типѣ очень много добродушія и человѣчности. И кромѣ того, какъ Гоголь самъ говоритъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ, эта странная смѣсь качествъ и недостатковъ, повергающая въ негодованіе моралиста, быть можетъ служитъ особымъ цѣлямъ Провидѣнія.

Какъ бы то ни было, но въ «Мертвыхъ душахъ» читателя поражаетъ болѣе всего то, что Гоголь—единственный русскій писатель, давшій намъ общерусскіе типы — если можно такъ выразиться, типы любого встрѣчнаго на улицѣ. Толстой описываетъ жизнь высшихъ классовъ и крестьянъ, Достоевскій достигъ до сокровеннѣйшихъ глубинъ русской души, въ проявленіяхъ ея страданія и ея восторга; Тургеневъ рисовалъ замѣчательные портреты, страдающіе, однако, тѣмъ, что они или нѣсколько карикатурны, или черезчуръ окрашены личностью и пессимизмомъ самого автора; Горькій мрачными красками изобразилъ одну изъ сторонъ народной жизни; Андреевъ воплотилъ въ своихъ твореніяхъ кошмары молодого поколѣнія; Чеховъ описалъ пессимизмъ и бездѣятельность русской интеллигенціи. Но никто, кромѣ Гоголя, не показалъ намъ обыкновеннаго, ежедневно встрѣчаемаго русскаго человѣка, веселаго, съ крупными недостатками и очень привлекательными хорошими свойствами, полнаго добродушія и человѣчности. Именно творенія Гоголя объясняютъ лучше всѣхъ другихъ причины той неотразимой привлекательности Россіи и русскихъ, подъ вліяніе которыхъ подпадаетъ всякій, узнавшій ихъ. Сперва это кажется необъяснимымъ: страна кажется на первый взглядъ некрасивой, однообразной, лишенной блеска; климатъ то слишкомъ холоденъ и сыръ, то слишкомъ сухъ и жарокъ; народъ кажется неповоротливымъ и тяжелымъ; вездѣ много грязи, пыли, безпорядка, нищеты, неопрятности; и несмотря на все это, даже иностранецъ, пожившій въ Россіи (не говоря ужъ о самихъ русскихъ) и знающій ея народъ, никогда не освободится отъ непреодолимаго влеченія къ ней, отъ вліянія скрытаго въ ней очарованія

Въ другомъ отрывкѣ, въ концѣ «Мертвыхъ душъ», Гоголь пишетъ именно объ этомъ:

«Русь! Русь! вижу тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далека, тебя вижу. Бѣдно, разбросано и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими ди-

вами искусства — города съ многооконными высокими дворцами, вросшими въ утесы; картинные дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ; не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ: какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря и до моря пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами?»

Гоголь не даетъ отвѣта на свой вопросъ: и если ужъ ему не удалось найти объясненія — то трудно будетъ сдѣлать это кому-либо другому. Но, хотя онъ и не отвѣчаетъ прямо, косвенный отвѣтъ заключается въ его произведеніяхъ. Всякій, читающій раннія произведенія Гоголя, и даже «Мертвыя души», пойметъ необъяснимую прелесть, скрытую въ странѣ, которая на первый взглядъ кажется лишенной всякой внѣшней, поверхностной привлекательности, и въ народѣ, такъ мало скрывающемъ свои недостатки. Прелесть русской жизни заключается въ ея глубокой, прирожденной сердечности, въ отсутствіи лицемѣрія — а вѣдь только благодаря этому отсутствію недостатки русскихъ становятся столь замѣтными. Вотъ почему въ реалистичныхъ и сатирическихъ произведеніяхъ Гоголя, какъ «Ревизоръ» и «Мертвыя души», выведенныя лица поражаютъ иностранца повальной и откровенной нечестностью. Все дѣло въ томъ что они просто не стараются ее скрывать; они снисходительны къ недостаткамъ другихъ, и не только надѣются, но знаютъ навѣрное, что и по отношенію къ себѣ они встрѣтятъ ту же снисходительность: ошибки, недостатки и даже пороки, на которые въ западной Европѣ смотрятъ съ безжалостнымъ осужденіемъ, не идя на компромиссы — въ Россіи встрѣчаютъ лишь жалость къ себѣ и сердечную снисходительность. Эти элементы безпечности, добродушной снисходительности и извѣстной доли скептицизма, съ которыми русскіе смотрятъ на многое, что намъ кажется чрезвычайно важнымъ, безъ сомнѣнія, въ большой мѣрѣ отвѣтственны за недостатки, существующіе въ об-

щественной организаціи страны — они причина тѣхъ золъ, на которыя горько жалуются русскіе реформаторы. Съ другой стороны, не надо забывать, что эти самыя свойства, результатомъ которыхъ въ общественной жизни являются распущенность, безпорядки, взяточничество, безотвѣтственность и произволъ администраціи — въ частной жизни приводятъ къ результатамъ лучшаго рода: къ жалости, человѣчности, гостепріимству и отсутствію эгоизма. Благожелательность и простота русскихъ проистекаетъ исключительно изъ ихъ доброты.

Гоголь никогда не окончилъ «Мертвыхъ душъ». Онъ работалъ надъ второй и третьей частями до конца своей жизни, наступившаго въ 1852 году и два раза бросалъ онъ свой, уже законченный, трудъ въ огонь. Все, что намъ осталось — неполная рукопись второй части, избѣгнувшая уничтоженія. Онъ предполагалъ вторую часть сдѣлать болѣе серьезной, чѣмъ первую; онъ хотѣлъ изобразить нравственное перерожденіе Чичикова, и достичь въ этомъ трудѣ полнаго и совершеннаго выраженія своихъ идеаловъ, своихъ взглядовъ на жизнь. Это желаніе преслѣдовало и мучило его, какъ болѣзненный бредъ; и, не сумѣвъ выполнить то, что онъ хотѣлъ, онъ оглянулся на себя и замкнулся въ свой внутренній міръ. Его натура всегда была глубоко-религіозной, онъ основывался на твердой и непоколебимой вѣрѣ въ Провидѣніе; наступило время, когда онъ началъ испытывать то отвращеніе къ жизни, которое ведетъ человѣка къ аскетизму и затворничеству.

Онъ жилъ въ Римѣ, отчужденный отъ міра; онъ весь горѣлъ религіознымъ пламенемъ; онъ проповѣдывалъ своимъ друзьямъ и знакомымъ христіанскія добродѣтели смиренія, покорности и милосердія: онъ умолялъ ихъ не противиться власти и стать умиленными, сокрушенными сердцемъ христіанами. Чтобы всѣ могли выслушать его, онъ въ 1847 году издалъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Въ этихъ письмахъ онъ настаивалъ на важности и необходимости развитія въ человѣкѣ духовной жизни; онъ не нападалъ на господствующую церковь, а защищалъ ее, и проповѣдывалъ покорность ей и правительству.

Книга произвела сенсацію и вызвала бурю негодованія. Нѣкоторые изъ выдающихся либераловъ были глубоко возмущены. Конечно, имъ легко было нападать на Гоголя; это былъ тотъ человѣкъ, говорили они, который больше чѣмъ кто-либо смѣялся надъ русскимъ чиновничествомъ и дискредитировалъ власть — и онъ-то выступалъ теперь проповѣдникомъ вѣрноподданности и смиренія. Интеллектуальные круги презирали его какъ мистика, и полагали, что этимъ словомъ все сказано: но если слово «мистикъ» имѣетъ то

значеніе, которое они ему придавали—Гоголь не былъ мистикомъ. Не было ничего изступленнаго или необычайнаго въ религіи Гоголя; онъ пересталъ писать и отдался весь религіи и добрымъ дѣламъ; но это вовсе не то, что передовая часть общества подразумѣвала подъ словомъ «мистицизмъ». Для нихъ мистицизмъ равнялся сумасшествію. Если же мы подъ словомъ «мистицизмъ» будемъ понимать трансцендентальный образъ мыслей, признающій Божественный порядокъ и существованіе невидимаго міра — тогда, конечно, Гоголь былъ мистикомъ. Поэтому, когда Гоголь пересталъ писать повѣсти, онъ не болѣе сдѣлался мистикомъ, въ первомъ смыслѣ слова, чѣмъ Паскаль, когда онъ пересталъ ѣздить въ свѣтъ, или Расинъ, когда пересталъ писать трагедіи. Но во второмъ смыслѣ слова онъ былъ мистикомъ всю свою жизнь: имъ былъ и Расинъ.

Когда ему было 33 года, его творчество изсякло; а сорока трехъ лѣтъ, въ февралѣ 1852 года, онъ умеръ отъ тифа. Гоголь занимаетъ очень высокое мѣсто въ русской литературѣ. Просперъ Мериме ставитъ его въ ряды лучшихъ «англійскихъ» юмористовъ. Его европейская извѣстность не такъ велика, какъ она этого заслуживаетъ, такъ какъ содержаніе его произведеній нѣсколько устарѣло. Но изъ русскихъ прозаиковъ послѣдняго столѣтія, онъ, пожалуй, самый національный. Его произведенія пахнутъ русской почвой, въ нихъ нѣтъ ничего чуждаго или подражательнаго. Когда онъ издалъ «Ревизора», то эпиграфомъ къ нему онъ поставилъ: «нечего на зеркало пенять, коль рожа крива». Онъ былъ великимъ юмористомъ и сатирикомъ, проницательнымъ, но не безжалостнымъ наблюдателемъ; въ его смѣхѣ и юморѣ часто звучитъ нота грусти, есть оттѣнокъ скорби и вдумчивой меланхоліи. Его грусть и его смѣхъ тѣсно связаны другъ съ другомъ. Но въ его грусти нѣтъ ни озлобленности, ни мрачности, нѣтъ и того страха передъ силами тьмы, того леденящаго ужаса, которымъ проникнуты творенія Толстого; у него нѣтъ мысли о пустотѣ, о безконечной безднѣ — онъ ихъ не боится. Нѣтъ ничего, приближающагося къ отчаянію, такъ какъ всѣ его взгляды основаны на вѣрѣ въ Провидѣніе и вся его мораль состоитъ въ христіанскомъ милосердіи и въ покорности Богу.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоря о Пушкинѣ, онъ указываетъ на жалость ко всѣмъ несчастнымъ, какъ на одно изъ свойствъ русской литературы. Это, говоритъ онъ, чисто-русская черта. «Вспомни только то удивительное зрѣлище, какое представляетъ посѣщеніе всѣмъ народомъ ссыльныхъ, отправляющихся въ Сибирь, когда всякій несетъ отъ себя—кто пищу, кто одежду, кто христіанское утѣшительное слово. Ненависти нѣтъ къ преступнику, нѣтъ также донъ-кихотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирать его факсимиле,

портреты, или смотрѣть на него изъ любопытства, какъ это дѣлаютъ въ просвѣщенной Европѣ. Здѣсь что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упадшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата, какъ повелѣлъ намъ Христосъ утѣшать другъ друга».

Это чувство жалости — величайшій даръ русскаго народа; оно же — главный двигатель русской литературы и ея самое драгоцѣнное наслѣдіе; неоцѣнимый вкладъ, который русскіе авторы сдѣлали въ сокровищницу міровой литературы,—это то, что дали намъ одни только русскіе, и ни одинъ другой народъ. Нѣтъ лучшаго способа понять это качество и оцѣнить результаты его въ жизни, какъ изучать произведенія величайшаго русскаго юмориста, сатирика и реалиста. Потому что, если реализмъ можетъ быть столь жизненнымъ, не будучи жестокимъ, если сатира можетъ быть столь безпощадной, не будучи озлобленной, если пониманіе всего смѣшного въ жизни можетъ быть столь широкимъ безъ примѣси злости — та почва доброты, на которой все это выросло, должна быть дѣйствительно богатой, и источники жалости, которые эту почву питаютъ, должны быть дѣйствительно многоводными.

Гл. IV. Толстой и Тургеневъ.

За восьмидесятилѣтнимъ юбилеемъ графа Льва Николаевича Толстого, исполнившимся 28 августа 1908 года, немедленно послѣдовалъ двадцатипятилѣтній юбилей со дня смерти Тургенева, который умеръ 3 сентября 1883 года, шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду. Эти два юбилея совпали почти съ изданіемъ въ Англіи перевода полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, написаннаго проф. Виннеромъ, а недавно появилось въ печати новое изданіе полнаго собранія сочиненій Тургенева, переведенныхъ г-жей Гарнетъ. Оба эти перевода выполнены съ большимъ стараніемъ, они точны и вѣрны. 30 лѣтъ тому назадъ европейскіе критики, а можетъ-быть даже и русскіе, навѣрное замѣтили бы по этому поводу, что Толстой и Тургеневъ — два величайшихъ генія русской литературы. Можно ли думать, что и теперь сказали бы то же самое? Правда ли, что и до сихъ поръ имена Толстого и Тургенева въ глазахъ русской и европейской критики стоятъ выше всѣхъ остальныхъ именъ?

Что касается Толстого — можно отвѣтить, не задумываясь, что дѣло обстоитъ такъ же и теперь. Время, причинившее за послѣднія 25 лѣтъ столь тяжкій уронъ многимъ установившимся репутаціямъ, не только не тронуло славы Толстого, но даже усилило всеобщее преклоненіе передъ его геніемъ. Теперь возникаетъ вопросъ, чьи произведенія дополняютъ произведенія Толстого, кто раздѣляетъ съ нимъ неоспариваемую власть надъ современной русской литературой? Тургеневъ ли это? Въ Россіи вамъ теперь отвѣтятъ «нѣтъ». И въ Европѣ знатоки русской литературы, знающіе русскій языкъ (какъ мы это видимъ въ этюдѣ Эмиля Хоманта о Тургеневѣ и его жизни и въ «Исторіи русской литературы» проф. Брюкнера), отвѣтятъ вамъ тоже отрицательно, хотя ихъ отрицаніе будетъ менѣе рѣшительнымъ и болѣе безпристрастнымъ.

Вторымъ гигантомъ, дополняющимъ вліяніе Толстого, всякій русскій критикъ назоветъ Достоевскаго и иностранный критикъ, знакомый съ твореніями послѣдняго, не можетъ съ нимъ не согласиться. Я хочу глубже изслѣдовать вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ Достоевскаго позже; но невозможно не упомянуть о немъ

здѣсь, такъ какъ самое существованіе его произведеній сильно измѣняетъ наши сужденія, когда мы сравниваемъ съ ними творенія его современниковъ. Мы не можемъ игнорировать его присутствія и его вліянія, какъ мы не могли бы не замѣтить присутствія фрески Леонардо-да-Винчи въ комнатѣ, гдѣ были бы только двѣ другія религіозныя картины, одна Рембрандта, а другая Ванъ-Дейка. Всякій, читавшій Достоевскаго и испытавшій потрясающее впечатлѣніе, производимое имъ, не можетъ смотрѣть на остальную литературу тѣми же глазами, что раньше. Для такого читателя восхожденіе красной и мятежной планеты Достоевскаго заставляетъ блѣднѣть спокойную звѣзду Тургенева, но оставляетъ блескъ лучей звѣзды Толстого неуменьшеннымъ и неослабѣвшимъ. Толстой и Достоевскій горятъ на небѣ русской литературы, какъ двѣ планеты, одна изъ нихъ яркая, какъ Юпитеръ, другая вѣщая, какъ Марсъ. Рядомъ съ этими двумя звѣздами мерцаетъ Тургеневъ, ясный и полный жемчужнаго свѣта, какъ луна, блѣдно виднѣющаяся на востокѣ въ концѣ осенняго дня.

Неосторожно дѣлать широкія обобщенія: они всегда заключаютъ въ себѣ извѣстную долю преувеличенія, которую приходится учитывать. Тѣмъ не менѣе я выскажу, мнѣ кажется, неоспоримую истину, говоря, что русская натура можетъ быть раздѣлена, суммарно выражаясь, на два типа. Одинъ изъ нихъ тотъ, который я назову, за неимѣніемъ лучшаго слова, Люциферомъ, падшимъ ангеломъ. Другой — герой всѣхъ русскихъ сказокъ, Иванушка-дурачокъ. Есть безчисленное количество русскихъ народныхъ сказокъ, разсказывающихъ намъ приключенія Иванушки-дурачка, который своей простотой и безхитростностью побѣждаетъ мудрыхъ міра сего. Этотъ типъ очень характеренъ для выясненія русскаго народнаго идеала. Блаженный почитается на Руси, какъ нѣчто святое; всѣми признано, что его дѣтская невинность болѣе цѣнна, чѣмъ мудрость умныхъ. Иванушка-дурачокъ — герой всѣхъ романовъ Достоевскаго. Онъ идеалъ и стремленіе всей его жизни, идеалъ, котораго онъ достигаетъ вполнѣ. Онъ также идеалъ и стремленіе всей проповѣди Толстого, но идеалъ, который онъ рекомендуетъ другимъ и лишь отчасти выполняетъ самъ.

Первый типъ я назвалъ Люциферомъ, не находя для него адекватнаго названія въ русскомъ народномъ творчествѣ. Этотъ типъ — воплощеніе упорной и непреклонной гордости, несокрушимаго духа; таковъ Сатана Мильтона, съ его «силой, никогда и ничему не подчиняющейся, и которую нельзя побѣдить».

Этотъ типъ тоже широко распространенъ въ Россіи, хотя его нельзя считать народнымъ и онъ не воплощенъ, подобно Иванушкѣ,

въ національный символъ. Однимъ изъ самыхъ полныхъ воплощеній этого типа, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ дѣйствительной жизни, былъ крестьянинъ Назаренко, членъ первой Государственной Думы. Онъ былъ высокій, могуче сложенный человѣкъ, суровый на видъ, блѣдный и скорѣе худой, съ рѣзко выраженными, выдающимися чертами лица, черными пронзительными глазами и черными, спутанными волосами. Казалось, онъ только что сошелъ съ какой-нибудь священной картины Веласкеца. У этого человѣка была гордость Люцифера. Въ то время, въ іюлѣ 1905 года, былъ междупарламентскій конгрессъ, засѣдавшій въ Лондонѣ. Пять депутатовъ русской Думы были избраны для участія въ немъ; была предложена кандидатура Назаренко, какъ делегата отъ крестьянъ. Я его спросилъ разъ, поѣдетъ ли онъ. Онъ отвѣчалъ: «Я поѣду только въ случаѣ единогласнаго избранія. Я записался въ кандидаты и спрашиваю этимъ мнѣнія остальныхъ; но я не буду спрашивать два раза. Я никогда не прошу два раза объ одномъ и томъ же. Когда я молюсь, я одинъ только разъ прошу у Бога; если Онъ моей молитвы не исполняетъ, я никогда не повторяю ея. Такъ ужъ людей я не стану два раза спрашивать. Ужъ такой я человѣкъ; я всегда пропускаю въ молитвахъ тѣ мѣста, гдѣ мы названы смиренными рабами; я не смиренный рабъ, ни Бога, ни людей».

Такой человѣкъ не признаетъ ни Божескаго, ни человѣческаго авторитета. Дѣйствительно, онъ не только не можетъ признать его, но ему трудно даже уважать человѣка или идею, которыхъ большинство согласилось признать достойными уваженія или поклоненія.

Насколько Достоевскій воплощеніе второго типа, Иванушки-дурачка, настолько Толстой воплощеніе перваго. Правда, на одномъ этапѣ своего жизненнаго пути Толстой объявилъ міру, что идеалъ Иванушки-дурачка единственный, достойный подражанія. Онъ ясно изложилъ это свое ученіе и, проповѣдуя его, пріобрѣлъ множество учениковъ; единственное, чего онъ не могъ сдѣлать — это акта окончательнаго отреченія; онъ не смогъ сдаться и стать самъ Иванушкой.

Мы знаемъ рѣшительно все о Толстомъ, не только изъ біографическихъ очерковъ, каковы, напримѣръ, очерки Фета и Берса, но изъ его собственной автобіографіи, его романовъ и его «Исповѣди». Онъ даетъ намъ полную панораму своей жизни, до самыхъ мельчайшихъ подробностей ея; онъ описываетъ каждую фазу своего пути, каждый оттѣнокъ и каждое настроеніе своей духовной жизни. Англійскій читатель, желающій хорошо ознакомиться со всѣми крупными фактами внѣшней и внутренней жизни Толстого, поступитъ лучше всего, если прочтетъ «The life of Tolstoy», г. Эйльмера Моода, который со-

бралъ, въ широко задуманномъ и прекрасно выполненномъ сочиненіи, все важное и интересное, что произошло за первыя пятьдесятъ лѣтъ жизни Толстого. Читая эту книгу, невольно вспоминаешь одну фразу Тургенева: «Человѣкъ всегда остается тѣмъ же, отъ колыбели и до могилы». Толстого называли непослѣдовательнымъ; но изучающій его жизнь и творчество, не только не найдетъ въ нихъ непослѣдовательности, а напротивъ, будетъ пораженъ неизмѣнной и упорной послѣдовательностью его идей. Вотъ, напримѣръ, случай, о которомъ онъ говоритъ въ своей «Исповѣди»:

«Помню, что когда мнѣ было лѣтъ одиннадцать, одинъ мальчикъ, Володенька М., учившійся въ гимназіи, придя къ намъ въ воскресенье, какъ послѣднюю новинку объявилъ намъ открытіе, сдѣланное въ гимназіи. Открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ, и что все, чему насъ учатъ, однѣ выдумки (это было въ 1838 г.). Помню, какъ старшіе братья, заинтересовавшись новостью, позвали и меня на совѣтъ, и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе, какъ что-то очень занимательное и весьма возможное».

Здѣсь уже виденъ въ зародышѣ тотъ человѣкъ, который впослѣдствіи смотрѣлъ такимъ независимымъ взоромъ на признанные идеалы и вѣрованья человѣчества, разрушая общепринятыя мнѣнія и рѣшая по своему усмотрѣнію насколько то, что было справедливымъ для другихъ, было справедливымъ и для него самого. Далѣе, онъ говоритъ: «Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. Меня учили ей съ дѣтства и во все время моего отрочества и юности. Но когда я въ 18 лѣтъ вышелъ со второго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили».

Одинъ русскій писатель, М. Курбскій, разсказываетъ, какъ при первой встрѣчѣ съ Толстымъ, онъ былъ пораженъ выраженіемъ его глазъ. «Они были болѣе, чѣмъ глаза», говоритъ онъ: «они были похожи на электрическіе прожекторы, проникающіе въ глубину вашей души и запечатлѣвающіе навсегда, подобно фотографическому аппарату, ея изображеніе».

Въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» авторъ даетъ намъ самую живую, самую реальную и прочувствованную картину дѣтства и юности, которая когда-либо была написана человѣкомъ. И однако, по прочтеніи этой книги остается полусознанное впечатлѣніе, что авторъ неудовлетворенъ, что онъ чувствуетъ какую-то неправильность, фальшь во всемъ окружающемъ.

Далѣе, Толстой описываетъ жизнь взрослаго человѣка въ «Утрѣ помѣщика», гдѣ онъ намъ разсказываетъ, какъ онъ пытался работать у себя дома и учить крестьянъ, и какъ изъ этого опыта ничего не вышло. И снова у насъ остается впечатлѣніе чего-то неудовлетво-

реннаго, чего-то нехватающаго, къ чему онъ стремился и что ускользаетъ отъ него.

Немного позже Толстой отправляется на Кавказъ, на войну, гдѣ жизнь первобытна и проста, гдѣ человѣкъ ближе природѣ и болѣе естественъ. Тутъ онъ написалъ «Казаки», гдѣ его пытливый взоръ обращается къ примитивной жизни стараго казака, охотника Ерошки, который живетъ, какъ трава, безъ заботъ, безъ горя и безъ размышленія. И еще разъ мы чувствуемъ, что душа автора недовольна, и продолжаетъ искать то, чего не можетъ найти.

Въ 1854 году, Толстой принималъ участіе въ Крымской войнѣ, давшей ему матеріалъ для самыхъ правдивыхъ картинъ военной жизни, когда-либо написанныхъ. Но и здѣсь онъ не обрѣлъ того, чего всѣмъ сердцемъ искалъ. Что-то было не такъ. Онъ долженъ былъ получить георгіевскій крестъ за храбрость, но благодаря тому, что у него въ то время не было какихъ-то офиціальныхъ документовъ, онъ его не получилъ. Этотъ инцидентъ — прообразъ его болѣе крупной неудачи, неудачнаго исканія того внутренняго счастья, къ которому онъ стремился, — исканія прочной почвы подъ ногами, моста въ безконечность и полнаго душевнаго покоя. Въ его дневникѣ есть мѣсто, написанное въ началѣ войны, во время пребыванія его въ Силистріи, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Скромности у меня нѣтъ. Вотъ мой большой недостатокъ... Я дуренъ собой, неловокъ, нечистоплотенъ и свѣтски необразованъ. Я раздражителенъ, скученъ для другихъ, нескроменъ, нетерпимъ и стыдливъ, какъ ребенокъ. Я почти невѣжда. Что я знаю, тому я выучился кое-какъ, самъ, урывками, безъ связи, безъ толку, и то такъ мало. Я невоздержанъ, нерѣшителенъ, непостояненъ, глупо тщеславенъ и пылокъ, какъ всѣ безхрактерные люди. Я не храбръ. Я уменъ, но умъ мой ни на чемъ еще не былъ основательно испытанъ. ...Я честенъ, то-есть я люблю добро..., но есть вещи, которыя я люблю больше добра — славу. Я такъ честолюбивъ и такъ мало чувство это было удовлетворено, что часто, я боюсь, я могу выбрать между славой и добродѣтелью первую, ежели бы мнѣ пришлось выбирать изъ нихъ. Да, я не скроменъ, оттого-то я гордъ въ самомъ себѣ, а стыдливъ и робокъ въ свѣтѣ».

Въ то время, когда онъ это писалъ, онъ въ совершенствѣ владѣлъ, какъ это указываетъ намъ г. Эйльмеръ Моодъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, и имѣлъ нѣкоторыя познанія въ англійскомъ, латинскомъ, арабскомъ и татарскомъ. Онъ уже написалъ разсказы, заставившіе издателей лучшихъ русскихъ журналовъ предложить ему плату, одинаковую съ той, которую они платили лучшимъ русскимъ писателямъ; такъ что его недовольство своимъ положеніемъ, умственнымъ и общественнымъ, было совершенно неосновательнымъ.

Послѣ Крымской войны, Толстой поѣхалъ за границу. Онъ ничего не нашелъ въ Западной Европѣ, что могло бы удовлетворить его. Вернувшись, онъ основался въ Ясной Полянѣ — и женился; и началась великая, патріархальная фаза его жизни, въ теченіе которой всякій даръ, всякое счастье, могущіе выпасть на долю человѣка, казалось, достались ему. Въ это время онъ написалъ «Войну и миръ», въ которой онъ описываетъ столкновеніе одной половины Европы съ другой. Онъ задумалъ одну изъ величайшихъ картинъ, когда-либо созданныхъ человѣкомъ, и онъ написалъ эпопею въ прозѣ объ эпохѣ, полной самыхъ потрясающихъ событій. Его пронзающій взглядъ видитъ правду сквозь всѣ фикціи національныхъ предразсудковъ и патріотическихъ предубѣжденій; мы чувствуемъ, что передъ нами встаютъ факты таковыми, какими они дѣйствительно были. Для него нѣтъ слишкомъ незначительной подробности, какъ нѣтъ и слишкомъ грандіозной катастрофы. Онъ доходитъ до зерна, изъ котораго выросло могучее дерево, до источника, изъ котораго вытекла большая рѣка. Онъ вызываетъ къ жизни цѣлое исчезнувшее поколѣніе и дѣлаетъ это такъ, что трудно повѣрить въ исчезновеніе этихъ людей, трудно повѣрить, что мы не видѣли его героевъ своими глазами, не слышали ихъ голоса.

Но когда мы прочли эту удивительную книгу, эту не имѣющую себѣ равныхъ эпопею, правдивую панораму цѣлой эпохи, галлерею мастерскихъ портретовъ — мы все-таки продолжаемъ чувствовать, что авторъ еще не нашелъ предмета своихъ исканій. Онъ все еще спрашиваетъ: Зачѣмъ? Къ чему? Что все это значитъ? Зачѣмъ всѣ эти ужасы, всѣ эти жертвы? Зачѣмъ эта борьба и эти страданія народовъ? Что значатъ эти великіе поступки, этотъ героизмъ? Въ чемъ смыслъ великихъ государственныхъ проблемъ и патріотическаго самопожертвованья народовъ? Мы видимъ, что душа Толстого страдаетъ въ ужасномъ одиночествѣ, что онъ дрожитъ на высотахъ мысли, сознавая, что все кругомъ него мракъ, пустота и отчаянье.

Въ «Войнѣ и мирѣ» мы снова видимъ, что гордая душа Толстого, воплощенный въ ней Люциферъ, ищетъ другихъ идеаловъ, и что въ Пьерѣ Безуховѣ онъ уже показываетъ намъ на Иванушку-дурачка, какъ на тотъ идеалъ, къ которому нужно стремиться. Въ Пьерѣ мы видимъ многія черты самого Толстого. Образы творчества мѣняются, но самъ человѣкъ передъ проблемами жизни остается тѣмъ же; и, сознательно или безсознательно, Толстой доказываетъ это, творя «Анну Каренину». Здѣсь, снова въ широкой панорамѣ, развертывается передъ нами современная автору жизнь высшихъ классовъ въ Россіи, въ Петербургѣ и въ деревнѣ, съ той же остротой взгляда, схватывающаго всякую внѣшнюю подробность и рас-

крывающаго намъ всякій уголокъ сердца и души. Рядомъ съ типами Толстого почти всѣ литературные типы кажутся книжными. Его мужчины и женщины такъ живы и такъ реальны, что даже когда авторъ, въ своемъ психологическомъ анализѣ ихъ, ошибается и идетъ невѣрнымъ путемъ — изъ-за чрезмѣрной тонкости и изъ-за желанія слишкомъ многое объяснить, — сами типы автоматически исправляютъ эти ошибки, какъ будто они живутъ независимой отъ своего творца жизнью. Онъ создаетъ типъ и даетъ ему жизнь; онъ можетъ разсуждать о немъ такъ же, какъ о живой личности, и онъ можетъ разсуждать ошибочно просто вслѣдствіе того, что не всегда разсужденія нужны, да и самое высказываніе какой-нибудь мысли словами можетъ дать о ней ошибочное представленіе; но какъ только созданное имъ лицо дѣйствуетъ и говоритъ само за себя, оно поступаетъ именно такъ, какъ свойственно его натурѣ, и исправляетъ ошибочное впечатлѣніе, полученное отъ разсужденія автора; какъ будто оно было бы совершенно самостоятельнымъ, лишеннымъ всякаго контроля своего творца.

Почти всѣ критики, по крайней мѣрѣ англійскіе, говоря объ Аннѣ Карениной, нападаютъ на Толстого за Вронскаго. Анна Каренина, говорятъ они, никогда не могла полюбить такого обыкновеннаго человѣка. Вронскій, сказалъ одинъ критикъ, просто возвеличенный «Стирфорсъ». На это обвиненіе можно отвѣтить только одно: если вы отправитесь въ Петербургъ, или въ Лондонъ, или куда бы то ни было, вы всегда увидите, что мужчины, которыхъ любятъ Анны Каренины всего міра, именно Вронскіе, и никто иной, по той простой причинѣ, что Вронскій настоящій мужчина. Онъ не герой и онъ не злодѣй, онъ не то, что называютъ «интереснымъ человѣкомъ», но онъ мужчина, столь же мужественный, насколько женственна Анна, со многими качествами и многими недостатками, но прежде всего удивительно жизненный. Почти всякій писатель, за исключеніемъ Фильдинга, кончаетъ тѣмъ, что ставитъ своего героя выше или ниже жизненнаго уровня. Существуетъ и теперь много Вронскихъ въ Петербургѣ, а также, mutatis mutando, въ Лондонѣ. Но ни одинъ писатель, кромѣ Толстого, не сумѣлъ изобразить въ книгѣ такой простой вещи, какъ обыкновеннаго человѣка. Поставьте рядомъ съ Вронскимъ одного изъ героевъ Мередита, и вамъ послѣдній покажется человѣкомъ, одѣвшимся для маскарада. Поставьте рядомъ съ нимъ любого героя Буржэ, со всѣми его психологическими документами въ полной исправности, и вопреки тонкому анализу автора, онъ покажется около живого созданія Толстого лишь гипсовой куклой. И однако, въ «Аннѣ Карениной», какъ и въ «Войнѣ и мирѣ», все время чувствуется, что авторъ недоволенъ и жадно ищетъ то, чего онъ не

можетъ найти; и снова, на этотъ разъ болѣе рѣзкими штрихами и болѣе яркими красками онъ рисуетъ идеалъ простоты, стремящійся къ Иванушкѣ-дурачку, въ Левинѣ. И въ этомъ человѣкѣ мы видимъ много толстовскихъ чертъ, и намъ ясно, что если онъ не самъ Толстой, онъ то, чѣмъ послѣдній хотѣлъ бы быть. Но одиночество и пустота, окружающія душу Толстого, еще не заполнены, и въ этой пустотѣ мы остро чувствуемъ присутствіе отчаянія и какихъ-то темныхъ силъ.

Мы чувствуемъ, что Толстой боится тьмы, что для него есть что-то неправильное во всемъ укладѣ человѣческой жизни, какая-то коренная ошибка. Онъ сознаетъ, что со всей своей геніальностью онъ сумѣлъ понять только одно: все, найденное имъ до тѣхъ поръ въ жизни не то, что онъ ищетъ, но что-то не существенное и не важное; въ то же время онъ не чувствуетъ себя способнымъ ни найти въ жизни то, что было бы ошибкой, ни отыскать истинную цѣль ея, ни понять, въ чемъ эта цѣль заключается. Въ это время и наступилъ тотъ кризисъ въ его жизни, который внѣшне раздѣлилъ ее на двѣ различныя половины, хотя и не произвелъ перелома въ ея внутреннемъ развитіи. Страхъ передъ тьмою, передъ ужасной бездной, раскрывавшейся передъ нимъ, былъ такъ силенъ, что онъ чувствовалъ необходимость избавиться отъ него во что бы то ни стало.

«Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что меня ожидаетъ,—зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самого положенія, но не могъ терпѣливо ждать конца. Какъ ни убѣдительно было разсужденіе о томъ, что все равно разорвется сосудъ въ сердцѣ или лопнетъ что-нибудь и все кончится, я не могъ терпѣливо ждать конца. Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей».

Этотъ ужасъ не былъ физическимъ страхомъ смерти, а страхомъ отвлеченнымъ, возникавшимъ отъ сознанія, что вокругъ него встаетъ холодный туманъ уничтоженія.

Сознаніемъ ничтожности всего, сознаніемъ того, что Леопарди называетъ «l'infinita vanita del tutto» онъ былъ приведенъ къ грани самоубійства; и тутъ наступилъ переломъ, который онъ такъ описываетъ въ исповѣди: «Я возненавидѣлъ себя; и теперь мнѣ все стало ясно». Это былъ первый шагъ на новомъ пути, который привелъ его къ вѣрѣ въ то, что онъ нашелъ, наконецъ, вѣчную истину. «Человѣку достаточно перестать желать денегъ или земли, чтобы войти въ Царствіе Божіе». Онъ пришелъ къ убѣжденію, что собственность—источникъ всякаго зла.

«Это не законъ природы, не воля Божія, или историческая необходимость; это скорѣе предразсудокъ, слабый и достойный презрѣнія». Освободиться отъ этого предразсудка было, на его взглядъ,

такъ же просто, какъ раздавить паука. Онъ хотѣлъ буквально исполнить повелѣніе Евангелія, раздать все свое имѣніе и стать нищимъ.

Этотъ идеалъ онъ не смогъ выполнить на практикѣ. Его семья, его жена противились этому: и у него не хватило силы стать лицомъ къ лицу съ страшными и безкомпромисными словами, что «враги человѣку домашніе его», что «возстанетъ сынъ на отца и домъ на домъ», что «мертвые должны погребать своихъ мертвецовъ». Онъ поставилъ себѣ идеаломъ христіанскихъ святыхъ и древнихъ русскихъ подвижниковъ, которые буквально выполнили слова Христа: «Кто не оставитъ домъ, или жену, или дѣтей ради Меня — недостоинъ Меня». Но Толстой, вмѣсто того, чтобы раздавить чудовище собственности, закрылъ глаза. Онъ отказывался имѣть какое-либо отношеніе къ деньгамъ; но это не помѣшало тому, что съ ними имѣли дѣло за него, такъ что онъ имѣлъ всѣ выгоды, не имѣя скучныхъ заботъ и тревогъ, порождаемыхъ собственностью. Его дѣлами управляли за него, и онъ продолжалъ жить, какъ раньше. Ни одинъ здравый человѣкъ не осудитъ его за это; онъ не былъ по природѣ ни святымъ Францискомъ, ни русскимъ подвижникомъ, а какъ разъ ихъ противоположностью. Винить его можно не за то, что его жизнь не совпадала съ его ученіемъ, а за то, что самое его ученіе несовмѣстимо съ тѣмъ идеаломъ, который оно, по мнѣнію Толстого, воплощало въ себѣ. Онъ беретъ христіанское ученіе, и говоритъ міру, что оно — единственная надежда на спасеніе, единственный ключъ къ загадкѣ жизни. Въ то же время онъ пренебрегаетъ первой истиной, на которой это ученіе основано, а именно, что человѣкъ долженъ родиться снова, что онъ долженъ смириться и стать какъ малое дитя. Вотъ на это послѣднее и полное отреченіе Толстой не былъ способенъ. Вмѣсто того, чтобы любить Бога черезъ себя и любить себя за образъ Божій въ себѣ, онъ ненавидитъ себя и отказывается признать тѣ дары, которые далъ ему Богъ. Вотъ почему онъ говоритъ о всѣхъ своихъ великихъ произведеніяхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ разсказовъ для дѣтей, какъ о чемъ-то не имѣющемъ цѣны. Вотъ почему онъ пересталъ писать повѣсти и пытался пахать землю. А причина всего этого просто-напросто духовная гордость; онъ не хотѣлъ исполнять своего долга въ той сферѣ дѣятельности, къ которой призвалъ его Богъ. Провидѣніе сдѣлало его писателемъ и романистомъ, а не землепашцемъ. Провидѣніе не только создало его писателемъ, а, быть можетъ величайшимъ писателемъ всего міра, и однако онъ своевольно отворачивается отъ своего дарованія, презираетъ его, плюетъ на него и говоритъ, что оно ничего не стоитъ.

Вопросъ въ томъ, имѣетъ ли человѣкъ право это сдѣлать, осо-

бенно въ томъ случаѣ, если онъ по какимъ-либо причинамъ не способенъ на полное отреченіе, не способенъ уйти отъ міра. Можно отвѣтить, что если на этомъ основывается ученіе Толстого, правы тѣ, которые видятъ въ немъ какую-то фальшь. Если бы онъ оставилъ міръ и сдѣлался странникомъ, подобно русскимъ святымъ, ни слова нельзя было бы сказать противъ этого; или если бы онъ оставался въ міру, проповѣдуя христіанскіе идеалы и стараясь выполнить ихъ по мѣрѣ силъ ничего нельзя было бы сказать. Но, не пойдя по первому пути, онъ училъ, что второй путь ложенъ. Онъ стремился къ идеалу Иванушки-дурачка и не могъ достигнуть его просто потому, что онъ не способенъ былъ смириться; онъ написалъ заново Евангеліе по своему усмотрѣнію; слова его молодости: «у меня нѣтъ скромности» остались вѣрными и послѣ его обращенія. Вѣрнѣе, у него не было смиренія; и вмѣсто того, чтобы признать, что всякому человѣку назначено его дѣло, что нѣтъ ненужнаго человѣка и ненужнаго дѣла, онъ проповѣдывалъ, что всякое дѣло ненужно, кромѣ того, что онъ самъ признавалъ нужнымъ; вмѣсто проповѣди любви къ тому «Образу и Подобію Божію», которыми каждый человѣкъ запечатлѣнъ, какъ монета запечатлѣна изображеніемъ царя, онъ велѣлъ намъ любить творца этой монеты путемъ ненависти къ его творенію, не обращая вниманія на запечатлѣнный въ немъ образъ.

Все проистекаетъ изъ двойственности личности Толстого, изъ борьбы между титаническимъ «Люциферомъ» и другимъ элементомъ въ его душѣ, всегда искавшимъ Иванушку-дурачка. Титанъ сгораетъ желаніемъ стать Иванушкой, онъ учитъ всѣхъ людей, что они должны это сдѣлать, но самъ этого сдѣлать не можетъ. Другія гордыя и титаническія натуры сдѣлали это; но Толстой не смогъ совершить того, что сдѣлалъ Данте. Данте гордъ, какъ титанъ, но онъ отрекся отъ своей гордости и, видя правду, сказалъ: «In la sue volontade è nostra pace». Не можетъ онъ достигнуть и великаго смиренія Гете въ его «himmlishe Mächte», «Wer nie sein Brot mit tränen ass». Онъ остается одинокимъ въ своей высокой и ужасной пустынѣ: «Въ холодномъ звѣздномъ свѣтѣ, куда ты не можешь подняться». Тургеневъ сказалъ о Толстомъ: «Онъ никогда никого не любилъ кромѣ самого себя». Мережковскій, въ своей книгѣ «Толстой и Достоевскій», былъ ближе къ истинѣ, говоря: «Онъ никогда никого не любилъ, *даже самого себя*». Но Мережковскій считалъ циклъ духовной жизни Толстого еще не законченнымъ. Онъ не вѣрилъ, что послѣдній нашелъ истину, къ которой стремился всю жизнь, и что онъ обрѣлъ покой. «Я не могу ему не повѣрить, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о жалкомъ, выпавшемъ изъ гнѣзда, птенцѣ. Да, какъ это

ни страшно, — а это такъ. И онъ, этотъ титанъ, со всей своею силою — только жалкій птенецъ, который выпалъ изъ гнѣзда, лежитъ на спинѣ и пищитъ въ высокой травѣ, какъ я и вы, и всѣ мы до единаго. Нѣтъ, ничего не нашелъ онъ — никакой вѣры, никакого Бога. И все его оправданіе — только въ этой безнадежной мольбѣ, въ этомъ пронзительно жалобномъ крикѣ безпредѣльнаго одиночества и ужаса... Пойметъ ли онъ, наконецъ, что тутъ нѣтъ высшаго и низшаго, что это два противоположныхъ и равно-истинныхъ пути, ведущихъ къ одному и тому же, что это, въ сущности, даже и не два пути, а одинъ, только до времени кажущійся двумя, что не противъ и не отъ земли можно прійти къ неземному, не противъ и не безъ плоти, а только черезъ плоть — къ тому, что за плотью. И намъ ли бояться плоти, намъ, дѣтямъ Того, Кто сказалъ: «Кровь Моя истинно есть питіе и плоть Моя истинно есть пища»,—намъ, чей Богъ, чье «Слово стало плотью».

Тѣмъ не менѣе, каковы бы ни были ошибки Толстого, онѣ ничего не отнимаютъ отъ его нравственнаго облика. Всю свою жизнь онъ искалъ истину, и всю свою жизнь онъ высказывалъ правдиво свои мысли; и хотя онъ храбро нападалъ на всѣ установленные авторитеты, никто не посмѣлъ его тронуть. Онъ слишкомъ великъ. Это первый разъ, что свободная мысль одержала побѣду въ Россіи; и эта побѣда — великая услуга, которую онъ оказалъ Россіи, *какъ человѣкъ*.

И Толстой, и Достоевскій терпѣть не могли Тургенева; ихъ нелюбовь къ нему очень интересна для насъ, и облегчаетъ намъ пониманіе основного характера ихъ твореній, ихъ художественныхъ идеаловъ и того разстоянія, которое лежитъ между произведеніями Тургенева и Толстого. «Я его презираю», писалъ о немъ Толстой Фету. Достоевскій въ романѣ «Бѣсы» рисуетъ карикатурный портретъ Тургенева, въ которомъ всѣ его недостатки замѣчены и грубо преувеличены *).

Это изображеніе очень поучительно.

«Я читалъ его произведенія въ дѣтствѣ», пишетъ Достоевскій, «и зачитывался ими. Они были величайшимъ наслажденіемъ моего отрочества и моей юности. Затѣмъ я сталъ постепенно охладѣвать къ нимъ». Онъ говоритъ далѣе, что Тургеневъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые властвуютъ надъ однимъ поколѣніемъ, а слѣдующее ставитъ ихъ произведенія на полку и забываетъ о нихъ. Причина этой нелюбви, этой неспособности оцѣнить Тургенева и у Толстого,

---

*) Нужно сказать, что этотъ портретъ такъ несправедливъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многія черты въ немъ такъ правдиво изображены, что для многихъ онъ портитъ всю книгу.

и у Достоевскаго, можетъ быть, та, что оба, каждый въ своей области, дошли до абсолютной правды окружавшей ихъ жизни. Толстой описывалъ внѣшнюю и внутреннюю жизнь тѣхъ, съ кѣмъ онъ сталкивался, такъ, какъ никто этого не сдѣлалъ, ни до, ни послѣ него; а Достоевскій изображалъ внутреннюю жизнь человѣка съ такимъ прозрѣніемъ (какъ бы фанстастично ни было внѣшнее построеніе его романовъ), которое никогда и никѣмъ не было достигнуто. Тургеневъ описывалъ людей той же эпохи и того же поколѣнія:, онъ работалъ надъ тѣмъ же матеріаломъ, что и они — и обработалъ его, какъ художникъ и поэтъ, и какъ великій поэтъ. Но его кругозоръ былъ узокъ сравнительно съ кругозоромъ Толстого и его воспріятіе жизни было холоднымъ и безцвѣтнымъ, сравнительно съ воспріятіемъ Достоевскаго. Выведенныя имъ личности, рядомъ съ героями Толстого, кажутся карикатурами, а рядомъ съ героями Достоевскаго они кажутся условными.

Въ Европѣ ни одинъ иностранный писатель не былъ такъ восхваляемъ самыми разнообразными критиками, какъ Тургеневъ. Флоберъ говорилъ о немъ: «C'est un gigantesque bonhomme que ce Scythe». Жоржъ Зандъ писала: «Maître, il nous faut tous aller à votre école». Тэнъ говоритъ объ его произведеніяхъ, что они продуктъ самаго тонкаго художественнаго творчества со временъ Софокла. Двадцать-пять лѣтъ прошло со дня его смерти и, какъ это отмѣчаетъ г. Хомантъ, періодъ реакціи наступилъ для него даже въ Европѣ. Невольно начинаешь себя спрашивать: правдивы ли его картины, существовали ли когда-нибудь изображенные имъ русскіе люди, и не сильно ли были преувеличены тѣ похвалы, которыми его закидали удивленные современники по всей Европѣ.

Одна изъ причинъ громкой, и, быть можетъ, чрезмѣрной славы его въ Европѣ была та, что черезъ него европейцы познакомились съ русской литературой и впервые узнали, что существуютъ романы, въ которыхъ положенія, ужасныя и захватывающія какъ положенія въ греческихъ трагедіяхъ, возникаютъ изъ столкновеній между обыкновенными людьми въ ежедневной жизни. Простота русской литературы, правдивость изображаемыхъ въ ней лицъ, были откровеніемъ для Европы; и такъ какъ это откровеніе произошло, главнымъ образомъ, черезъ посредство Тургенева, понятно, что онъ получилъ похвалы, заслуженныя не только имъ лично, но и тѣми качествами, которыя свойственны всякому русскому писателю.

Гейне гдѣ-то говоритъ о человѣкѣ, впервые попавшемъ въ Германію и пораженномъ обиліемъ въ ней идей: «Онъ былъ подобенъ путешественнику, нашедшему слитокъ золота, какъ только онъ вступилъ въ Эльдорадо; но его восторгъ быстро охладѣлъ, когда онъ

открылъ, что ихъ сколько угодно». То же самое, что съ идеями въ Германіи, произошло съ натурализмомъ Тургенева. Въ сравненіи съ Толстымъ и Достоевскимъ, Тургеневъ уже не поражаетъ, такъ какъ онъ обладаетъ тѣми же свойствами, что и они, но только въ меньшей степени. Но со всѣмъ этимъ, Тургеневъ былъ великимъ поэтомъ. Время не отняло у него и никогда не отниметъ красоты его языка и поэзіи его творчества. Всякій русскій школьникъ читалъ его произведенія, прежде чѣмъ покинулъ школьную скамью, и всегда, вѣроятно, такъ будетъ, такъ какъ его проза навсегда останется классическимъ образцомъ простого, красиваго и гармоничнаго языка, который никогда не былъ превзойденъ. Тургеневъ никогда не написалъ ничего лучше той книги, которая завоевала ему славу— «Записокъ охотника». Въ этихъ разсказахъ вылился весь его талантъ. Не знаешь, чѣмъ болѣе поражаться — тонкостью и умѣньемъ выбирать и задерживать свои впечатлѣнія или музыкальной, хрустальной формой, въ которую они облекаются. Для читателя, знающаго эту книгу только въ переводѣ, три четверти ея прелести пропадаетъ; однако, правдивость этихъ очерковъ такъ велика и поэзія ихъ такъ трогательна, что даже въ переводѣ они поражаютъ читателя.

Можетъ-быть, нѣтъ ничего болѣе труднаго, чѣмъ переводить разсказы, описывающіе бытъ русскихъ крестьянъ. Простота и прямота ихъ языка составляютъ отчаяніе переводчика; и хорошо перевести этотъ языкъ можетъ только литературное дарованіе, такое же тонкое и прекрасное, какъ дарованіе самого автора. Переводъ г-жи Гарнетъ удивительно хорошъ; однако, сравнивая его съ оригиналомъ, чувствуешь, что перевести Тургенева, какъ слѣдуетъ, почти нѣтъ никакой возможности. Нѣкоторымъ писателямъ, напримѣръ Р. Киплингу, удается передать намъ впечатлѣніе, производимое разговоромъ обитателей экзотическихъ странъ. Когда Р. Киплингъ изображаетъ рѣчь индуса, онъ переводитъ ее на простой, библейскій англійскій языкъ. Это, несомнѣнно, вѣрный методъ перевода; онъ былъ усвоенъ съ большимъ успѣхомъ великими писателями XVIII вѣка, когда они имѣли дѣло съ какимъ-нибудь народнымъ языкомъ. Я не могу находить правильнымъ, когда переводятъ языкъ русскаго мужика, или индуса, или грека, какъ бы фамильяренъ онъ ни былъ, на лондонскій уличный діалектъ. Напримѣръ, г-жа Гарнетъ, переводя одно изъ лучшихъ произведеній Тургенева, «Пѣвцы», передаетъ слова «не врешь» — выраженіемъ: «is it not your humbug». Дальше она переводитъ слово «молчать» — уличнымъ выраженіемъ: «shut up». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слово «молчать» можетъ-быть и соотвѣтствуетъ словамъ «shut up»; но въ данномъ случаѣ это совершенно невѣрно, и лучше было бы сказать: «be silent». Переводить разго-

воръ русскаго мужика на лондонскій діалектъ — это то же самое, что рѣчь шотландца передать англійскимъ «cockney».

Это можетъ показаться пустякомъ, но на самомъ дѣлѣ — это главная проблема переводчика, особенно когда переводятъ языкъ простыхъ людей; а особенно важно это, когда дѣло идетъ объ языкѣ русскихъ мужиковъ, и я не знаю ни одного перевода, въ которомъ эта ошибка не была бы повторена. Красота оригинала доказывается особенно тѣмъ, что даже эти несовершенные переводы даютъ намъ возможность ее угадать, и мы получаемъ хоть тѣнь того впечатлѣнія, которое хотѣлъ произвести авторъ. Если «Записки охотника» лучшее произведеніе Тургенева, то онъ достигъ той же высоты еще разъ, подъ конецъ своей жизни, въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ». Здѣсь онъ затронулъ еще разъ ту струну, которая составляетъ тайну его прелести, и которая сладостно и томительно звучитъ и отдается въ сердцѣ.

Все это я говорю о Тургеневѣ, какъ о поэтѣ. Но онъ былъ романистомъ, это заслужило ему славу, и съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ его разсматривать. Три романа — «Дворянское гнѣздо», «Отцы и Дѣти» и «Новь» — заложили основаніе его европейской славѣ. Ихъ достоинства заключаются въ идеальности женскихъ характеровъ,въ отсутствіи искусственности построенія и мелодраматичности, въ естественности и внутренней связи событій, въ гармоничности и пропорціональности цѣлаго и въ живости выведенныхъ лицъ. Нельзя отрицать, что его герои живутъ и очень жизненны; насколько они близки дѣйствительности — это другой вопросъ. Разница между Тургеневымъ и Толстымъ заключается въ томъ, что герои перваго жизненны такъ, какъ только могутъ быть жизненны книжные герои; а герои Толстого принадлежатъ дѣйствительной жизни. Русскіе критики упрекали Тургенева за то, что выведенные имъ характеры преувеличены, что въ нихъ есть элементъ карикатурности и что они пропитаны недостатками самого автора — его слабостью, и главнымъ образомъ, его самоувѣренностью. Г. Хомантъ указываетъ, что недостатокъ твердости во всѣхъ его герояхъ еще не даетъ намъ права обвинить Тургенева въ томъ, что они даютъ невѣрное, или обманчивое представленіе о русскихъ — разъ что Тургеневъ не только самъ былъ русскимъ, но къ тому же русскимъ очень замѣчательнымъ и одареннымъ. Самъ Тургеневъ дѣлитъ человѣчество на два типа: Донъ-Кихотовъ и Гамлетовъ; за немногими исключеніями онъ описывалъ только второй типъ — слабыхъ, нервныхъ людей, полныхъ идей, восторженныхъ на словахъ, способныхъ возбудить своими рѣчами энтузіазмъ слушателей и даже внушить вѣру въ себя, но неспособныхъ къ дѣйствію и безвольныхъ; имъ недостаетъ простоты

и даже слабости Иванушки-дурачка, которая на самомъ дѣлѣ не слабость, а сила, такъ какъ проистекаетъ изъ неисчерпаемоой доброты.

Но есть одно исключеніе: въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургеневъ создалъ образъ «Люцифера», съ несокрушимой волей — именно Базарова. Ни одно изъ выведенныхъ имъ лицъ не обладаетъ столь большой жизненностью; и ничто, имъ написанное, не вызвало такихъ споровъ и такого строгаго осужденія, какъ этотъ образъ. Тургеневъ создалъ типъ интеллектуальнаго нигилиста; если онъ не самъ выдумалъ это слово, онъ первый примѣнилъ его къ жизни и далъ ему широкое распространеніе. Навсегда останется этотъ типъ — человѣка, который ни во что не вѣритъ, ничему не поклоняется и сохраняетъ свою непобѣдимую гордость до смерти. Здѣсь снова, если мы сравнимъ Базарова съ нигилистами, описанными въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, мы чувствуемъ, что поскольку дѣло идетъ о внутренней правдѣ личности, Базаровъ типъ книжный, какъ бы онъ ни былъ реаленъ и живъ; а нигилисты Достоевскаго, какъ бы они ни казались фантастичными съ внѣшней стороны, внутренно не только правдивѣе — они квинтессенція правды. Тургеневъ никогда не видѣлъ дѣйствительности такъ, какъ Толстой видѣлъ и описалъ ее; также не могъ онъ интуитивно угадать правду, какъ это дѣлалъ Достоевскій, говоря ли о томъ, что онъ зналъ и видѣлъ, или о томъ, чего онъ не зналъ и не видѣлъ. Но Тургеневъ создалъ типъ изъ своего воображенія и сдѣлалъ изъ него очень живую фигуру, которая, для насъ, по крайней мѣрѣ, кажется поразительной; этотъ образъ раздражилъ, однако, тѣхъ, которые знали, съ кого онъ былъ, по ихъ предположеніямъ, написанъ, и считали оригиналъ не только гораздо болѣе интереснымъ, чѣмъ созданіе Тургенева, но даже совсѣмъ непохожимъ на послѣднее. Но хотя можно всячески нападать на Базарова, никакіе критики и упреки не могутъ коснуться описанія его смерти. Здѣсь Тургеневъ достигаетъ вершины своего творчества, и здѣсь звучитъ струна глубокой, страстной человѣчности, звучитъ сдержанно и порождаетъ въ насъ безконечное количество мыслей, тѣмъ болѣе поразительныхъ, что онѣ недосказаны. Смерть Базарова — одна изъ великихъ страницъ міровой литературы.

Въ «Нови» Тургеневъ пытается дать намъ этюдъ подпольной жизни Россіи — этюдъ революціоннаго движенія, безпомощнаго передъ невѣжествомъ массъ и неподготовленностью народа къ воспріятію такого рода идей. Въ этомъ онъ потерпѣлъ полную неудачу, по мнѣнію всѣхъ русскихъ критиковъ послѣдняго времени, лучше знакомыхъ съ этой стороной русской жизни. Описывая оффиціальныя личности, хотя и съ большимъ искусствомъ и умомъ, онъ создаетъ рядъ карикатуръ; а революціонеры, которыхъ онъ намъ показы-

ваетъ, быть-можетъ и хороши въ книжкѣ, но отнюдь не соотвѣтствуютъ дѣйствительности *). «Дворянское гнѣздо», «Отцы и дѣти» и «Новь» всегда будутъ цѣнны, поскольку они отражаютъ духъ своего поколѣнія и ту эпоху, которую онъ описываетъ, хотя созданныя имъ картины иногда и грѣшатъ карикатурностью и кажутся слабыми по сравненію съ образами его соперниковъ.

Изъ остальныхъ его романовъ главные: «Наканунѣ», «Дымъ», «Вешнія воды» и «Рудинъ»; послѣдній одинъ изъ самыхъ законченныхъ типовъ Гамлетовской галлереи. Въ «Вешнихъ водахъ» Тургеневъ далъ полную волю своей поэзіи, и результатомъ этого было прекрасное и захватывающее произведеніе. О «Наканунѣ» Толстой писалъ слѣдующее:

«Есть отрицательныя лица превосходныя, художникъ и отецъ. Другія не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или же они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: «Ахъ, я тебя люблю... У нея рѣсницы были длинныя.» Вообще меня удивляетъ въ Тургеневѣ, какъ онъ, со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ, не умѣетъ удержаться отъ банальности, даже до пріемовъ. Нѣтъ человѣчности и участія къ людямъ, а представляются уроды, которыхъ онъ бранитъ и не жалѣетъ».

О «Дымѣ» онъ говоритъ:

«Я про «Дымъ» думаю то, что сила поэзіи лежитъ и въ любви; направленіе этой силы зависитъ отъ характера. Безъ силы любви нѣтъ поэзіи; ложно направленная сила,—непріятный, слабый характеръ поэта, претитъ. Въ «Дымѣ» нѣтъ ни къ чему почти любви, нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію, легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна».

Эта оцѣнка, особенно послѣдняя, конечно, совершенно несправедлива; но я ее привелъ потому, что она выражаетъ отношеніе многихъ современныхъ образованныхъ русскихъ людей къ большинству произведеній Тургенева, хотя они и глубоко цѣнятъ его поэтическую чуткость и его стилистическое дарованіе. Слѣдуетъ отмѣтить эту точку зрѣнія, такъ какъ все, что можно сказать въ похвалу Тургенева, не только было прекрасно выражено самыми разнообразными критиками всѣхъ національностей, но ихъ похвалы постоянно цитируются, тогда какъ о другой сторонѣ вопроса рѣдко упоминаютъ. Однако, по отношенію къ «Наканунѣ», критика Толстого явно несправедлива.

---

*) За исключеніемъ Маріанны; это одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ и благородныхъ женскихъ типовъ, созданныхъ Тургеневымъ.

Онъ по натурѣ своей не былъ способенъ воздать Тургеневу должнаго. Быть можетъ, самое безпристрастное и тонкое сужденіе о Тургеневѣ, которое только существуетъ, можно найти въ книгѣ Мельхіора-де Вогюэ — «Le Roman Russe». Онъ не слѣпъ къ недостаткамъ автора, онъ признаетъ превосходство надъ нимъ и Толстого, и Достоевскаго, но, тѣмъ не менѣе, онъ воздаетъ Тургеневу по заслугамъ.

Тѣ черты банальности и условности, которыя можно найти въ герояхъ Тургенева, стали замѣтнѣе съ теченіемъ времени. Онъ замѣчательный пейзажистъ, но и здѣсь онъ иногда условенъ. Его пейзажи всегда нѣсколько трафаретны и неразнообразны. Онъ какъ будто никогда не становится лицомъ къ лицу съ природой, какъ Вордсвортъ, онъ не даетъ намъ эскизныхъ картинъ, какія умѣетъ дать Горькій въ одной фразѣ, но онъ достигаетъ поразительныхъ эффектовъ прелестнымъ сочетаніемъ лѣса, тучъ, тумана и воды, неопредѣленнаго фона и прозрачныхъ фигуръ, въ манерѣ Коро. Это ничего не отнимаетъ отъ красоты его картинъ и не уменьшаетъ нашего восхищенія передъ ними; но всякая попытка преувеличить ихъ достоинства падаетъ сама собою, когда мы сравниваемъ ихъ съ твореніями болѣе мощныхъ мастеровъ.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что картина Россіи, созданная творчествомъ Тургенева, неполна, но ее нельзя назвать невѣрной, и что несмотря на всѣ свои недостатки, она неоцѣнима. Въ 1847 году Бѣлинскій писалъ Тургеневу: «Мнѣ кажется, что у Васъ мало или даже нѣтъ творческаго воображенія; ваше призваніе описывать дѣйствительность». Эта оцѣнка вѣрна для всей его литературной карьеры, но она забываетъ его величайшій даръ — его поэзію: тѣ волшебные звуки и неслышанныя мелодіи, которыя онъ будитъ въ нашемъ сердцѣ музыкой своихъ образовъ. Послѣднее стихотвореніе въ прозѣ Тургенева называется «Русскій языкъ». Вотъ оно:

«Въ дни сомнѣнія, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ того, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Нельзя высказать большей похвалы Тургеневу, чѣмъ сказать, что онъ былъ достоинъ своего великаго выразителя; ни одинъ русскій прозаикъ не игралъ на инструментѣ русскаго языка съ большей нѣжностью и большей увѣренностью, чѣмъ онъ.

Когда Тургеневъ умиралъ, онъ писалъ Толстому и умолялъ его вернуться къ литературѣ. «Вѣдь этотъ даръ Вашъ», писалъ онъ, «оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ бы я былъ счастливъ,

если бы могъ подумать, что просьба моя такъ на Васъ подѣйствуетъ. Другъ мой, великій писатель земли русской, внемлите моей просьбѣ».

Всю свою жизнь, несмотря на свои частыя ссоры съ Толстымъ, онъ не переставалъ преклоняться передъ твореніями своего соперника. У Тургенева былъ даръ поклоненія, Толстой былъ совершенно лишенъ его. «Люциферъ» въ немъ отказывается склониться передъ Шекспиромъ или Бетховеномъ просто потому, что онъ вообще неспособенъ склониться. Чтобы оправдать эту неспособность преклоняться передъ великими міровыми произведеніями, Толстой написалъ книгу «Что такое искусство», въ которой онъ осуждалъ теоріи, высказанныя раньше имъ самимъ. Въ этой книгѣ, и въ другой о Шекспирѣ, онъ относится къ величайшимъ произведеніямъ искусства такъ, какъ къ твореніямъ эстетовъ, замкнувшихся въ теоріи искусства для искусства. Онъ устраняетъ Бетховена потому, что такая музыка, по его мнѣнію, можетъ нравиться только спеціалистамъ.

Если это высочайшее искусство, и, тѣмъ не менѣе, большинство людей обходится безъ него и вовсе въ немъ не нуждается, оно не имѣетъ никакихъ правъ на то высокое уваженіе, котораго искусство достойно. Господинъ Эйльмеръ Моодъ, комментируя это мѣсто, говоритъ: «Положеніе спеціалистовъ, когда Толстой обсуждаетъ достоинства «Короля Лира» или «Девятой Симфоніи», незавидное». Но неправильность точки зрѣнія не въ этомъ; она заключается въ мысли, что такія творенія составляютъ достояніе однихъ только спеціалистовъ. Это не такъ. Быть-можетъ, послѣдніе квартеты Бетховена или самыя неясныя страницы Шекспира, дѣйствительно, интересны только для спеціалистовъ; но это не уничтожаетъ того факта, что вся Германія и множество людей внѣ ея собираются, чтобы слушать симфоніи Бетховена, и наслаждаются ими. Это не уничтожаетъ факта, что пьесы Шекспира переведены на всѣ языки и доставляютъ людямъ наслажденіе, когда ихъ играютъ на сценѣ; ими наслаждаются самые необразованные и простые люди. Самые большіе сборы въ Comédie Française даютъ воскресныя представленія, на которыхъ играютъ Мольера. Толстой игнорируетъ то, что величайшее искусство, какъ искусство Гомера, Шекспира, Данте, Мильтона, Бетховена, Моцарта, производитъ одновременно впечатлѣніе, хотя и разными сторонами своими, на ученаго спеціалиста и на самаго необразованнаго человѣка. Г-нъ Джонсонъ указываетъ, что это главное достоинство «The piligrim's progress» Г. Бэньяна; самые культурные люди высоко ставятъ это произведеніе, а дѣти не знаютъ болѣе занимательной книги. Это вѣрно и для «Потеряннаго рая», вѣрное пониманіе котораго считается въ Англіи высшимъ признакомъ учености; между тѣмъ какъ

прозаичный переводъ его,*) въ дешевыхъ изданіяхъ, съ цвѣтными картинками, продается по всей Россіи и съ удовольствіемъ читается крестьянами, которые, конечно, не знаютъ, что это поэма, но наслаждаются имъ, какъ повѣствованіемъ о фантастическихъ приключеніяхъ и чудесныхъ происшествіяхъ. Оно обращается одновременно къ ихъ религіозному чувству и ихъ любви къ сказкамъ, и поражаетъ ихъ извѣстной возвышенностью языка (какъ поражаютъ ихъ церковныя пѣснопѣнія), которая, можетъ быть и безсознательно, но пріятна имъ.

Эта неспособность преклониться—главный недостатокъ Толстого и она вытекаетъ изъ его несокрушимой гордости, которая, однако, составляетъ всю его силу и высоко поднимаетъ его надъ современниками. Поэтому, пересматривая его жизнь и его творчество, сравнительно съ жизнью и творчествомъ современниковъ, приходишь къ слѣдующему заключенію. Если Толстой, при всемъ своемъ величіи, имѣлъ это ограниченіе—мы можемъ только повторить ходячую фразу о томъ, что нѣтъ генія безъ ограниченія, нѣтъ рубина безъ трещины. Если бы было иначе, если бы съ силой и прямотой воспріятія, съ творческимъ геніемъ Толстого соединились безконечная любовъ и дѣтская простота Достоевскаго—мы бы имѣли въ одномъ человѣкѣ полное выраженіе русской натуры; иначе говоря, мы имѣли бы полнаго человѣка, что невозможно.

Тургеневъ, наоборотъ, переполненъ этой способностью преклоняться и способностью къ справедливой оцѣнкѣ, которыхъ нѣтъ у Толстого, но у него зато нѣтъ его силы и мощи. У Достоевскаго мощь другого рода, чѣмъ у Толстого, но равная ей въ степени, титаническая. Его способность преклоненія, его оцѣнка глубже и шире тѣхъ же качествъ у Тургенева; у него смиреніе человѣка, спустившагося въ самый адъ, стоявшаго лицомъ къ лицу со страданіями и ужасомъ человѣка и съ самыми низкими проявленіями его природы; и онъ не только не потерялъ своей вѣры въ Божество, но нашелъ ей подтвержденіе во всякомъ человѣкѣ, самомъ презрѣнномъ, и во всякомъ положеніи, самомъ безобразномъ; въ пыли и грязи онъ почувствовалъ себя лицомъ къ лицу съ Богомъ. Однако, несмотря на это, Достоевскій вовсе не полное выраженіе русской натуры, онъ тоже не совершенный человѣкъ. Его ограниченія столь же велики, какъ и у Толстого, и никто ихъ не сознавалъ лучше его самого. Здѣсь не мѣсто объ этомъ говорить. Важно для насъ то, что въ русской литературѣ послѣдняго столѣтія,

---

*) Популярное изданіе «Потеряннаго рая» на русскомъ языкѣ, съ грубо раскрашенными картинками, издано Т-мъ Сытина въ Москвѣ.

оставивъ въ сторонѣ поэтовъ, двѣ великія колонны, поддерживающія храмъ этой литературы—Толстой и Достоевскій. Мѣсто Тургенева внутри этого храма; здѣсь у него есть свой алтарь, своя часовня, которыхъ никто не можетъ у него оспаривать, которые окружены безмятежнымъ свѣтомъ и гдѣ слышны звуки несравнимой прелести. Но ни какъ писатель, ни какъ человѣкъ, онъ не можетъ считаться представителемъ даже половины русскаго генія, онъ не дополняетъ собой ни Толстого, ни Достоевскаго. У него были, въ меньшей степени, качества обоихъ; а его индивидуальныя свойства, какъ бы прекрасны они ни были, не относятся къ категоріи тѣхъ, которыя могутъ служить великими выразителями націи или расы.

Гл. V. Мѣсто Тургенева въ русской литературѣ.

Въ предыдущей главѣ я постарался выяснить состояніе барометра общественнаго мнѣнія (мнѣнія большинства образованныхъ людей, а не какого-нибудь опредѣленнаго кружка) по отношенію къ Тургеневу въ современной Россіи.

Это единственное, что я хотѣлъ уяснить. Я не посвятилъ ему отдѣльной главы въ этой книгѣ по причинамъ, о которыхъ говорилъ выше — а именно, что его произведенія извѣстны въ Англіи болѣе, чѣмъ произведенія остальныхъ русскихъ классиковъ, и уже давно существуютъ прекрасные критическіе разборы его сочиненій, написанные г. Джемсомъ и Мельхіоромъ-де-Вогюэ. Въ Англіи среди людей, любящихъ европейскую литературу и изучающихъ ее, существуетъ вполнѣ сложившееся и опредѣленное мнѣніе о Тургеневѣ; поэтому я и ограничился попыткой выяснить, что̀ именно современные мыслящіе русскіе думаютъ о немъ, сравнительно съ другими своими писателями, и указать, какія измѣненія произошли въ оцѣнкѣ его твореній въ Россіи и Европѣ за послѣднія 25 лѣтъ. Мнѣ это казалось достаточнымъ.

Но теперь я увидалъ изъ возраженій, сдѣланныхъ мнѣ по поводу статьи «Толстой и Тургеневъ», послѣ появленія ея въ «Quarterly Review», что я былъ совершенно непонятъ. Многіе подумали, что я не только ставлю Тургенева слишкомъ низко, какъ писателя, но что я стараюсь вызвать въ читателѣ впечатлѣніе, будто вся его слава — лопнувшій мыльный пузырь. Я какъ нельзя болѣе далекъ отъ такихъ намѣреній. Въ этомъ и состоитъ опасность попытки говорить объ иностранномъ писателѣ съ точки зрѣнія его соплеменниковъ, а не съ точки зрѣнія людей вашей собственной націи: васъ сразу перестанутъ понимать. Напримѣръ, если вы скажете, что Мюссе теперь во Франціи не такъ уже любятъ, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, англійскій читатель, который, можетъ-быть, только что открылъ существованіе Мюссе и, вообще, въ первый разъ серьезно подходитъ къ французской литературѣ, немедленно воскликнетъ: «Вотъ человѣкъ, старающійся унизить одного изъ величайшихъ писателей Франціи».

Я же хочу сказать о Тургеневѣ просто слѣдующее: во-первыхъ, хотя онъ есть и будетъ всегда русскимъ классикомъ, онъ больше не пользуется — справедливо или нѣтъ — тѣмъ всеобщимъ поклоненіемъ, какъ раньше; появились новые писатели послѣ него, которые, если и не лучше его, зато прорубили окна въ невѣдомыя до нихъ дали; и не только послѣдующіе писатели оттѣснили его, но и одинъ изъ его современниковъ, Достоевскій, который при жизни пользовался гораздо меньшей славой, чѣмъ онъ, теперь оставилъ его далеко позади себя, благодаря разсѣявшемуся туману политическихъ предразсудковъ и временныхъ и мѣстныхъ полемикъ, споровъ и ссоръ.

Но англійскій читатель въ большинствѣ случаевъ, не пошелъ дальше Тургенева. Онъ рѣдко знаетъ другихъ русскихъ классиковъ, и когда ему говорятъ, что есть писатели, стоящіе выше его,—какъ, напримѣръ, Достоевскій и Толстой—англійскій читатель смотритъ на это, какъ на попытку разбить дорогое ему и священное для него изображеніе; и если онъ преклоняется передъ Тургеневымъ — что всегда будетъ, если онъ вообще любитъ русскую литературу — это его очень сердитъ.

Во-вторыхъ, я хотѣлъ сказать, что благодаря ограниченному знанію русской литературы у большинства культурныхъ англичанъ, они склонны преувеличивать и геній Тургенева, и мѣсто его въ русской литературѣ. Среди образованныхъ англичанъ существуетъ прямо культъ Тургенева. Мнѣ кажется, что положеніе послѣдняго очень сходно, въ этомъ смыслѣ, съ положеніемъ Теннисона.

Г-нъ Госсъ указалъ недавно въ мастерской статьѣ, что произведенія Теннисона, столѣтній юбилей котораго мы только что праздновали, еще не дожили до того момента, когда ихъ внезапно откроетъ вновь значительно болѣе молодое поколѣніе, чѣмъ современное; но они находятся въ томъ періодѣ, когда ими никто не интересуется. Это вѣрно и для Тургенева въ современной Россіи. Всѣ его читали и всѣ будутъ его всегда читать, потому что онъ классикъ и написалъ безсмертныя произведенія; но теперь, въ 1909 году, «Отцы и дѣти» не вызываютъ никакого особеннаго интереса къ себѣ; точно такъ же, какъ теперь никого не волнуютъ «Идиллія Короля» или «In memoriam». Теннисона въ Англіи. Тургеневъ еще не открытъ вновь.

Конечно, есть нѣкоторые критики, которые безстрашно рѣшаются говорить, что слава Тургенева умерла, что, какъ писатель, онъ больше не существуетъ, и намъ, слѣдовательно, нечего о немъ безпокоиться. Я читалъ недавно такого рода уничтожающія сужденія, высказанныя однимъ замѣчательнымъ журналистомъ. Безъ сомнѣнія, есть и русскіе критики, держащіеся того же мнѣнія. Правы они или нѣтъ— споромъ объ этомъ я не стану утруждать ни себя, ни читателей; но

я желаю сдѣлать яснымъ какъ Божій день, что я лично не держусь такого мнѣнія ни по отношенію къ Тургеневу, ни по отношенію къ Теннисону.

Я нахожу, что Теннисонъ написалъ много безсмертныхъ стиховъ, что онъ имѣетъ право на вѣчный алтарь въ храмѣ англійскихъ поэтовъ. Я считаю, что Тургеневъ написалъ очень много безсмертной и невыразимо прекрасной прозы, и что онъ всегда сохранитъ свое мѣсто въ святилищѣ русской литературы. Мнѣ кажется, это ясно. Предположимъ теперь, что русскій критикъ напишетъ изслѣдованіе объ англійской литературѣ и современныхъ англійскихъ вкусахъ, и предположимъ, что онъ скажетъ: «Конечно — и всѣ мы, русскіе, это понимаемъ — есть только одинъ великій поэтъ въ Англіи за послѣднія сто лѣтъ — это Теннисонъ. Онъ единственный великій представитель англійскаго искусства, единственный писатель, выразившій англійскую душу». Мы бы его заподозрили въ томъ, что онъ никогда не читалъ ни Вордсворта, ни Байрона, ни Шелли, ни Кольриджа, ни Броунинга, ни Свинберна. Мнѣ кажется, именно такъ относятся къ Тургеневу въ Англіи. Я хотѣлъ объяснить лишь то, что точка зрѣнія русскаго человѣка по необходимости совершенно другая, и благодаря большей ширинѣ его поля зрѣнія, и благодаря его болѣе близкому общенію со своими національными авторами.

Но, какъ я уже говорилъ, нѣкоторые поняли изъ моей статьи, будто я хочу доказать, что Тургеневъ не классикъ. Поэтому я еще разъ перечислю (рискуя надоѣсть читателю), съ нѣкоторыми дополненіями и варіантами, всѣ тѣ черты, которыя, по-моему, даютъ ему право на вѣчную славу.

Я уже говорилъ, что онъ великій поэтъ; но слова кажутся пустыми и мертвыми, когда вспомнишь объ особенныхъ свойствахъ застѣнчивой и мягкой поэзіи, разлитой въ произведеніяхъ Тургенева. Онъ обладаетъ той магической прелестью, которую вода придаетъ отраженнымъ въ ней деревьямъ, холмамъ и лѣсамъ; прикасаясь къ безобразнымъ сторонамъ жизни, онъ смягчаетъ и преображаетъ ихъ такъ, что онѣ ничего не теряютъ въ своей реальности, но пріобрѣтаютъ таинственность и величіе. Лунный свѣтъ такъ же смягчаетъ и преображаетъ развалившіеся дворцы и потрескавшіеся портики Венеціи, скрывая то, что уродливо, подчеркивая красоту линій и придавая извѣстное очарованіе всякому величественному зданію, стройной колоннѣ или ажурной аркѣ.

Затѣмъ въ его трудахъ звучитъ нотка вдумчивой нѣжности, проникающей въ сердце и наполняющей его неизъяснимо-пріятной грустью. Она напоминаетъ пѣсни, которыя вы услышите темной лѣтней ночью въ русскихъ деревняхъ или на широкомъ просторѣ

какой-нибудь молчаливой большой рѣки—пѣсни, до боли полныя экстазомъ какой-то тоски, пѣсни, стоящія на полпути между плачущей грустью Востока и струящейся жалобой ирландскихъ и шотландскихъ народныхъ пѣсенъ; пѣсни, необыкновенно мелодичныя, но съ непонятнымъ для насъ ритмомъ, постоянно измѣняющимся (хотя эти измѣненія и подчинены опредѣленнымъ законамъ и неизмѣннымъ правиламъ); пѣсни, въ которыхъ звуки, никогда не будучи крикливыми или глухими, всегда чуть-чуть выше или чуть-чуть ниже, чѣмъ ожидаешь, и въ которыхъ нѣкоторыя ноты возвращаются снова и снова съ настойчивымъ призывомъ, съ надрывающимъ сердце повтореніемъ, съ почти невыносимой скорбью, пѣсни, которыя рѣзко и сразу обрываются, такъ что вы чувствуете, что онѣ опять должны начаться и продолжаться безъ конца. Вотъ мой взглядъ на поэтическія свойства Тургенева, насколько они выразились въ «Запискахъ Охотника», въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» и въ другихъ его твореніяхъ. Но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы человѣкъ, незнающій русскаго языка, могъ получить то же впечатлѣніе, такъ какъ поэтиченъ именно языкъ Тургенева—слова, которыя онъ употребляетъ, и способъ, какимъ онъ ихъ связываетъ другъ съ другомъ. Каждое написанное имъ предложеніе—прекрасная музыкальная фраза: прозрачная, ясная и глубокая. И все это непремѣнно пропадаетъ въ переводѣ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ.

Но Тургеневъ не только поэтъ, онъ крупный романистъ, и даже нѣчто большее. Онъ навсегда запечатлѣлъ духъ извѣстной эпохи. Онъ сдѣлалъ для Россіи то, что Троллопъ сдѣлалъ для Англіи: онъ точно отразилъ духъ и настроеніе 50-хъ годовъ. Типы Тургенева и Тролоппа были превзойдены типами другихъ писателей; я не хочу низводить Тургенева до уровня Троллопа, такъ какъ онъ безконечно выше послѣдняго, какъ писатель и, вообще, онъ художникъ высшаго порядка; но въ изображеніи 50-хъ годовъ, мнѣ кажется, ни одинъ англійскій романистъ не превзошелъ Троллопа; и никто, изображая 50-е годы въ Россіи въ извѣстной средѣ,—за исключеніемъ, можетъ быть, Аксакова, стоящаго почти на одномъ уровнѣ съ Тургеневымъ — не превзошелъ того, что далъ послѣдній въ своихъ лучшихъ твореніяхъ: «Отцахъ и Дѣтяхъ», «Дворянскомъ Гнѣздѣ» и «Нови».

Кромѣ того, конечно, Тургеневъ обладалъ даромъ тонкой характеристики и психологическаго анализа, умѣньемъ создавать прелестные женскіе типы, артистической способностью наблюдать явленія жизни и разбираться въ нихъ; все это освѣщается и смягчается основной поэтичностью его художественной натуры и магической силой, съ которой онъ обращается съ русскимъ языкомъ, подобно

вдохновенному дирижеру, который ведетъ оркестръ, составленный изъ прекрасныхъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. Но когда мы станемъ обсуждать вопросъ, кто правдивѣе всѣхъ изобразилъ русскую жизнь въ цѣломъ, кто глубже всѣхъ заглянулъ въ русскую душу и выразилъ наиболѣе полно и вѣрно то, что въ ней есть, я не могу не повторить, что Тургеневъ въ первомъ случаѣ далеко отсталъ отъ Толстого, а во второмъ отъ Достоевскаго. Взятый въ цѣломъ, онъ, на мой взглядъ, далеко превзойденъ не только Толстымъ и Достоевскимъ, но даже и Гоголемъ, который неизмѣримо выше его по воображенію, юмору и правдивости. Я нѣсколько разъ въ этой книгѣ пытался объяснить, почему я такъ думаю, и ничего больше прибавлять не стану. Я только надѣюсь, что теперь вполнѣ выяснилъ свою точку зрѣнія: хотя я и преклоняюсь передъ другими русскими писателями больше, чѣмъ передъ Тургеневымъ, я не разрушитель святынь; хотя я горячо молился передъ другими алтарями, я никогда и въ мысляхъ не имѣлъ отрицать или унижать тотъ лучъ божественнаго свѣта, который горитъ въ произведеніяхъ Тургенева*).

---

*) Самый замѣчательный примѣръ Тургеневскаго культа въ Англіи, на который я недавно натолкнулся, это книга Г. Фрэнка Хэрриса о Шекспирѣ. Онъ утверждаетъ—это его основной тезисъ—что Шекспиръ не сумѣлъ создать мужественнаго характера и не могъ бы изобразить Базарова или Маріанну. Оставляя въ сторонѣ самый тезисъ, прямо не вѣрится, чтобы кому-нибудь типы Шекспира казались бы не мужественными по сравненію съ типами Тургенева. Послѣдній сыгралъ множество варіяцій на тему «Уменьшеннаго Гамлета»; онъ нарисовалъ цѣлую галлерею маленькихъ Гамлетовъ. Базаровъ достигаетъ своей силы путемъ умственнаго нигилизма, но онъ неврастеникъ рядомъ съ Меркуціо; а Базаровъ—единственный сильный типъ Тургенева, и съ этимъ соглашаются самые компетентные критики, напримѣръ, Брюкнеръ и Вогюэ. Тургеневъ такъ же мало могъ создать Фальстафа, какъ, напримѣръ, приняться за пряжу. Гдѣ же у него мужественные характеры? Кто они? Одинъ русскій критикъ сказалъ недавно по поводу Чехова, что все цѣлое русской политики, литературы и искусства за послѣднюю половину девятнадцатаго вѣка, страдало именно тѣмъ, что было такъ много Гамлетовъ и такъ мало Фортинбрасовъ. Я убѣжденъ, что будь Тургеневъ англичаниномъ, или г. Хэррисъ русскимъ, онъ не придерживался бы подобной точки зрѣнія.

Гл. VI. Достоевскій.

При чтеніи книгъ насъ охватываетъ что-то, похожее на волненіе жизни, и это вызывается разными причинами. Мы охвачены этимъ чувствомъ, когда Левинъ работаетъ въ полѣ, когда князь Андрей переходитъ за грань жизни, когда Ричардъ Феверель и Люси Дэсборо встрѣчаются у рѣки, когда Антоній безстрашно снимаетъ шлемъ, когда Кентъ проникается безконечной жалостью къ умирающему Лиру, когда въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» Достоевскаго скромный герой пьетъ до дна свою чашу страданій. Это минуты великой радости для благороднаго сердца.

Р. Л. Стивенсонъ. «Черезъ Пространства».

«Преступленіе и Наказаніе» — величайшая книга, прочтенная мною за послѣднія десять лѣтъ. Есть безсильные люди, которые не могутъ вживаться въ книгу или героя ея, становятся отъ нихъ въ отдаленіи, какъ зрители въ театрѣ маріонетокъ. Для такихъ людей эта книга кажется пустой. Для остальныхъ—это домъ жизни, въ который они сами входятъ, мучаются и очищаются. Еще книга того же автора была переведена недавно— «Униженные и Оскорбленные». Внѣшне она еще болѣе несвязна, чѣмъ «Преступленіе и Наказаніе», но она дышитъ той же безконечной добротой.

Л. Н. Стивенсонъ. «Письма»

---

1. Введеніе.

Осенью 1897 г. я гостилъ на югѣ Россіи, въ имѣніи человѣка, сыгравшаго немаловажную роль въ русской политикѣ. Разъ мы сидѣли вечеромъ за чаемъ; собравшееся общество, человѣкъ тридцать, состояло изъ окрестныхъ помѣщиковъ, сосѣдей и друзей. Присутствовалъ и земскій врачъ, убѣжденный толстовецъ, не только преклонявшійся передъ его литературнымъ геніемъ, но глубоко вѣровавшій въ его религіозное ученіе. Онъ говорилъ довольно долго на эту тему, высказывая, въ восторженныхъ выраженіяхъ, свое преклоненіе передъ Толстымъ, когда сынъ хозяина, мальчикъ семнадцати лѣтъ, еще учившійся, но уже хорошо знакомый съ литературой семи

разныхъ языковъ, писавшій, къ тому же, англійскіе и русскіе стихи, горячо воскликнулъ: «Черезъ пятьдесятъ лѣтъ мы, русскіе, будемъ краснѣть отъ стыда при мысли, что мы такъ неудержимо восторгались Толстымъ, когда у насъ есть такой геній, какъ Достоевскій, у котораго первый недостоинъ развязать ремень обуви его».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я прочиталъ статью о Достоевскомъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ, въ которой авторъ утверждалъ, что Достоевскій—фельетонистъ, сочинитель мелодрамъ, котораго можно приравнять къ Евгенію Сю и къ Ксавье де-Монтеспанъ. Меня поразила разница между русской и англійской точками зрѣнія. Воззрѣніе англійскаго критика, само по себѣ, меня очень удивило; но возможность существованія подобныхъ взглядовъ объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ нѣтъ ни полнаго собранія сочиненій Достоевскаго на англійскомъ языкѣ, ни сколько-нибудь сноснаго перевода послѣднихъ. Только одно изъ его твореній, «Преступленіе и Наказаніе», извѣстно, а остальныя даже трудно найти въ англійскомъ переводѣ.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время слава Достоевскаго въ Россіи растетъ съ каждымъ днемъ, и преклоненіе передъ его геніемъ становится все болѣе всеобщимъ и восторженнымъ. Люди современнаго поколѣнія склонны считать его самымъ великимъ изъ своихъ писателей; и хотя они, по примѣру Мережковскаго, ставятъ его на одинъ уровень съ Толстымъ, въ качествѣ одного изъ двухъ великихъ столбовъ, держащихъ храмъ русской литературы, большинство считаетъ его исключительнымъ явленіемъ; они находятъ, что онъ болѣе поразительное откровеніе и воплощеніе генія, что онъ бо̀льшая духовная сила чѣмъ Толстой или кто бы то ни было изъ другихъ русскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, современные русскіе смотрятъ на него такъ, какъ мы на Шелли. Мы, можетъ быть, не думаемъ, что, какъ поэтъ, Шелли прекраснѣе Китса, Вордсворта, Кольриджа или Байрона; но онъ, безъ сомнѣнія, болѣе исключительное воплощеніе поэтическаго генія. Мы можемъ себѣ представить возможность появленія новаго Китса—одинъ поэтъ, близкій ему и почти равный ему по красотѣ, появился въ лицѣ Теннисона. Мы можемъ представить себѣ появленіе новыхъ писателей, достигающихъ простоты и близости къ природѣ Вордсворта,—но Шелли до сихъ поръ остался безъ родственныхъ ему геніевъ, безъ товарищей и равныхъ во всей исторіи міровой литературы. Мы не можемъ вообразить его деревомъ, растущимъ среди другихъ и отличающимся отъ нихъ лишь бо̀льшей высотой и красотой, тогда какъ подъ такое представленіе подходятъ даже Шекспиръ, Данте и Гете, которые лишь въ высшей степени обладали свойствами, присущими и другимъ поэтамъ, кото-

рые исполнили и закончили то, къ чему и остальные стремились, но могли исполнить только отчасти. Но Шелли самыми свойствами своими отличается отъ остальныхъ поэтовъ; онъ стремится къ тому, что лежитъ внѣ предѣловъ ихъ способностей и стремленій, и достигаетъ этого. Кажется, что онъ даже не человѣкъ, а воплощеніе какой-то стихійной силы.

То же можно сказать о Достоевскомъ, и вотъ почему его почитатели любятъ его такъ страстно и такъ безгранично. Не нужно думать, что они не видятъ его недостатковъ, не чувствуютъ, чего ему не хватаетъ и что его ограничиваетъ; но его положительныя качества кажутся имъ чѣмъ-то до такой степени несравнимымъ, драгоцѣннымъ, рѣдкимъ и потрясающимъ, что самая возможность критиковать какія-нибудь частности исчезаетъ. Примѣръ Шелли можетъ намъ снова помочь. Только педантъ, читая такія геніальныя созданія какъ «Туча», «Къ Западному Вѣтру», «Нѣжное Растеніе», или страницы огненной фантазіи и страданія, «дышащія мыслями и горящія словами», — какъ его «Адонаи»,-станетъ разсматривать ихъ черезъ увеличительное стекло и жаловаться на недостатки стиля и грамматическія ошибки, которыя могутъ въ нихъ встрѣтиться. Въ этихъ поэмахъ можетъ быть множество ошибокъ такого рода, но онѣ совершенно незамѣтны рядомъ съ видѣніемъ сверхчувственнаго, которое далъ намъ поэтъ, рядомъ съ его музыкой, граничащей по силѣ и величію съ чудомъ.

О Достоевскомъ можно сказать то же самое, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ. У него есть свойство, совершенно отличающее его отъ всѣхъ другихъ писателей—ему дано подойти ближе всѣхъ къ невѣдомому, къ тому, что лежитъ внѣ предѣловъ земного; въ этомъ, можетъ быть, заключается секретъ его поразительной силы. Кромѣ того, у него есть нѣкоторыя выдающіяся качества, свойственныя также и другимъ писателямъ, особенно русскимъ; но Достоевскій обладаетъ ими въ такой высокой степени, что остальные писатели, рядомъ съ нимъ, становятся совершенно незамѣтными. Соединеніе этой разницы въ качествѣ свойствъ и въ ихъ степени производитъ нѣчто настолько сильное и поразительное, что неудивительно, когда многіе критики считаютъ Достоевскаго не только величайшимъ русскимъ писателемъ, но однимъ изъ самыхъ великихъ, какіе когда-либо существовали на землѣ. Я не преувеличиваю, говоря о существованіи такого взгляда; такъ, напримѣръ, проф. Брюкнеръ, очень безпристрастный и спокойный критикъ, въ своемъ ученомъ и широко-задуманномъ изслѣдованіи о русской литературѣ, говоритъ, что не въ Фаустѣ, а въ «Преступленіи и Наказаніи» охватываетъ насъ все страданіе человѣчества.

Даже если учесть энтузіазмъ почитателей Достоевскаго, можно съ увѣренностью утверждать, что въ настоящее время почти всякій

русскій, интересующійся литературой, поставитъ его рядомъ съ Толстымъ и неизмѣримо выше Тургенева; въ самомъ дѣлѣ, ни одному русскому критику въ голову не придетъ сравнивать его съ Тургеневымъ, какъ не придетъ въ голову англичанину сравнивать Шарлотту Юнгъ съ Шарлоттой Бронтэ.

Слава Достоевскаго пришла поздно, хотя его первая повѣсть, «Бѣдные Люди», произвела сильное впечатлѣніе, а появленіе «Преступленія и Наказанія» обезпечило ему извѣстность. Но говоря «слава», я подразумѣваю всеобщее признаніе его генія самыми лучшими и компетентными судьями. Теперь это признаніе—совершившійся фактъ въ Россіи, а также въ Германіи. Нельзя сказать того же про Францію, хотя большинство его твореній хорошо переведены на французскій языкъ, и одинъ критикъ, Мельхіоръ де-Вогюэ, далъ о нихъ восторженные отзывы и тонкую оцѣнку въ своей книгѣ «Le Roman russe». Въ Англіи Достоевскій почти неизвѣстенъ, такъ какъ не только переводы его твореній плохи, но ихъ мало и достать ихъ трудно, такъ что можно столкнуться съ самыми удивительными сужденіями о нихъ, высказанными критиками, которые по другимъ вопросамъ проявляютъ много тонкости и чутья. Причина этого поздняго признанія Достоевскаго въ его родной странѣ лежитъ въ томъ, что онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ врожденная любовь къ правдѣ и ненависть къ притворству мѣшаетъ примкнуть къ какой-либо опредѣленной политической партіи и принять всѣ ея ученія безъ разбора, даже когда нѣкоторые изъ нихъ безсмысленны или несправедливы. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто правду и любовь ставятъ выше всякой политической теоріи, и могутъ бороться за таковую только въ томъ случаѣ, когда послѣдователи ея ни въ теоріи, ни на практикѣ, отъ нея не отступаютъ. Онъ находился между двухъ огней: правительство считало его революціонеромъ, а революціонеры—ретроградомъ,—такъ какъ онъ отказывался слѣпо вѣрить въ совершенство правительства, каковымъ оно было въ то время, и точно такъ же не могъ быть слѣпымъ къ недостаткамъ его враговъ. Поэтому онъ нападалъ не только на первое, но и на послѣднихъ; а когда онъ нападалъ, онъ металъ громы и молніи. Либералы никогда не могли простить ему этого. Достоевскій былъ несправедливо приговоренъ къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ за политическое преступленіе, за участіе въ революціонной пропагандѣ. Онъ вернулся съ каторги славянофиломъ и—я не скажу ретроградомъ, такъ какъ это слово можетъ вызвать недоразумѣнія—а человѣкомъ, не только глубоко убѣжденнымъ въ суетности революціи, но и въ недостойности большинства революціонеровъ. И этого либералы не могли простить; они только постепенно приходятъ къ этому. Болѣе того, въ одномъ изъ

своихъ романовъ, «Бѣсы», Достоевскій рисуетъ самую уничтожающую картину всей пѣны и мути революціоннаго движенія. Онъ выводитъ въ ней не только приспѣшниковъ и паразитовъ всякаго подобнаго движенія, но онъ показываетъ внутреннюю негодность нѣкоторыхъ такихъ людей, которые, благодаря своей выдающейся индивидуальности, играли роль вожаковъ и были популярными героями. Эту повѣсть либералы еще менѣе могли простить, и до сихъ поръ лишь немногіе изъ нихъ справедливо ее оцѣниваютъ. Къ тому же, Достоевскій, какъ я укажу впослѣдствіи, по природѣ своей былъ врагомъ соціализма и ненавидѣлъ матеріализмъ; а такъ какъ большинство передовыхъ людей его времени были сторонниками либо одного, либо другого, если не обоихъ вмѣстѣ, онъ возбудилъ противъ себя вражду всего лагеря, нападая не только на паразитовъ, но и на лидеровъ, на людей съ высокими принципами, какъ, напримѣръ, на Бѣлинскаго, который былъ несомнѣнно искреннимъ, достойнымъ вниманія и уваженія, человѣкомъ. Можно представить себѣ подобное положеніе въ Англіи, если бы въ настоящее время у насъ было автократическое правительство, отсталое и невѣжественное крестьянство, и либеральное движеніе, проводимое въ жизнь меньшинствомъ интеллигентныхъ людей, подъ предводительствомъ, напримѣръ, г. Бернарда Шоу, г. Джона Томсона, лорда Морлея и проф. Раллея. Я нарочно беру людей разныхъ мнѣній, такъ какъ въ странѣ, гдѣ идетъ борьба за опредѣленную цѣль, наступаетъ моментъ, когда люди, при другомъ режимѣ раздробленные на либераловъ и консерваторовъ, по необходимости сплачиваются въ одинъ большой либеральный лагерь. Вообразимъ теперь, что люди, ведущіе эту борьбу, приносили бы тяжелыя жертвы; предположимъ далѣе, что они соціалисты и матеріалисты отъ головы до ногъ. Затѣмъ предположимъ, что появился бы очень талантливый писатель, какъ напр., Джорджъ Мередитъ или Томасъ Гарди, котораго по ошибкѣ сослали бы въ Botany Bay *), подозрѣвая его въ участіи въ революціонной пропагандѣ. Положимъ, что по возвращеніи своемъ оттуда, онъ вдругъ заявилъ бы, что онъ анти-революціонеръ, рѣзко напалъ бы на г. Шоу, написалъ бы книгу, гдѣ нарисовалъ бы его карикатуру и далъ бы портреты всѣхъ его послѣдователей, особенно наименѣе умныхъ изъ нихъ. Можно себѣ представить, какъ такой авторъ былъ бы непопуляренъ въ либеральныхъ кругахъ. Таково было положеніе Достоевскаго въ Россіи.

Но по справедливости можно сказать, что теперь его геній получилъ полное признаніе, даже среди либераловъ, хотя они до сихъ поръ не выносятъ его «Бѣсовъ». Но принявъ во вниманіе колоссаль-

---

*) Мѣсто ссылки англійскихъ преступниковъ.

ность его генія, это признаніе приходится считать запоздалымъ. Напримѣръ, даже въ такой цѣнной книгѣ, какъ «Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ» кн. Крапоткина, Достоевскій подвергается незаслуженному отношенію и несправедливой оцѣнкѣ. Зато, съ другой стороны, Мережковскій, который тоже либералъ, въ своей книгѣ «Толстой и Достоевскій», въ блестящихъ выраженіяхъ высказываетъ свое преклоненіе передъ послѣднимъ и проявляетъ глубоко-вѣрное пониманіе его.

2. Жизнь Достоевскаго.

Ѳ. М. Достоевскій былъ сыномъ штабъ-лѣкаря М. А. Достоевскаго, а мать его была купеческаго званія. Онъ родился въ Маріинской больницѣ въ Москвѣ, въ 1821 году. Онъ былъ, какъ онъ самъ выражается, «членомъ случайнаго семейства». Его отецъ, съ пятью дѣтьми, жилъ на квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ и кухни. Дѣтская двухъ братьевъ, Михаила и Ѳеодора, находилась въ небольшой части прихожей, которую имъ отдѣлили. Его семья принадлежала къ низшимъ слоямъ дворянства, той общественной сферѣ, которая поставляла бюрократіи ея болѣе мелкихъ чиновниковъ. Бѣдность, окружавшая первые годы его жизни, продолжалась до самой смерти.

Нѣкоторые люди, по отношенію къ деньгамъ, являются какимъ-то отрицательнымъ полюсомъ; деньги какъ будто бѣгутъ отъ нихъ, или, вѣрнѣе, когда онѣ къ нимъ приходятъ, не находятъ, къ чему имъ пристать. Достоевскій принадлежалъ къ этому типу людей; онъ никогда не зналъ, сколько у него денегъ, а когда онѣ у него были, хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ, онъ ихъ раздавалъ. Онъ былъ тѣмъ, что французы называютъ «panier percé», деньги проходили сквозь него, какъ сквозь рѣшето. И сколько бы ихъ у него ни было, пользовались ими не онъ, а его друзья.

Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Москвѣ, въ небольшомъ училищѣ, гдѣ учитель русскаго языка внушилъ ему и его брату любовь къ литературѣ, къ поэзіи Пушкина и другихъ писателей, познакомилъ его также съ сочиненіями Вальтеръ Скотта и повелъ его разъ въ театръ на представленіе «Разбойниковъ» Шиллера. Когда его первоначальное образованіе было закончено, его съ братомъ отдали въ училище военныхъ инженеровъ въ Петербургѣ. Здѣсь его интересъ къ литературѣ, впервые возникшій съ чтеніемъ Вальтеръ Скотта, развился дальше, благодаря его знакомству съ произведеніями Бальзака, Жоржъ Зандъ и Гомера.

Достоевскій развилъ въ себѣ страстную любовь къ литературѣ

и поэзіи. Его любимымъ писателемъ былъ Гоголь. Онъ кончилъ училище въ 1843 г., двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, въ чинѣ прапорщика.

Первый успѣхъ въ литературѣ заслужила ему повѣсть «Бѣдные Люди», изданная въ 1846 г., которую онъ, можетъ быть, началъ еще въ училищѣ. Онъ послалъ ее въ журналъ и ждалъ отвѣта, совершенно не надѣясь на ея принятіе. Однажды, въ четыре часа утра, когда Достоевскій уже совсѣмъ отчаялся и думалъ о самоубійствѣ, поэтъ Некрасовъ и критикъ Григорьевъ пришли къ нему и сказали: «Да понимаете ли Вы сами, что Вы написали? Чтобы написать такую книгу, у Васъ должно было быть вдохновеніе истиннаго художника».

Это была, по словамъ Достоевскаго, счастливѣйшая минута его жизни. Повѣсть была напечатана въ журналѣ Некрасова и со всѣхъ сторонъ получала восторженныя похвалы, такъ что Достоевскій сразу составилъ себѣ имя. Но судьба какъ бы не хотѣла терять времени, чтобы доказать ему, что вся его жизнь будетъ безконечной борьбой: его вторая повѣсть «Двойникъ» была неудачна. Его друзья отвернулись отъ него, думая, что они ошиблись. Съ этихъ поръ его литературная карьера была непрерывной борьбой не только съ бѣдностью, но и съ общественнымъ мнѣніемъ, съ политической и литературной критикой.

Достоевскій всю жизнь страдалъ эпилепсіей. Нѣкоторые говорили, что его болѣзнь произошла вслѣдствіе его тюремнаго заключенія, но это невѣрно; она началась въ его дѣтствѣ, и одинъ изъ его біографовъ намекаетъ на причины ея возникновенія. «Болѣзнь его можно прослѣдить въ самомъ раннемъ дѣтствѣ», пишетъ онъ, «и она связана съ трагическимъ событіемъ въ его семейной жизни». Эти слова даютъ намъ мрачное представленіе о раннихъ годахъ Достоевскаго, такъ какъ дѣйствительно трагичнымъ долженъ былъ быть фактъ, заставившій его всю жизнь страдать припадками падучей.

Въ 1849 г. произошло самое важное событіе въ его жизни.

Съ 1840 г. по 1847 г. существовала въ Петербургѣ группа молодежи, собиравшаяся для чтенія и обсужденія либеральныхъ писателей, какъ Фурье, Луи Бланъ и Прюдонъ. Въ 1847 году эта группа расширилась, вобрала въ себя многихъ лицъ и образовалось общество, во главѣ котораго сталъ Петрашевскій, бывшій студентъ и составитель словаря иностранныхъ терминовъ. Общество состояло, съ одной стороны, изъ нѣкоторыхъ послѣдователей декабристовъ 1825 г., имѣвшихъ цѣлью освобожденіе крестьянъ и установленіе либеральной конституціи, съ другой стороны въ немъ были и предшественники позднѣйшихъ нигилистовъ, мечтавшихъ о соціальной революціи. Спеціальная роль Достоевскаго въ этомъ обществѣ заключалась въ проповѣди славянофильскихъ теорій, согласно которымъ Россія,

съ соціологической точки зрѣнія, не нуждается въ иностранныхъ образцахъ, такъ какъ въ своей общинѣ и системѣ круговой поруки при уплатѣ государственныхъ податей она уже имѣла залогъ проведенія въ жизнь, въ будущемъ, болѣе совершеннаго соціальнаго устройства.

Собранія этого кружка начались вскорѣ послѣ революціоннаго движенія 1848 г., потрясшаго всю Европу. Императоръ Николай I, человѣкъ съ твердыми убѣжденіями и справедливый, хотя и жестокій, проникнутый идеей, что Богъ его назначилъ для спасенія распадающагося міра, самъ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ, а роковымъ недоразумѣніемъ былъ приведенъ къ тому, что ударилъ по людямъ, чья единственная вина заключалась въ признаніи его же собственныхъ идеаловъ и цѣлей. Разъ, вечеромъ, Достоевскій декламировалъ оду Пушкина на уничтоженіе крѣпостного права; когда кто-то изъ присутствующихъ выразилъ сомнѣніе по поводу возможности этого безъ насильственныхъ мѣръ, Достоевскій будто бы отвѣтилъ: «Такъ хотя бы черезъ возстаніе»*). 23-го апрѣля 1849 г., въ четыре часа утра, 34 подозрѣваемыхъ правительствомъ члена общества были арестованы; братья Достоевскіе находились въ ихъ числѣ. Они были заключены въ крѣпость, гдѣ провели восемь мѣсяцевъ. 22-го декабря Достоевскій и 21 изъ остальныхъ заключенныхъ были отведены на Семеновскій плацъ, гдѣ стоялъ эшафотъ. Остальные заключенные были освобождены. Пока они занимали свои мѣста, Достоевскій успѣлъ разсказать замыселъ повѣсти, которую онъ собирался написать, князю Момбелли, одному изъ своихъ товарищей по заключенію, который и разсказалъ этотъ инцидентъ впослѣдствіи. Въ этотъ день былъ двадцать одинъ градусъ мороза; приговоренные были раздѣты до рубашекъ и выслушали свой приговоръ; чтеніе продолжалось долго, двадцать минутъ, и приговорили ихъ къ разстрѣлянію. Достоевскій не хотѣлъ вѣрить, что это правда. Онъ сказалъ одному изъ товарищей: «Не можетъ быть, чтобы насъ казнили»? Другъ, которому онъ задалъ вопросъ, молча показалъ ему телѣги, нагруженныя предметами, которые, подъ покрывавшимъ ихъ брезентомъ, были похожи на гроба. Аудиторъ сошелъ съ эшафота, священникъ взошелъ на него, съ крестомъ въ рукахъ, и предложилъ приговореннымъ въ послѣдній разъ исповѣдаться. Только одинъ изъ нихъ, изъ мѣщанскаго сословія, сдѣлалъ это: остальные удовольствовались тѣмъ, что поцѣловали крестъ. Достоевскій такъ разсказываетъ конецъ этой сцены въ письмѣ къ брату:

---

*) Зато въ другой разъ, когда высказывали то же сомнѣніе, Достоевскій рѣзко выразилъ, что ни въ какой другой путь, кромѣ легальнаго, онъ не вѣритъ.

«Намъ дали приложиться къ кресту, переломили надъ головою шпаги и устроили намъ предсмертный туалетъ (бѣлыя рубахи); затѣмъ трехъ поставили къ столбу для исполненія казни. Я стоялъ шестымъ, вызывали по трое, слѣдовательно, я былъ во второй очереди, и жить мнѣ оставалось не болѣе минуты. Я вспомнилъ тебя, братъ мой, всѣхъ твоихъ; я успѣлъ тоже обнять Плещеева и Дурова, которые были возлѣ, и проститься съ ними».

Офицеръ уже скомандовалъ своимъ солдатамъ зарядить, и солдаты уже готовились къ прицѣлу, когда передъ ними махнули бѣлымъ платкомъ. Они опустили свои ружья, и Достоевскій и остальные узнали, что государь кассировалъ приговоръ военнаго суда и замѣнилъ смертную казнь четырьмя годами каторги.

Телѣги были на самомъ дѣлѣ нагружены арестантскими одеждами, которыя они должны были тутъ же надѣть, послѣ чего ихъ немедленно отправили въ Сибирь. Когда заключенные были отвязаны отъ столбовъ, одинъ изъ нихъ—Григорьевъ—потерялъ разсудокъ. Достоевскій, съ другой стороны, утверждалъ впослѣдствіи, что этотъ эпизодъ былъ для него спасеніемъ; никогда, ни по поводу этого факта, ни по поводу своего дальнѣйшаго заключенія, онъ ничего, кромѣ благодарности, не высказывалъ. «Я сошелъ бы съ ума, если бы не катастрофа, которая переломила мою жизнь», говорилъ онъ, намекая на приговоръ, на помилованіе и на послѣдующее заключеніе. Минуты, проведенныя имъ въ ожиданіи немедленной смерти, наложили неизгладимый отпечатокъ на всю его дальнѣйшую жизнь. Онѣ опредѣлили его уголъ зрѣнія на все; онъ зналъ нѣчто, чего не знаетъ никто, не прошедшій черезъ эти минуты. Онъ постоянно вспоминаетъ объ этомъ событіи въ своихъ повѣстяхъ, и такъ его описываетъ въ «Идіотѣ», устами главнаго дѣйствующаго лица:

«Я вамъ лучше разскажу про другую мою встрѣчу прошлаго года съ однимъ человѣкомъ. Тутъ одно обстоятельство странное было — странное тѣмъ собственно, что случай такой очень рѣдко бываетъ. Этотъ человѣкъ былъ разъ взведенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочитанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, за политическое преступленіе. Минутъ черезъ двадцать прочтено было и помилованіе и назначена другая степень наказанія; но, однако же, въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ, или по крайней мѣрѣ четверть часа, онъ прожилъ подъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ умретъ. Мнѣ ужасно хотѣлось слушать, когда онъ иногда припоминалъ свои тогдашнія впечатлѣнія, и я нѣсколько разъ начиналъ его вновь разспрашивать. Онъ помнилъ все съ необыкновенной ясностью и говорилъ, что никогда ничего изъ этихъ минутъ не забу-

детъ. Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ. Троихъ первыхъ повели къ столбамъ, привязали, надѣли на нихъ смертный костюмъ (бѣлые, длинные балахоны), а на глаза надвинули имъ бѣлые колпаки, чтобы не видно было ружей; затѣмъ противъ каждаго столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Мой знакомый стоялъ восьмымъ по очереди, стало быть, ему приходилось итти къ столбу въ третью очередь. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выходило, что остается жить минутъ пять, не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ; ему казалось, что въ эти пять минутъ онъ проживетъ столько жизней, что еще сейчасъ нечего и думать о послѣднемъ мгновеніи, такъ что онъ еще распоряженія разныя сдѣлалъ: расчиталъ время, чтобы проститься съ товарищами, на это положилъ минуты двѣ, потомъ двѣ минуты еще положилъ, чтобы подумать въ послѣдній разъ про себя, а потомъ, чтобы въ послѣдній разъ кругомъ поглядѣть. Онъ очень хорошо помнилъ, что сдѣлалъ именно эти три распоряженія и именно такъ расчиталъ. Онъ умиралъ двадцати семи лѣтъ, здоровый и сильный; прощаясь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно посторонній вопросъ и даже очень заинтересовался отвѣтомъ. Потомъ, когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ, чтобы *думать про себя:* онъ зналъ заранѣе, о чемъ онъ будетъ думать: ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ же это такъ: онъ теперь есть и живетъ, а черезъ три минуты будетъ уже *нѣчто*, кто-то или что-то—такъ кто же? Гдѣ же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить. Не вдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченной крышей сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе; оторваться не могъ отъ лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ черезъ три минуты какъ-нибудь сольется съ ними... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого новаго, которое будетъ и сейчасъ наступитъ, были ужасны; но онъ говоритъ, что ничего не было для него въ эту минуту тяжеле, какъ безпрерывная мысль: «Что если бы не умирать? Что если бы воротить жизнь—какая безконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту въ цѣлый вѣкъ обратилъ, ничего бы не потерялъ, каждую бы минуту счетомъ отсчитывалъ, ужъ ничего бы даромъ не истратилъ!» Онъ говорилъ, что эта мысль у него, наконецъ, въ такую злобу переродилась, что ему ужъ хотѣлось, чтобы его поскорѣй застрѣлили».

Достоевскій былъ приговоренъ къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ въ одномъ сибирскомъ острогѣ, и это испытаніе было безусловно величайшей милостью, дарованной ему Провидѣніемъ. Когда онъ отправлялся къ мѣсту заключенія, онъ сказалъ А. Милюкову, при прощаньи: «И въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ быть еще и лучше меня; можетъ и достойнѣе. А выйду изъ каторги—писать начну. Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, въ себѣ много пережилъ; а тамъ, впереди-то что увижу и переживу... будетъ о чемъ писать». За время, проведенное имъ въ острогѣ, Достоевскій, дѣйствительно, нашелъ самого себя. Раздѣлять тяжелую работу арестантовъ, ломать старыя лодки, носить кирпичи, разметать снѣгъ—все это укрѣпило его физически и успокоило его нервы, тогда какъ соприкосновеніе съ убійцами и преступниками всѣхъ родовъ, въ самую душу которыхъ онъ сумѣлъ заглянуть, дало ему неоцѣнимую возможность развить тѣ свойства, которыя были его исключительнымъ достояніемъ, какъ писателя и какъ человѣка.

Съ преступниками онъ чувствовалъ себя не на положеніи учителя, а ученика; онъ учился у нихъ, и за время своей жизни съ ними онъ сталъ физически сильнѣе, онъ обрѣлъ вѣру, увѣренность въ своихъ силахъ и душевный покой.

По истеченіи четырехъ лѣтъ онъ былъ освобожденъ (1835 г.) и вернулся къ обыкновенной жизни, оздоровленный тѣломъ и болѣе уравновѣшенный духомъ. Ему еще оставалось прослужить три года солдатомъ въ одномъ полку, и послѣ этого еще три года провести въ Сибири. Въ 1859 г. онъ переѣхалъ сибирскую границу и вернулся въ Россію, гдѣ ему было разрѣшено жить сперва въ Твери, а затѣмъ и въ Петербургѣ. Онъ привезъ съ собой жену, вдову одного изъ своихъ товарищей-петрашевцевъ, которую онъ полюбилъ и на которой женился въ Сибири. До 1865 г. онъ занимался журналистикой.

Натурѣ Достоевскаго былъ противенъ соціализмъ, и онъ не выносилъ нравственнаго матеріализма своихъ современниковъ — соціалистовъ. Петрашевскій отталкивалъ его своимъ атеизмомъ и глумленіемъ надъ всякой вѣрой; а отношеніе Бѣлинскаго къ религіи, полное ѣдкаго презрѣнія, разбудило въ немъ цѣлую бурю ненависти, которая поднималась въ Достоевскомъ всякій разъ, какъ онъ думалъ о Бѣлинскомъ. Итакъ, Достоевскій былъ на вершокъ отъ смерти и сталъ мученикомъ за революціонное движеніе—движеніе, въ которомъ онъ никогда не принималъ участія, и въ которое во всю свою жизнь никогда не вѣрилъ.

Достоевскій вернулся съ каторги какъ разъ во время освобожденія крестьянъ; испытанія, ожидавшія его по возвращеніи, были тяжелѣе, чѣмъ пережитыя имъ на каторгѣ. Въ январѣ 1861 г.

онъ началъ издавать журналъ «Время». Предпріятіе оказалось успѣшнымъ; но какъ разъ, когда онъ думалъ, что судьба начинаетъ ему улыбаться и что онъ скоро избавится отъ нужды, журналъ, по непонятному недоразумѣнію, былъ запрещенъ цензурой, за статью о польскихъ дѣлахъ. Этотъ ударъ, подобно тому, какъ раньше его смертный приговоръ, былъ слѣдствіемъ какой-то непонятной административной ошибки. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ усилій, Достоевскій сталъ издавать другой журналъ—«Эпоху». Этотъ журналъ возбудилъ негодованіе уже не правительства, а либераловъ; вотъ тутъ стало очевиднымъ его положеніе—положеніе человѣка между двухъ огней. Либералы оскорбляли его всяческими способами и дошли даже до инсинуаціи, что «Эпоха» и ея редакція были правительственными шпіонами; они заявили, что Достоевскій—плохой фельетонистъ, находящійся въ сношеніяхъ съ полиціей. Въ это же время братъ его Михаилъ, лучшій другъ его Григорьевъ, бывшій главной опорой его журнала, и его жена—умерли одинъ за другимъ. Достоевскій остался совершенно одинокимъ; онъ чувствовалъ, что его жизнь надломлена и ему не для чего жить. Семья его брата осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Онъ старался поддержать ее, продолжая издавать «Эпоху» и работая дни и ночи, будучи единственнымъ редакторомъ. Онъ пишетъ: «я читалъ всѣ корректуры, поправлялъ статьи, доставалъ деньги, возился съ авторами и цензурой, просиживалъ до шести и спалъ по пять часовъ въ сутки». Но и этотъ второй журналъ кончился крахомъ, въ 1865 г., и ему пришлось объявить временное банкротство. Онъ задолжалъ не только подписчикамъ журнала, но еще, кромѣ того, былъ долженъ 14000 по векселямъ, и 5000 р. на честное слово. Онъ пишетъ одному изъ своихъ друзей въ это время: «охотно пошелъ бы опять въ каторгу на столько же лѣтъ, чтобы только уплатить долги и чувствовать себя опять свободнымъ».

Издатель и книготорговецъ Стелловскій, извѣстный негодяй, грозилъ посадить его въ тюрьму за долги; ему оставался выборъ между долговымъ отдѣленіемъ и бѣгствомъ. Онъ избралъ послѣднее и бѣжалъ за границу, гдѣ провелъ четыре года въ неописуемой бѣдности, дойдя до послѣднихъ предѣловъ нужды.

Его «Преступленіе и Наказаніе» было издано въ 1866 г., и эта книга принесла ему славу и популярность. Однако, несмотря на это, ему пришлось одинъ разъ, въ 1869 г., заложить свое пальто и свою послѣднюю рубашку, такъ какъ ему негдѣ было достать два талера.

За все это время продолжались его припадки падучей. Онъ постоянно имѣлъ всякія затрудненія со своими издателями, и былъ

связанъ и опутанъ разными контрактами. Онъ пишетъ въ эту эпоху: «А между тѣмъ, все мнѣ кажется, что я только что собираюсь жить. Смѣшно, неправда ли? Кошачья живучесть!» Еще по другому поводу онъ говоритъ о своей упорной и неразрушимой живучести. То же самое онъ высказываетъ устами одного изъ своихъ героевъ, Димитрія Карамазова:

«Я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь. Въ тысячѣ мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь, но есмь. Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, это уже вся жизнь».

Въ эти самые четыре года, обремененный домашними несчастьями, измученный кредиторами, подвергаясь нападкамъ, съ одной стороны правительства, съ другой либераловъ, непонятый своими читателями, бѣдный, почти умирающій съ голода и всегда больной, онъ создалъ три своихъ великихъ произведенія: «Преступленіе и Наказаніе» въ 1866 г., «Идіота» въ 1868 г. и «Бѣсовъ» въ 1871—1872 гг.; въ то же время онъ уже задумывалъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Онъ вторично женился въ 1867 г. Въ Россію онъ вернулся въ іюлѣ 1871 г.; его второе изгнаніе окончилось.

Его популярность возросла, и успѣхъ его книгъ позволилъ ему раздѣлаться съ долгами. Онъ еще разъ сталъ журналистомъ, и въ 1873 г. сдѣлался редакторомъ газеты кн. Мещерскаго—«Гражданинъ». Въ 1867 г. онъ основалъ ежемѣсячный журналъ—«Дневникъ Писателя», который иногда выходилъ разъ въ мѣсяцъ, иногда рѣже. Появленіе послѣдняго номера совпало съ его смертью. Этотъ журналъ былъ своего рода энциклопедіей, въ которой онъ излагалъ всѣ свои соціальныя, политическія и литературныя теоріи, разсказывалъ разныя случайныя событія, воспоминанія и происшествія своей собственной жизни, и обсуждалъ политическіе и литературные вопросы современной ему жизни. Онъ не переставалъ въ этомъ журналѣ бороться со своими врагами; въ это же время онъ началъ свой послѣдній романъ, «Братьевъ Карамазовыхъ», который никогда не былъ конченъ. Во всѣхъ своихъ статьяхъ онъ излагалъ свои славянофильскія вѣрованія, и по одному поводу ему удалось заставить всю Россію выслушать его; вся Россія рукоплескала ему, какъ одинъ человѣкъ. Это было 8-го іюня 1880 г., когда онъ произнесъ въ Москвѣ рѣчь въ память Пушкина, и возбудилъ до послѣдняго предѣла энтузіазмъ даже тѣхъ, чьи политическіе идеалы были совершенно противоположны его собственнымъ. Онъ заставилъ всѣхъ забыть, славянофилы они или западники, и помнить лишь одно, что они всѣ русскіе.

Во второй половинѣ 1880 г., когда онъ работалъ надъ «Братьями

Карамазовыми», Страховъ разсказываетъ о немъ слѣдующее: «Онъ былъ очень худъ и изможденъ; казалось, онъ сталъ какимъ-то хрупкимъ, и первый ударъ разбилъ бы его. Его умственная дѣятельность была неутомима, хотя работать ему становилось трудно. Въ началѣ 1881 г., онъ заболѣлъ сильнымъ припадкомъ энфиземы, вслѣдствіе катара дыхательныхъ путей. 28-го января у него началось кровотеченіе горломъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. Во всю свою жизнь онъ имѣлъ привычку, въ рѣшительныя минуты, раскрывать наудачу то самое Евангеліе, которое было съ нимъ на каторгѣ, и читать верхнія строки открывающейся страницы. Такъ поступилъ онъ и тутъ, и далъ прочесть женѣ; это было Матѳея гл. III, ст. 11: «Іоаннъ же удерживалъ Его и говорилъ: мнѣ надо креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ»? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: «Не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду».

Когда его жена прочла это, Достоевскій сказалъ: «ты слышишь, не удерживай—значитъ я скоро умру». Черезъ нѣсколько часовъ онъ дѣйствительно умеръ, мгновенно, отъ разрыва легочной артеріи.

Это произошло 28-го января 1881 г.; 30-го онъ былъ похороненъ въ Петербургѣ. Его смерть и похороны полны какого-то мистическаго величія; и эти похороны служатъ самой поразительной иллюстраціей къ тому чувству, которое испытывала къ нему русская публика какъ къ писателю и какъ къ человѣку. На слѣдующій день послѣ его смерти, Петербургъ былъ свидѣтелемъ необычайнаго зрѣлища: маленькій домъ, въ которомъ жилъ Достоевскій, сразу сдѣлался духовнымъ центромъ Россіи. Россія поняла, что со смертью этого мятущагося и больного писателя, она потеряла что-то, не имѣющее цѣны, рѣдкое и незамѣнимое. Сразу, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, его останкамъ воздали самыя величественныя и торжественныя погребальныя почести; и эти похороны не только были величайшими и самыми вдохновенными, которыя когда-либо имѣли мѣсто въ Россіи, но болѣе прекрасныхъ не было во всемъ мірѣ. Другіе великіе писатели и великіе люди были погребены съ бо́льшей пышностью, бо́льшимъ великолѣпіемъ; но ни разу еще, когда за такимъ человѣкомъ, на его послѣднемъ пути, шла оплакивающая его толпа, дань ея скорби не была болѣе прочувствована. Какъ ни поразительны были выраженія этой скорби и качественно и количественно, они казались лишь слабымъ отраженіемъ того горя и той любви, о которыхъ они свидѣтельствовали. Здѣсь были депутаціи съ безчисленными вѣнками, были многочисленные хоры, пѣвшіе церковныя пѣсни, были тысячи людей, шедшихъ по улицамъ Петербурга, были мужчины и женщины всѣхъ классовъ общества,

преимущественно бѣдноты, нищенски одѣтые, изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества. Мечта Достоевскаго, что когда-нибудь вся Россія соединится въ союзѣ братства и братской любви, казалась осуществленной, когда эта толпа людей, составленная изъ столь разнородныхъ и противоположныхъ другъ другу элементовъ, соединилась въ общей скорби у его могилы. Достоевскій прожилъ жизнь бѣдняка, человѣка, принужденнаго всегда бороться, всѣми силами, за хлѣбъ насущный; онъ былъ измученъ болѣзнью и преслѣдуемъ несчастьемъ; вся его жизнь, казалось, промелькнула прежде, чѣмъ онъ успѣлъ успокоиться и написать всѣ тѣ великія творенія, которыя рождались въ его душѣ. Все, что онъ написалъ, казалось написаннымъ случайно, безпорядочно, поспѣшно, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ. И несмотря на все это, въ его творчествѣ, какъ бы незаконченно и отрывочно оно ни было, какія бы ни встрѣчались въ немъ ошибки, былъ слышенъ нездѣшній голосъ, было дано намъ что-то, глубоко отличавшее Достоевскаго отъ другихъ писателей, и гораздо болѣе цѣнное. Пока это «нѣчто» существовало, его принимали какъ должное, какъ мы принимаемъ солнечный свѣтъ, и только когда Достоевскій умеръ, огромность пустоты, произведенной этой смертью, заставила всѣхъ почувствовать, какъ велико было мѣсто, занимаемое имъ въ сердцахъ и умахъ. Только когда онъ умеръ, поняли всѣ, какъ онъ великъ, и какъ горячо они его любили. Всѣ это почувствовали, начиная съ верховъ, и кончая низами общества. Толстой, говоря о смерти Достоевскаго, писалъ: «Я никогда не зналъ его и никогда не имѣлъ съ нимъ личныхъ отношеній, но когда онъ умеръ, я вдругъ почувствовалъ, что онъ былъ самый дорогой, самый близкій и нужный мнѣ человѣкъ. Все, что онъ дѣлалъ, было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Онъ умеръ, опора какая-то отскочила отъ меня». Вотъ то, что почувствовали всѣ русскіе—пала ихъ главная опора; и вотъ что они выразили, давая Достоевскому такое погребеніе, какого не удостоился ни одинъ царь, ни одинъ военачальникъ; похороны, самая бѣдность которыхъ была выше всякой пышности, гдѣ украшеніемъ служили скорбь цѣлой націи и слезы тысячи сердецъ, соединенныхъ въ преклоненіи и въ любви къ человѣку, котораго всякое изъ нихъ считало своимъ братомъ.

3. Достоевскій, какъ человѣкъ.

Таковы главные факты жизни Достоевскаго. Въ противоположность Толстому, который самъ разсказалъ намъ, всюду, гдѣ только могъ, свою жизнь, до самыхъ интимныхъ подробностей, Достоевскій мало говоритъ о себѣ, и все, что мы о немъ знаемъ, собрано

изъ воспоминаній о немъ или изъ его писемъ; и до сихъ поръ, мы объ его жизни знаемъ очень мало. Онъ не любилъ говорить о себѣ; онъ не любилъ, чтобы его жалѣли. Онъ былъ скроменъ и стыдливо скрывалъ свои чувства. Страховъ пишетъ о немъ слѣдующее:

«Никогда не было замѣтно въ немъ никакого огорченія или ожесточенія отъ перенесенныхъ имъ страданій, и никогда ни тѣни желанія играть роль страдальца. Онъ велъ себя такъ, какъ будто въ прошломъ у него ничего особеннаго не было, не выставлялъ себя ни разочарованнымъ, ни сохраняющимъ рану въ душѣ, а напротивъ, глядѣлъ весело и бодро, когда позволяло здоровье. Помню, какъ одна дама, въ первый разъ попавшая на редакціонные вечера Михаила Михайловича, съ большимъ вниманіемъ вглядывалась въ Ѳеодора Михайловича и, наконецъ, сказала: «Смотрю на васъ, и, кажется, вижу на вашемъ лицѣ тѣ страданія, которыя вы перенесли». Ему были, видимо, досадны эти слова; «Какія страданія!» воскликнулъ онъ и принялся шутить о совершенно постороннихъ предметахъ».

Долго спустя послѣ тюремнаго заключенія и ссылки, когда кто-либо изъ друзей пытался ему доказать, что это было грубой несправедливостью, онъ говорилъ: «Соціализмъ—вотъ къ чему привели послѣдователи Петрашевскаго. Они посѣяли много сѣмянъ». И когда его спрашивали, справедливо ли, по его мнѣнію, ссылать такихъ людей, онъ говорилъ: «Наша ссылка была справедливой; народъ осудилъ бы насъ».

Главными его свойствами были щедрость, широта ума, страстность и «кроткій разумъ». Когда онъ жилъ съ Ризенкампфомъ, нѣмецкимъ врачемъ, онъ жилъ только хлѣбомъ и молокомъ, и то задолжалъ въ молочной. Ризенкампфъ говоритъ о немъ: «Ѳеодоръ Михайловичъ принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, около которыхъ живется всѣмъ хорошо, но которыя сами постоянно нуждаются. Его обкрадывали немилосердно, но, при своей довѣрчивости и добротѣ, онъ не хотѣлъ вникать въ дѣло и обличать прислугу и ея приживалокъ, пользовавшихся его безпечностью».

Одинъ изъ его біографовъ говоритъ, что жизнь съ Ризенкампфомъ обходилась ему очень дорого, такъ какъ ни одинъ бѣднякъ, приходившій къ врачу, не уходилъ оттуда безъ подаянія отъ Достоевскаго. Нельзя прочесть ни одной страницы изъ его твореній, не почувствовавъ того «кроткаго разума», которымъ онъ весь дышалъ. Послѣдній проникаетъ его творчество, какъ благоуханіе драгоцѣннаго бальзама, и проявляется въ трогательной простотѣ нѣкоторыхъ его героевъ, какъ, напримѣръ, Алеши Карамазова и Идіота; читать о нихъ—это находиться подъ чьимъ-то теплымъ и успокаивающимъ вліяніемъ, вліяніемъ чего-то прекраснаго, разумнаго и безконечно человѣчнаго.

Широта его ума проявляется въ безконечной способности пониманія—событій, людей и книгъ; даже тѣхъ, которыя далеко отстояли отъ него во времени и пространствѣ, или были чужды ему по духу или выражали идеи чуждыхъ ему классовъ и націй. Достоевскій одинаково могъ понять, какъ основной духъ арестантскаго представленія въ своемъ острогѣ, такъ и самую скрытую внутреннюю красоту пьесы Расина. Это очень замѣчательное свойство и оно составляетъ его исключительную особенность. Онъ былъ космополитомъ въ своемъ преклоненіи передъ литературой чужихъ странъ, и онъ былъ имъ не потому, что хотѣлъ отрѣзать себя отъ русскихъ традицій и стать европейцемъ и западникомъ, а лишь потому, что онъ былъ глубоко русскимъ, и обладалъ исключительно русскимъ свойствомъ пластичнаго, воспріимчиваго пониманія и усваиванія явленій, глубоко отличныхъ отъ него самого.

Когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, Шекспиръ и Шиллеръ пользовались широкой извѣстностью, и было принято восторгаться ими; принято было также презирать французскихъ писателей XVII вѣка. Но Достоевскій былъ справедливъ и восторженно преклонялся передъ Расиномъ и Корнелемъ и всѣми великими французскими классиками. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: «A Phèdre, братъ? Ты Богъ знаетъ что будешь, если не скажешь, что это высшая, чистая природа и поэзія. Вѣдь это Шекспировскій очеркъ, хотя статуя изъ гипса, а не изъ мрамора». И еще о Корнелѣ: «Читалъ ли ты «Le Cid»? Прочти, жалкій человѣкъ, и пади въ прахъ передъ Корнелемъ».

Достоевскій постоянно «повергался въ прахъ» передъ великими твореніями не только своей родины, но и чужихъ странъ, что лишній разъ доказываетъ справедливость изреченія: «La valeur morale de l'homme est en proportion de sa faculté d'admirer». Достоевскій никогда не разсуждалъ о томъ, какъ нужно давать милостыню или какъ должна быть организована благотворительность; онъ давалъ то, что у него было, просто и естественно, тѣмъ людямъ, которые, какъ онъ это зналъ, нуждались въ помощи; и онъ имѣлъ право на это знаніе, такъ какъ самъ въ острогѣ получалъ милостыню. Также никогда не разсуждалъ онъ о томъ, долженъ ли человѣкъ оставлять трудъ, къ которому онъ призванъ Провидѣніемъ (какъ, напримѣръ, трудъ литературный) для того, чтобы пахать поля или рубить деревья. Онъ испыталъ на себѣ, что значитъ тяжелый трудъ, не какъ любитель, а какъ принужденный къ этому человѣкъ. Онъ носилъ тяжелые кирпичи, ломалъ старыя суда и разметалъ кучи снѣга не изъ философіи или теоріи, а потому, что онъ былъ принужденъ это дѣлать; не сдѣлай онъ этого, онъ былъ бы строго наказанъ. Все то, о чемъ мечталъ и къ чему стремился Толстой, все, что было серьезно

для него въ теоріи, но не на практикѣ, т.-е. раздача своей собственности, единеніе съ народомъ, воздѣлываніе полей,—все это было дѣйствительностью для Достоевскаго. Онъ зналъ, что физическій трудъ лишь тогда имѣетъ значеніе, когда онъ—необходимость; онъ испыталъ такого рода трудъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и всю свою жизнь ему пришлось работать для хлѣба насущнаго. Въ результатѣ, онъ не разсуждалъ о томъ, какого рода трудъ слѣдовало бы исполнять человѣку, а просто исполнялъ, насколько могъ лучше, то, что ему приходилось дѣлать. Онъ могъ бы сказать словами баллады г. Честертона: «Вы ѣли сыръ, мы получали корки; вы ѣли плодъ съ дерева, а мы его рубили; вы были благожелательны, но мы были добры; вы разсуждали о законахъ питанія, а насъ кормили».

Въ этомъ великая разница между Толстымъ и Достоевскимъ. Толстой былъ благожелателенъ, а Достоевскій былъ добръ. Толстой теоретизировалъ о распредѣленіи пищи между людьми, а Достоевскаго кормили и давали ему милостыню, какъ нищему. Достоевскій далеко не презиралъ авторскаго призванія, не считалъ, что это занятіе «лишь слабо усѣянное сѣменами пользы и радости» для человѣчества, а страстно любилъ литературу. Онъ гордился своей профессіей; онъ былъ не только великимъ писателемъ, но и *литераторомъ*. «Я всю жизнь мою», говоритъ Достоевскій, «ни разу не продавалъ сочиненій, не бравъ впередъ деньги. Я литераторъ—пролетарій, и если кто захочетъ моей работы, то долженъ меня впередъ обезпечить».

Есть что-то напоминающее доктора Джонсона въ его манерѣ говорить о своей профессіи и о своемъ отношеніи къ ней. Но есть въ только что приведенной фразѣ какая-то горькая иронія, когда вспомнишь, что онъ былъ бѣднякомъ всю свою жизнь, что его мучили кредиторы, и что онъ почти ничего не получалъ отъ продажи и распространенія своихъ великихъ произведеній. «Достоевскій», пишетъ Страховъ, «любилъ литературу. Онъ принималъ ее, какъ она есть, со всѣми ея условіями, никогда не становился отъ нея въ сторонѣ и не бросалъ на нее взглядовъ свысока. Это отсутствіе малѣйшаго *литературнаго аристократизма* есть въ немъ черта прекрасная и даже трогательная. Русская литература была *почвою*, на которой выросъ Ѳеодоръ Михайловичъ, отъ которой онъ никогда не отрывался, къ которой питалъ кровную любовь и преданность. Онъ хорошо зналъ, что выступая въ публику и въ литературную сферу, выходитъ на базаръ, на площадь, и ни мало не думалъ стыдиться ни своего ремесла,ни своихъ собратій по ремеслу. Напротивъ, онъ гордился этимъ дѣломъ, считалъ его великимъ, священнымъ».

Онъ самъ себя называетъ «почтовой клячей»: онъ пишетъ къ

сроку по три съ половиной печатныхъ листа въ два дня и въ двѣ ночи. «Часто», говоритъ онъ, «случалось въ моей литературной жизни, что начало главы романа или повѣсти было уже въ типографіи или въ наборѣ, а окончаніе еще сидѣло въ моей головѣ, но непремѣнно должно было написаться къ завтраму». И снова: «работа изъ-за нужды, изъ-за денегъ задавила и съѣла меня». «Кончатся ли когда-нибудь мои бѣдствія? Ахъ, кабы деньги, да обезпеченіе!»

Я сказалъ уже, что одной изъ чертъ Достоевскаго была глубокая страстность (не въ смыслѣ «чувственность», а въ смыслѣ страстнаго отношенія ко всему). Было даже нѣчто большее, чѣмъ страстность, въ его натурѣ; онъ не только былъ горячъ въ своей любви и ненависти—его гнѣвъ былъ необузданнымъ. Въ этомъ онъ напоминаетъ намъ людей Возрожденія. Въ его личности были опасныя глубины, темные омуты гнѣва, въ немъ былъ кипящій водоворотъ, высылавшій изрѣдка на поверхность струи кипучей пѣны. Однако, въ его гнѣвѣ нѣтъ ничего неблагороднаго, а въ его страстности никогда не чувствуется порокъ. Это объясняется тѣмъ, что душа Достоевскаго, хотя и спускалась въ адъ, но была очищена пламенемъ, и никакихъ ядовитыхъ испареній отъ нея не отдѣлялось. Достоевскій умѣлъ страстно ненавидѣть; въ немъ были черты св. Франциска и Веласкеца. Я уже говорилъ о томъ, какъ онъ ненавидѣлъ Бѣлинскаго, соціалистовъ, матеріализмъ, съ которыми онъ боролся всю свою жизнь; но противъ Тургенева у него была слѣпая и безпричинная ненависть. Она выразилась впервые вскорѣ послѣ выхода его изъ острога, въ слѣдующей вспышкѣ: «Я очень хорошо знаю», пишетъ онъ, «что я пишу хуже Тургенева; но вѣдь не слишкомъ же хуже, и, наконецъ, надѣюсь написать совсѣмъ не хуже. Затѣмъ же я-то съ моими нуждами беру только по 100 рублей съ листа, а Тургеневъ, у котораго 200 душъ, по 400? Отъ бѣдности я принужденъ торопиться, писать для денегъ, и, слѣдовательно, непремѣнно порчу мой трудъ». Въ припискѣ къ письму онъ пишетъ, что московскому публицисту Каткову пошлетъ всего 15 листовъ по 100 р., т.-е.всего на 400 р. «Взялъ я у него», прибавляетъ Достоевскій, «500 р., да еще, пославъ три четверти романа, просилъ 200 р., итого взято 700 р. Пріѣду въ Тверь безъ копѣйки, но зато въ самомъ непродолжительномъ времени получаю съ Каткова 800 или 700 р.; это еще ничего, можно обернуться».

Нельзя забывать, что природа Достоевскаго, какъ художника и какъ человѣка, носила слѣды глубокаго вліянія болѣзни, мучившей его всю его жизнь—эпилепсіи. Такимъ образомъ, двѣ помѣхи стояли на его пути—болѣзнь и бѣдность. Вѣроятно, болѣзнь была причиной его ненавистей, антипатій и взрывовъ неудержимаго гнѣва. Припадки съ нимъ случались обыкновенно разъ въ мѣсяцъ, иногда

они были болѣе частыми; однажды ихъ было два въ одну недѣлю. Его другъ Страховъ такъ описываетъ одинъ изъ нихъ: «Самому мнѣ разъ довелось быть свидѣтелемъ, какъ случился съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ припадокъ необыкновенной силы. Это было, вѣроятно, въ 1863 г., какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Поздно, часу въ одиннадцатомъ, онъ зашелъ ко мнѣ, и мы очень оживленно разговорились. Не могу вспомнить предмета, но я знаю, что это былъ очень важный отвлеченный предметъ. Ѳеодоръ Михайловичъ очень оживился и зашагалъ по комнатѣ, а я сидѣлъ за столомъ. Онъ говорилъ что-то высокое и радостное; когда я поддержалъ его мысль какимъ-то замѣчаніемъ, онъ обратился ко мнѣ съ вдохновеннымъ лицомъ, показывавшимъ, что одушевленіе его достигло высшей степени. Онъ остановился на минуту, какъ бы ища словъ для своей мысли, и уже открылъ ротъ. Я смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствуя, что онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровеніе. Вдругъ изъ его открытаго рта вышелъ странный, протяжный, безсмысленный звукъ и онъ безъ чувствъ опустился на полъ среди комнаты».

Древніе называли это «священнымъ недугомъ». Передъ началомъ припадка онъ всегда чувствовалъ особый восторгъ, нѣчто въ родѣ того, что чувствуютъ нѣкоторые люди, слушая очень красивую музыку: полную гармонію между собой и вселенной, такое чувство, будто достигъ до края какой-то планеты, и оттуда стремглавъ падаешь въ пространство; это чувство было таково, по словамъ Достоевскаго, что за нѣсколько секундъ этого восторга можно отдать десять лѣтъ жизни, пожалуй, даже и всю жизнь. Но послѣ припадка онъ чувствовалъ себя ужасно и едва переносилъ то состояніе безнадежнаго мрака и болѣзненной впечатлительности, въ которое онъ погружался. Онъ чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, ему казалось, что надъ нимъ тяготѣетъ невидимая вина, великое злодѣйство. Онъ сравниваетъ оба ощущенія, мгновенно связанныя и соединенныя между собой съ быстротой молніи, съ знаменитымъ кувшиномъ Магомета, не успѣвшимъ, будто бы, пролиться въ то время, пока пророкъ, на конѣ Аллаха, облетѣлъ небеса и преисподнюю. Безъ сомнѣнія, этотъ недугъ и частые припадки отвѣтственны въ большой степени за неуравновѣшенность его натуры и его художественныхъ концепцій, такъ же какъ его бѣдность и безжалостныя условія его существованія отвѣтственны за незаконченность его стиля. Но Достоевскій обладалъ хорошими сторонами своихъ недостатковъ, и, можетъ быть, благодаря самой болѣзни и ея особеннымъ свойствамъ, онъ былъ способенъ такъ глубоко проникнуть въ человѣческую душу. Какъ будто завѣса плоти и крови, отдѣляю-

щая душу отъ того, что находится за предѣлами всего, была прозрачнѣй для него, чѣмъ для другихъ людей; благодаря своему недугу, онъ могъ различать то, что для другихъ остается невидимымъ. Конечно, только благодаря соединенію нужды и болѣзни, опредѣлившихъ собою его жизнь, у него было такое безпримѣрное проникновеніе въ жизнь и душу смиренныхъ, отвергнутыхъ, презираемыхъ, приниженныхъ и страдающихъ людей. Онъ проникъ въ величайшія глубины человѣческаго страданія, онъ жилъ лицомъ къ лицу съ самыми низшими представителями человѣческаго горя и отверженія, и онъ не былъ ни разочарованъ, ни обезсиленъ этимъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что все къ лучшему, и, какъ Іовъ, въ пыли и пеплѣ подчинялся вѣчнымъ предначертаніямъ. И хотя всю свою жизнь онъ былъ однимъ изъ побѣжденныхъ, онъ никогда не переставалъ бороться и ни минуты не думалъ, что не стоитъ жить. Наоборотъ, онъ благословлялъ жизнь и заставлялъ другихъ благословлять ее.

Его жизнь была «долгимъ страданіемъ», усиленнымъ и труднѣе переносимымъ благодаря исключительно тяжелымъ обстоятельствамъ. И не смотря на это, Достоевскій былъ счастливъ. Онъ былъ счастливъ и бодръ не оттого, что былъ святымъ, но оттого, что несмотря на свои недостатки, онъ излучалъ изъ себя доброту, оттого что его великое сердце было переполнено любовью, и, выстрадавъ много самъ, онъ понималъ страданія другихъ. Такимъ образомъ, его творенія, хотя они и ужасны и касаются самыхъ темныхъ тучъ, какія только могутъ затемнить человѣческій духъ, хотя они спускаются въ адъ человѣческой души, однако, они даютъ намъ впечатлѣніе не отчаянія, а утѣшенія. Достоевскій прежде всего цѣлитель и утѣшитель, и это лишь оттого, что все его ученіе, его мораль, его искусство и его личность, основаны на прочномъ фундаментѣ, на томъ, что русскіе называютъ долготерпѣніемъ и смиреніемъ. Во всей исторіи міровой литературы нѣтъ ни одного писателя, чья жизнь была бы такъ трудна и тяжела, какъ жизнь Достоевскаго; но онъ никогда не жаловался, и мы можемъ быть увѣрены, что онъ никогда не желалъ, чтобы она была иной. Его жизнь была мученичествомъ, но онъ этому былъ радъ. Хотя никто лучше него не можетъ засвидѣтельствовать справедливости изреченія Гейне: «Гдѣ есть великій духъ, тамъ и Голгоѳа»—однако мы можемъ, не сомнѣваясь, сказать, что Достоевскій былъ счастливъ, счастливъ оттого, что никогда не думалъ о себѣ, и, сознательно или безсознательно, облегчалъ страданія другихъ; его книги продолжаютъ его дѣло и послѣ его смерти.

Все это можно выразить однимъ словомъ—цѣнностью его жизни. И вся причина того, что его творенія, хотя они и описываютъ вели-

чайшія трагедіи человѣчества, приносятъ утѣшенія читателю, вмѣсто отчаянія, во-первыхъ, та, что Достоевскій былъ альтруистомъ и исполнилъ самое трудное велѣніе Христа—любить другихъ больше, чѣмъ самого себя; во-вторыхъ, та, что, сходя въ самую глубину ужаса, онъ показываетъ намъ, что гдѣ человѣкъ изнемогаетъ, тамъ ждетъ его Богъ.

4. «Бѣдные Люди» и «Записки изъ мертваго дома».

Уже въ первой повѣсти Достоевскаго, «Бѣдныхъ Людяхъ», изданной въ 1846 г., проявляются его геній и его талантъ въ зачаточномъ видѣ. Правда, онъ написалъ болѣе великія произведенія, но это — самая характерная его вещь. Это—исторія бѣднаго чиновника, занимающаго должность въ какой-то канцеляріи, уже пожилого, измученнаго заботами, постоянно борющагося съ нуждой. Въ его темномъ и однообразномъ существованіи есть лучъ свѣта—въ другомъ домѣ, такомъ же бѣдномъ и грязномъ, какъ тотъ, въ которомъ онъ самъ живетъ, живетъ дѣвушка, его дальняя родственница, тоже въ тяжеломъ и забитомъ положеніи, у которой ничего на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ дружбы и привязанности бѣднаго чиновника. Они ежедневно пишутъ другъ другу. Въ его письмахъ открывается намъ робкая самоотверженность, рѣдкая тонкость чувствъ, которыя такъ противоположны обыденности его ежедневныхъ поступковъ, неловкости ихъ, граничащей съ комичнымъ. Въ канцеляріи ему приходится раболѣпствовать и жертвовать самолюбіемъ, чтобы не потерять благосклонности своего начальства. Онъ отказываетъ себѣ во всемъ и приноситъ цѣлый рядъ маленькихъ жертвъ, для того чтобы облегчить существованіе этой дѣвушки. Онъ пишетъ ей, какъ отецъ или братъ; однако мы видимъ изъ простыхъ выраженій его писемъ, что онъ ее любитъ; но она этого не понимаетъ. Личность дѣвушки тоже намъ понятна: она выше его по образованію и по уму, и она менѣе покорна судьбѣ, чѣмъ онъ. Въ теченіе ихъ переписки мы узнаемъ все объ ихъ прошломъ, объ ихъ грустной исторіи и маленькихъ событіяхъ ежедневной жизни, о борьбѣ, которую постоянно ведутъ между собою въ головѣ бѣднаго чиновника матеріальная нужда и желаніе не терять своего достоинства. Эта переписка ведется день за днемъ до наступленія кризиса, когда чиновникъ теряетъ свою единственную радость въ жизни и узнаетъ, что его другъ выходитъ замужъ. Она не увлечена перспективой блестящаго приключенія. Она выходитъ замужъ за пожилого, богатаго человѣка, не вполнѣ безупречнаго, и всѣ ея послѣднія письма полны порученіями, которыя она проситъ своего вѣрнаго друга исполнить. Она посылаетъ его къ портнихѣ за платьемъ,

къ ювелиру за кольцами, и все это онъ принимаетъ и исполняетъ съ полнымъ самоотверженіемъ; его жертвы кажутся незамѣтными, какъ будто это такъ и надо. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей позы, онъ ничего не говоритъ о нихъ, и только въ самомъ послѣднемъ письмѣ онъ высказываетъ, и то очень робко и сдержанно, ту безграничную скорбь, которую онъ испытываетъ отъ этого удара судьбы.

Обликъ дѣвушки очерченъ такъ же тонко, какъ и обликъ чиновника, она болѣе независима и менѣе покорна, чѣмъ онъ; она добра и сердечна и не изъ однихъ эгоистическихъ мотивовъ рѣшается перемѣнить свою судьбу, но она еще молода, и ея молодость возстаетъ въ ней и настойчиво требуетъ осуществленія своихъ естественныхъ желаній; она думаетъ, что улучшитъ положеніе своего друга такъ же какъ и свое, къ тому же вѣдь она смотритъ на него, какъ на вѣрнаго друга, не болѣе. Но мы-то, посторонніе, читающіе эти письма, видимъ, что онъ къ ней чувствуетъ не одну только дружбу, а любовь.

Вторая крупная повѣсть Достоевскаго—«Записки изъ Мертваго Дома», (такъ какъ то, что онъ издалъ немедленно послѣ «Бѣдныхъ Людей», недостойно его)—которая была напечатана по его возвращеніи въ Россію въ 1865 г. Эта книга, быть можетъ, не есть его высшее художественное достиженіе, но это наиболѣе человѣчески-интересная вещь, написанная имъ, и одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ, существующихъ въ міровой литературѣ. Онъ въ ней описываетъ свою жизнь въ острогѣ; она изложена въ формѣ посмертныхъ воспоминаній дворянина, совершившаго убійство изъ ревности и приговореннаго къ нѣсколькимъ годамъ каторги; это будто бы найденныя послѣ его смерти записки. Онѣ охватываютъ періодъ времени въ четыре года—какъ разъ время, проведенное Достоевскимъ на каторгѣ. Самая замѣчательная черта въ этой книгѣ—отсутствіе въ ней эгоцентризма. Многіе авторы, въ подобныхъ обстоятельствахъ, написали бы тома самоанализа, наполнили бы страницы своими сѣтованіями и діагнозомъ своихъ переживаній. Очень мало кто сумѣлъ бы въ этомъ положеніи избѣжать позы на мученичество. Въ Достоевскомъ нѣтъ ничего подобнаго. Онъ видитъ ужасъ своего положенія, но не сѣтуетъ объ этомъ, и вся книга написана о другихъ и очень мало о себѣ. И въ этомъ заключается ея огромная цѣнность—такъ какъ нѣтъ ни одной другой книги, въ области романа или путешествія, которая проливала бы такой яркій свѣтъ на природу русскаго человѣка и особенно русскихъ крестьянъ, какъ эта. Онъ подошелъ ближе къ крестьянину, чѣмъ кто бы то ни было, и это было неизбѣжно, такъ какъ онъ жилъ съ нимъ на равныхъ условіяхъ, какъ заключенный. Но этого одного было бы недостаточно, чтобы создать такую цѣнную книгу, нужно было еще нѣчто, и этимъ «нѣчто» были особен-

ности его личности: простота его ума, доброта его сердца, способность понимать и сочувствовать. Съ самыхъ первыхъ страницъ его книги мы входимъ въ самый центръ острожной жизни. Среда встаетъ передъ нами съ поразительной живостью. Прежде всего мы замѣчаемъ, что эта жизнь имѣетъ специфическій характеръ. Странная семья или колонія, собранная въ этой сибирской тюрьмѣ, состояла изъ преступниковъ самаго разнообразнаго рода. Въ ней были представлены не только всѣ классы общества, но всякій оттѣнокъ, всякая разновидность русскаго человѣка имѣли тамъ своихъ представителей, т.-е. здѣсь были профессіональные убійцы, убійцы, ставшіе таковыми случайно, воры, разбойники, бродяги, карманные жулики, контрабандисты, армяне, евреи, поляки, мусульмане, солдаты, попавшіе сюда за нарушеніе дисциплины и даже за убійство, офицеры, дворяне, политическіе преступники и люди, попавшіе въ острогъ Богъ вѣсть за что.

Достоевскій указываетъ на то, что съ перваго взгляда можно было установить нѣкоторыя общія черты въ этомъ странномъ обществѣ. Даже самыя самобытныя, самыя оригинальныя и необыкновенныя личности, стоявшія отдѣльно и поднимавшіяся надъ своими товарищами, даже онѣ старались какъ можно лучше примѣниться къ обычаямъ и манерамъ, къ неписаннымъ законамъ и этикету острога. Онъ говоритъ: «весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ». Ничему не удивляться считалось высшимъ качествомъ и всѣ они имѣли цѣлью и постоянной мыслью—поддержаніе своего достоинства; всѣ были помѣшаны на томъ, какъ наружно держать себя. Были здѣсь люди, претендовавшіе на большую физическую или духовную силу и хваставшіеся ею, а на самомъ дѣлѣ трусы, чья трусость внезапно проявлялась по какому-нибудь поводу. Были также люди, дѣйствительно обладавшіе необыкновенно сильной личностью, но какъ говоритъ Достоевскій, у нихъ у всѣхъ была одна любопытная черта—они были тщеславны до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Это тщеславное желаніе во что бы то ни стало fare figura, какъ говорятъ итальянцы,—главная и общая черта всѣхъ заключенныхъ. Я слышалъ, что это замѣчаніе вѣрно и для англійскихъ тюремъ, гдѣ заключенные проявляютъ самую удивительную изобрѣтательность, чтобы, напримѣръ, выбриться. Большинство этихъ людей были кореннымъ образомъ порочны и ужасно сварливы; сплетни, наушничество, пересуды, мелкая клевета не прекращались; и несмотря на это, никто не смѣлъ возстать противъ обществен-

наго мнѣнія острога, по неписаннымъ законамъ котораго слѣдовало придерживаться извѣстнаго рода поведенія. Другими словами, эти заключенные были очень похожи на нашихъ школьниковъ, въ частныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи. Въ большой школѣ у мальчиковъ свой этикетъ, свои законы; возьмемъ для примѣра Итонскую школу. Въ Итонѣ вы можете итти по одной сторонѣ улицы, а никакъ не по другой, если вы не обладаете извѣстнымъ положеніемъ въ школѣ. Когда на васъ надѣто пальто, вы непремѣнно должны поднять воротникъ, если, опять-таки вы не занимаете извѣстнаго положенія. Вы никогда не можете итти съ неразвернутымъ зонтикомъ; но важнѣе всего тотъ психологическій моментъ, который наступаетъ въ карьерѣ итонскаго школьника, когда онъ по собственному почину начинаетъ носить стоячій воротничокъ вмѣсто отложного, и заявляетъ этимъ всему свѣту, что онъ сталъ лицомъ съ извѣстнымъ вѣсомъ въ обществѣ. Эти правила никѣмъ не записаны и никѣмъ не опредѣлены; никто не говоритъ школьнику, по какой именно сторонѣ улицы онъ не долженъ итти, ни одному школьнику въ голову не придетъ опустить воротникъ своего пальто, пока онъ недостаточно важенъ для этого; всякій мальчикъ, который хочетъ надѣть стоячій воротничокъ, долженъ инстинктивно знать, когда этотъ психологическій моментъ наступаетъ. Это не дѣлается по какимъ-нибудь опредѣленнымъ причинамъ—это просто выраженіе школьнаго духа. Всякій школьникъ въ каждый данный моментъ знаетъ, имѣетъ ли онъ право на стоячій воротничокъ. Нѣкоторые мальчики ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ не отличаются, а получаютъ право на стоячій воротничокъ очень скоро, если въ ихъ натурѣ есть достаточное количество престижа, вліяющаго на остальныхъ; другіе, хотя бы и обладатели многихъ знаковъ отличій, не могутъ этого сдѣлать до самыхъ послѣднихъ минутъ своей школьной жизни. Но у всѣхъ должны быть опредѣленныя причины, дающія право надѣть стоячій воротничокъ, а получить это право просто въ силу того, что мальчикъ уменъ или самоувѣренъ, не только невозможно, это немыслимо.

Разсказы Достоевскаго о преступникахъ такъ сильно напоминаютъ мнѣ нашихъ англійскихъ школьниковъ, что, съ немногими измѣненіями, «Записки изъ Мертваго Дома» могли бы быть описаніемъ большой англійской школы, поскольку дѣло идетъ объ этикетѣ. Вотъ примѣръ, поясняющій мою мысль: Достоевскій говоритъ, что въ острогѣ были люди съ очень сильной личностью, не боявшіеся ни Бога, ни людей, никому не подчинявшіеся въ теченіе всей своей жизни, и, однако, они сразу примѣнялись къ тому роду поведенія, которое отъ нихъ требовалось. Приходили въ тюрьму

люди, наводившіе ужасъ на своихъ односельчанъ и на всю округу; такой «новенькій» осматривался и сразу понималъ, что онъ попалъ въ такое мѣсто, гдѣ никого ничѣмъ не удивишь, гдѣ единственное, что онъ могъ сдѣлать—это быть спокойнымъ и сообразоваться съ мѣстными обычаями, съ тѣмъ «общимъ тономъ», который Достоевскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть ли не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшеннаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще почетный». Это именно взглядъ школьника. Онъ предпочитаетъ домъ школѣ; онъ знаетъ, что онъ обязанъ быть въ послѣдней, работать противъ своей воли и часто дѣлать очень непріятныя для себя вещи; въ то же время всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы сохранить достоинство своего положенія. Это же было и главнымъ стремленіемъ каторжниковъ—сохранить достоинство своего положенія каторжника. Читая «Записки изъ Мертваго Дома» часто получаешь впечатлѣніе, что заключенные вели себя совершенно какъ школьники; и дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ Достоевскій говоритъ, что во многихъ отношеніяхъ они были какъ дѣти. Онъ приводитъ въ примѣръ, съ какимъ наслажденіемъ они тратятъ добытыя откуда-нибудь деньги на покупку новой рубашки и пояса и гуляютъ по всему острогу, чтобы похвастаться обновкой; они недолго сохраняютъ эти вещи и почти всегда кончаютъ тѣмъ, что спускаютъ ихъ почти даромъ, но ихъ наслажденіе, пока онѣ у нихъ находятся, огромное. Въ ихъ неписанномъ сводѣ нравственныхъ законовъ, была, однако, одна интересная статья, совершенно отличавшая арестантовъ отъ школьниковъ Англіи, Россіи, или какой бы то ни было другой страны: у нихъ не было отвращенія къ людямъ, доносившимъ начальству, которые на школьномъ языкѣ обозначаются словомъ «фискалъ». Фискалъ не подвергался никакому измѣненію своего положенія въ тюрьмѣ; никакого возмущенія противъ него не было, никто не избѣгалъ его, съ нимъ дружили; если бы вы постарались объяснить арестантамъ всю гнусность его поведенія, никто бы васъ не понялъ.

«Тотъ арестантъ изъ дворянъ, развратный и подлый, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, водилъ дружбу съ маіорскимъ деньщикомъ Ѳедькой и служилъ у него шпіономъ, а тотъ передавалъ все услышанное имъ объ арестантахъ маіору. У насъ всѣ это знали, и никто даже не вздумалъ наказать или хотя бы укорить негодяя».

Это еще болѣе удивительно потому, что въ русскихъ школахъ, а особенно въ тѣхъ, гдѣ существуетъ военная дисциплина, фискальство считается величайшимъ преступленіемъ. Разсказывая о другомъ

каторжникѣ, который постоянно все доносилъ начальству, Достоевскій говоритъ, что его презирали не за это, «а за другое, за то, что не умѣлъ вести себя».

Арестанты, хотя никогда не высказывали ни малѣйшаго раскаянія въ совершонныхъ преступленіяхъ, могли, по своему этикету, выражать извѣстнаго рода внѣшнюю покорность, какое-то спокойное резонерство, въ родѣ слѣдующаго: «Мы погибшій народъ; не умѣли на волѣ жить, а теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды. Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры». Каторжники безжалостно ругали другъ друга, они были мастерами этого дѣла, болѣе того, художниками. Ругательство у нихъ обращалось въ науку, въ искусство; они не столько старались найти оскорбительное слово, сколько обидную мысль, намекъ, который могъ бы причинить особую боль; точно стараясь другъ передъ другомъ: кто будетъ поядовитѣе, позлѣе въ своихъ ругательствахъ.

Другая замѣчательная черта, тоже напоминающая школьниковъ, та, что арестанты, вообще, были послушны и покорны до послѣдней степени. Но были извѣстныя границы, далѣе которыхъ ихъ терпѣніе истощалось, и когда конвойный или офицеръ эти границы переступали, они были готовы на все, даже на убійство, и не боялись наказанія.

Достоевскій говоритъ намъ, что за все время своего пребыванія въ тюрьмѣ, онъ никогда не замѣчалъ среди арестантовъ ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тяжести на душѣ вслѣдствіе совершоннаго преступленія; и большинство изъ нихъ, въ душѣ, считали себя совершенно оправданными. Но одного они не выносили— и не оттого, что это въ нихъ возбуждало волненіе или раскаяніе, а оттого, что это нарушало тюремный этикетъ—это разсказовъ о совершонныхъ въ прошломъ преступленіяхъ. Онъ приводитъ примѣръ, когда одинъ изъ нихъ, пьяный—арестанты могли доставать вино—началъ разсказывать, какъ онъ убилъ пятилѣтняго ребенка. Весь острогъ, который до того смѣялся его шуткамъ, закричалъ, какъ одинъ человѣкъ, и убійца принужденъ былъ замолчать. Они закричали не отъ негодованія, но оттого, что *не надо* было про *это* говорить; потому что говорить про *это* не принято. Достоевскій считалъ двѣ вещи самымъ тяжелымъ испытаніемъ за время своего пребыванія на каторгѣ: во-первыхъ, полное отсутствіе уединенія, такъ какъ за четыре года онъ ни одной минуты, ни днемъ ни ночью, не былъ одинъ; во-вторыхъ, стѣну, существовавшую между нимъ и большинствомъ каторжниковъ, благодаря тому, что онъ былъ дворяниномъ. Каторжники ненавидѣли людей изъ высшихъ сословій, хотя они и были съ ними въ равныхъ соціальныхъ условіяхъ; арестанты никогда не призна-

вали ихъ за товарищей. Совершенно искренно и безсознательно они относились къ нимъ, какъ къ «господамъ», несмотря на то, что любили посмѣяться надъ ними, надъ перемѣной въ ихъ положеніи. Они презирали дворянъ за то, что тѣ не умѣли работать какъ слѣдуетъ, и Достоевскій разсказываетъ, что прошло два года, прежде чѣмъ ему удалось завоевать симпатіи нѣкоторыхъ изъ арестантовъ, хотя и видно изъ его разсказовъ о разговорахъ съ ними, что они его очень любили, и хотя, въ концѣ концовъ, большинство изъ нихъ признало, что онъ хорошій человѣкъ. Онъ указываетъ на то, насколько приговоръ къ каторжнымъ работамъ тяжелѣе для человѣка изъ его сословія, чѣмъ для крестьянина. Крестьянинъ приходитъ съ любого конца Россіи, все равно откуда, и въ острогѣ находитъ привычную для себя среду, съ которой онъ сливается безъ всякихъ затрудненій. Съ нимъ всѣ обращаются какъ съ равнымъ, какъ съ братомъ; иначе обстоитъ дѣло съ дворяниномъ, и особенно, говоритъ Достоевскій, съ политическимъ преступникомъ, большинство которыхъ арестанты ненавидятъ. Онъ никогда не станетъ имъ ровней; они могутъ очень любить его, какъ и было съ Достоевскимъ, но они никогда не считаютъ его на равной ногѣ съ собой. Они предпочитали даже иностранцевъ, напримѣръ нѣмцевъ, русскимъ дворянамъ; а больше всего они ненавидѣли поляковъ, такъ какъ послѣдніе были почти преувеличенно вѣжливы съ арестантами и въ то же время не могли скрыть своей врожденной ненависти къ нимъ. Относительно этой разницы положенія въ острогѣ дворянъ и крестьянъ Достоевскій разсказываетъ намъ поразительную исторію. Изрѣдка, когда у арестантовъ были какія-нибудь жалобы на пищу или на дурное обращеніе съ ними, они устраивали стачку и собирались на острожномъ дворѣ. Разъ, когда они всѣ тамъ собрались, Достоевскій хотѣлъ къ нимъ присоединиться, на что ему немедленно сказали, что здѣсь ему не мѣсто, пускай лучше идетъ на кухню, гдѣ находятся поляки и остальные дворяне. Ему это было ласково сказано его друзьями, а тѣ, которые не принадлежали къ ихъ числу, высказали то же путемъ саркастическихъ замѣчаній по его адресу. Хотя ему и хотѣлось остаться, его заставили уйти. Послѣ окончанія стачки, когда участники ея были наказаны, Достоевскій спросилъ одного изъ своихъ друзей арестантовъ, не сердятся ли они на дворянъ?

— А за что на васъ сердиться?

— Ну да за то, что мы не вышли на претензію.

— Да вамъ зачѣмъ показывать претензію?—спросилъ онъ, какъ бы стараясь понять меня,—вѣдь вы свое кушаете!

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что свое ѣдятъ, а вышли же! Ну, и намъ надо было... Изъ товарищества.

— Да... Да какой же вы намъ товарищъ?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Достоевскій понялъ, что онъ никогда не будетъ имъ настоящимъ товарищемъ; онъ могъ бы сто лѣтъ быть арестантомъ, быть самымъ опытнымъ преступникомъ, самымъ виртуознымъ убійцей—преграда между сословіями никогда не исчезла бы, онъ всегда остался бы дворяниномъ, и всегда дѣло обстояло бы такъ: «Вы идите своей дорогой, мы своей». И это, говоритъ Достоевскій, самое тяжелое, что ему пришлось испытать за все время своей острожной жизни.

Можетъ быть, больше всего радости доставило ему то, что ему удалось видѣть доброту, выказываемую къ арестантамъ посторонними людьми. Упоминая о тюремныхъ докторахъ онъ говоритъ: «Извѣстно всѣмъ арестантамъ во всей Россіи, что самые сострадательные для нихъ люди—доктора. Они никогда не дѣлаютъ между арестантами различія, какъ невольно дѣлаютъ почти всѣ посторонніе, кромѣ развѣ одного простого народа. Тотъ никогда не коритъ арестанта за его преступленіе, какъ бы ужасно оно ни было, и прощаетъ ему все за понесенное имъ наказаніе и вообще за несчастіе. Не даромъ же весь народъ во всей Россіи называетъ преступленіе несчастіемъ, а преступниковъ несчастными. Это глубоко знаменательное опредѣленіе. Оно тѣмъ болѣе важно, что сдѣлано безсознательно, инстинктивно». Одинъ изъ случаевъ проявленія такого милосердія къ несчастнымъ далъ Достоевскому самую счастливую минуту за время его пребыванія въ острогѣ. Это былъ первый разъ, что онъ непосредственно получилъ милостыню. Вотъ этотъ случай:

«Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая какъ ангельчикъ. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпиталѣ, въ арестантской палатѣ, въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили къ нему прощаться; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка закраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копѣйки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной...—На, «несчастный», возьми, Христа ради, копѣечку!—кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руку монету. Я взялъ ея копѣечку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣечку я долго берегъ у себя».

Замѣчательнѣе всего во всей книгѣ тѣ многочисленныя и разнообразныя открытія, которыя онъ сдѣлалъ въ человѣческой натурѣ, и его умѣнье проникнуть до настоящаго человѣка, скрытаго за угрюмой личиной преступника, его способность отыскать въ немъ «душу

добра». Каждая отдѣльная личность, описанная имъ, встаетъ передъ нами поразительно рельефно; если начать приводить примѣры, никогда не кончишь. Тѣмъ не менѣе, я приведу нѣкоторые изъ нихъ. Вотъ, напримѣръ, Акимъ Акимычъ, офицеръ, слѣдующимъ образомъ заслужившій свой приговоръ. Онъ служилъ на Кавказѣ и былъ комендантомъ одной маленькой крѣпости. Разъ, ночью, сосѣдній кавказскій князекъ напалъ на крѣпость и поджегъ ее, но былъ отбитъ и прогнанъ. Акимъ Акимычъ притворился, что не знаетъ, кто виновникъ нападенія; черезъ мѣсяцъ онъ пригласилъ къ себѣ князька въ гости; тотъ пришелъ, не подозрѣвая никакого злого умысла. Акимъ Акимычъ выстроилъ своихъ солдатъ и въ ихъ присутствіи сказалъ князьку, что жечь крѣпости очень дурно; и прочтя ему длинное наставленіе о томъ, каково должно быть поведеніе мирнаго князя, застрѣлилъ его и донесъ объ этомъ своему начальству. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но казнь ему замѣнили двѣнадцатью годами каторги. Такимъ образомъ, Акимъ Акимычъ одинъ только разъ въ жизни поступилъ по собственному усмотрѣнію, и результатомъ этого поступка были каторжныя работы. У него не хватало здраваго смысла, чтобы понять, въ чемъ именно его вина заключалась, но онъ пришелъ къ тому заключенію, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ дѣйствовать своимъ умомъ, отказался отъ всякой собственной иниціативы—и превратился въ машину. Онъ не былъ образованнымъ человѣкомъ, но былъ чрезвычайно аккуратенъ и поразительно честенъ; благодаря большимъ способностямъ къ ручному труду, онъ то столярничалъ, то тачалъ сапоги, то шилъ обувь или занимался позолотой, и не было ремесла, которому онъ не могъ бы научиться. Акимъ Акимовичъ устроилъ свою жизнь такъ методично, до мельчайшихъ подробностей, съ такой педантичной аккуратностью, что первое время чуть съ ума не свелъ Достоевскаго, хотя онъ былъ по отношенію къ послѣднему сама доброта и всячески помогалъ ему въ первые дни заключенія. Акимъ Акимовичъ, казалось, совершенно равнодушно относился къ своему пребыванію въ острогѣ; онъ устроился такъ, какъ-будто ему предстояло остаться здѣсь до конца своихъ дней; все, начиная съ его подушки, имѣло такой видъ, какъ-будто не было для него никакой возможной перемѣны въ жизни. Сначала Достоевскій считалъ этотъ живой автоматъ тяжелымъ испытаніемъ для себя, но впослѣдствіи совершенно примирился съ нимъ.

Вотъ передъ нами Орловъ, одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ преступниковъ. Онъ былъ дезертиромъ. Маленькаго роста и легкаго сложенія, онъ абсолютно не зналъ страха. Достоевскій говоритъ, что никогда, за всю свою жизнь, ему не приходилось встрѣчаться

съ такимъ сильнымъ, желѣзнымъ характеромъ, какъ у этого человѣка. Въ немъ была полная побѣда духа надъ плотью. Онъ могъ перенести какое угодно тѣлесное наказаніе съ величайшимъ равнодушіемъ. Онъ горѣлъ безпредѣльной энергіей, жаждой дѣйствовать, отомстить и достигнуть цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Достоевскій говоритъ, что онъ сомнѣвается въ томъ, могъ ли хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ повліять на него своимъ авторитетомъ. У него былъ спокойный взглядъ на жизнь, какъ-будто не существовало ничего на свѣтѣ, что могло бы его удивить и хотя ему было хорошо извѣстно то уваженіе, съ которымъ къ нему относились арестанты, въ немъ не было и тѣни чванства; онъ былъ очень не глупъ и до ужаса откровененъ, хотя не болтливъ. Достоевскій разспрашивалъ его объ его приключеніяхъ—онъ не любилъ о нихъ говорить, но отвѣчалъ всегда прямо. Однако, когда онъ во время одного разговора понялъ, что Достоевскій старается узнать, не чувствуетъ ли онъ угрызеній совѣсти за свои преступленія, онъ взглянулъ на него съ такимъ надменнымъ и полнымъ презрѣніемъ, какъ-будто ему вдругъ пришлось имѣть дѣло съ глупымъ маленькимъ мальчикомъ, который и разсуждать-то какъ взрослый не можетъ. Было даже выраженіе жалости на его лицѣ, а черезъ минуту или двѣ онъ разразился самымъ веселымъ смѣхомъ, безъ всякой ироніи, и смѣялся отъ души. Достоевскій былъ увѣренъ, что, оставшись одинъ и вспоминая его слова, онъ, можетъ быть, нѣсколько разъ принимался смѣяться, такъ ему мысль объ угрызеніяхъ казалась комичной. Одна изъ самыхъ симпатичныхъ личностей, выведенныхъ Достоевскимъ — это молодой татаринъ Алей, имѣвшій лишь 22 года отъ роду. У него было открытое, умное и даже красивое лицо и добродушное, наивное выраженіе, сразу привлекавшее къ нему всѣ сердца. Его улыбка была такая довѣрчивая, дѣтская и простая, его большіе черные глаза были такими мягкими и добрыми, что было утѣшеніемъ смотрѣть на него. Онъ былъ въ острогѣ за то, что невольно принялъ участіе въ нападеніи своихъ братьевъ на богатаго купца армянина, котораго они ограбили. За все время своего пребыванія на каторгѣ онъ сохранилъ свою сердечную мягкость и свою строгую честность; онъ никогда ни съ кѣмъ не поссорился, хотя отлично умѣлъ постоять за себя, и всѣ его любили. Достоевскій пишетъ: «Я считаю Алея далеко не обыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что онѣ могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь»...

Я не могу не привести два случая изъ осторожной жизни Достоевскаго, которые, мнѣ кажется, проливаютъ особый свѣтъ на тѣ лица, съ которыми ему пришлось жить, и на ихъ поведеніе. Первый изъ нихъ—это исторія о томъ, какъ молодой солдатъ Сироткинъ попалъ на каторгу. Вотъ эта исторія, которую Достоевскій приводитъ собственными словами Сироткина: «Матушка-то меня, правда, очень любила-съ, когда я въ некруты пошелъ, она послѣ меня слегла, да слышно, и не вставала...Горько мнѣ ужъ очень подъ конецъ, по некрутству стало. Командиръ не взлюбилъ, за все наказываетъ,—а и за что-съ? Я всѣмъ покоряюсь, живу въ аккуратъ; винишка не пью, ничѣмъ не заимствуюсь, а ужъ это, Александръ Петровичъ, плохое дѣло, коли чѣмъ заимствуется человѣкъ. Все кругомъ такіе жестокосердые, — всплакнуть негдѣ. Бывало, пойдешь куда за уголъ, да тамъ и поплачешь. Вотъ и стою я разъ въ караулѣ. Ужъ ночью поставили меня на часы, на абвахтѣ, у сошекъ. Вѣтеръ; осень была, а темень такая, что хоть глазъ раздери. И такъ тошно, тошно мнѣ стало. Взялъ я къ ногѣ ружье, штыкъ отомкнулъ, положилъ подлѣ; скинулъ правый сапогъ, дуло наставилъ себѣ въ грудь, налегъ на него и большимъ пальцемъ ноги спустилъ курокъ. Смотрю—осѣчка. Я ружье осмотрѣлъ, прочистилъ затравку, пороху новаго подсыпалъ, кремешекъ пообилъ и опять къ груди приставилъ. Что же съ? Порохъ вспыхнулъ, а выстрѣла опять нѣтъ. Что же это, думаю. Взялъ я надѣлъ сапогъ, штыкъ примкнулъ, молчу и расхаживаю. Тутъ-то я и положилъ это дѣло сдѣлать! хоть куда хошь, только вонъ изъ некрутства. Черезъ полчаса ѣдетъ командиръ, главнымъ рундомъ правилъ; прямо на меня: «Развѣ такъ стоятъ на караулѣ?» Я взялъ ружье на руку, да и всадилъ въ него штыкъ по самое дуло. Четыре тысячи прошелъ, да и сюда, въ особое отдѣленіе....»

Второй разсказъ—о человѣкѣ, «перемѣнившемъ» свой приговоръ. Это произошло такъ: партія ссыльныхъ отправлялась въ Сибирь. Нѣкоторые изъ нихъ шли на каторгу, или на заводъ, иные на поселеніе; но всѣ шли вмѣстѣ. Они остановились во время пути гдѣ-то въ Пермской губ. Среди нихъ находился одинъ, по имени Михайловъ, приговоренный къ безсрочной каторгѣ за убійство. Онъ былъ очень хитеръ и рѣшился во что бы то ни стало измѣнить свою участь. Онъ встрѣтилъ недалекаго арестанта, Сушилова, приговореннаго всего къ нѣсколькимъ годамъ поселенія; т.-е. это значитъ, что въ теченіе этихъ лѣтъ онъ былъ обязанъ жить въ Сибири, а не въ Европейской Россіи. Этотъ послѣдній былъ наивенъ, невѣжественен, и, къ тому же, совершенно не имѣлъ денегъ. Михайловъ подружился съ нимъ, напоилъ его и тогда предложилъ помѣняться приговорами. Михайловъ говорилъ: «Я, дескать, иду въ каторгу—не каторгу, а въ какое-

то особое отдѣленіе», что, по его словамъ, было особой милостью, нѣчто въ родѣ первоклассной, почетной каторги. Сушиловъ, подъ вліяніемъ вина и вообще простоватый, былъ очень благодаренъ за предложеніе, и Михайловъ, пользуясь его простотой, купилъ у него его имя за красную рубаху и рубль серебромъ, которые онъ ему тутъ же, при свидѣтеляхъ, отдалъ. На слѣдующій день Сушиловъ истратилъ рубль и пропилъ красную рубаху; но какъ только онъ протрезвился, онъ сталъ раскаиваться въ сдѣлкѣ. Тогда Михайловъ сказалъ ему: «не хочешь, такъ деньги отдай». Этого онъ не могъ сдѣлать; ему не откуда было достать рубль. На слѣдующемъ этапѣ, гдѣ они остановились, когда офицеръ, при перекличкѣ, назвалъ Михайлова—отозвался Сушиловъ, а Михайловъ отозвался на имя Сушилова, и результатомъ было то, что послѣ Тобольска Михайловъ былъ посланъ куда-то на недолгое поселеніе, а Сушиловъ превратился въ «вѣчнаго» каторжника. «Спеціальное отдѣленіе», о которомъ первый говорилъ, какъ о какомъ-то высшемъ разрядѣ каторги, оказалось отдѣленіемъ для самыхъ отчаянныхъ преступниковъ, не имѣвшихъ надежды покинуть острога, охраняемыхъ строже всего. Жаловаться было ни къ чему—исправить ошибку не было возможности. Не было свидѣтелей, а если бы свидѣтели были, они отреклись бы. Такимъ образомъ Сушиловъ, ничего особенно дурного не сдѣлавшій, получилъ самое строгое наказаніе, какое только налагаетъ русское правительство, тогда какъ другой, отчаянный преступникъ, лишь на нѣсколько лѣтъ воспользовался перемѣной воздуха. Самое замѣчательное въ этой исторіи слѣдующее: Достоевскій говоритъ намъ, что арестанты презирали Сушилова не за то, что онъ «смѣнился», а за то, что онъ заключилъ такую невыгодную сдѣлку и получилъ только рубль и красную рубашку. Если бы онъ промѣнялъ свой приговоръ за два-три рубля и двѣ-три рубашки, они бы это нашли совершенно естественнымъ.

Вся книга полна такого рода исторіями, проливающими яркій свѣтъ на свойства русскихъ людей.

«Записки изъ Мертваго Дома» переведены на французскій и на англійскій языки; хорошій переводъ ихъ, написанный г-жей Мари фонъ Тилло, былъ изданъ въ 1881 году, гг. Лонгмансъ; но его теперь, мнѣ кажется, трудно достать. А между тѣмъ, если есть иностранная книга, заслуживающая того, чтобы ее знали, это именно «Записки изъ Мертваго Дома». Не только оттого, что она болѣе всякой другой проливаетъ свѣтъ на русскихъ людей, но и оттого, что она удивительно просто разсказываетъ намъ чрезвычайно интересныя вещи о тюрьмѣ и тюремной жизни. Эту книгу должны были бы читать законодатели. Правда, въ описаніи острожной жизни она нѣсколько

устарѣла; она говоритъ намъ о нравахъ пятидесятыхъ годовъ, когда все было грубѣе, строже, примитивнѣе, чѣмъ сейчасъ. Однако, хотя арестантамъ приходилось проходить сквозь строй цѣлаго полка солдатъ, и ихъ иногда били почти до смерти, несмотря на грязь и бѣдность тюрьмы, на тоску и мракъ, неотдѣлимые отъ острожной жизни,— жизнь этихъ арестантовъ положительно выгодно отличается отъ той, которую ведутъ наши заключенные въ «чистыхъ и жестокихъ англійскихъ тюрьмахъ», какъ удачно назвалъ ихъ г. Честеръ, гдѣ они по цѣлымъ днямъ безцѣльно работаютъ въ одиночномъ заключеніи. Доказательствомъ моей мысли служитъ то, что Достоевскій смогъ написать одно изъ самыхъ прекрасныхъ изслѣдованій человѣческой души, когда-либо написанныхъ, на основаніи своихъ тюремныхъ наблюденій. Во-первыхъ, арестанты пользовались обществомъ товарищей; у всѣхъ былъ табакъ, они играли въ карты, они могли получать милостыню, и, хотя это ужъ было труднѣе, даже вино. Не было правилъ, запрещавшихъ имъ разговаривать. Всякій изъ нихъ имѣлъ свое любимое занятіе или ремесло, которыми онъ заполнялъ часы досуга. Не будь этого, говоритъ Достоевскій, арестанты сошли бы съ ума. А что они сказали бы объ англійской тюрьмѣ, гдѣ заключеннымъ даже не позволено разговаривать другъ съ другомъ? Такого рода режимъ былъ и, вѣроятно, всегда будетъ, совершенно немыслимымъ для русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, это напоминаетъ мнѣ поразительную фразу, сказанную однимъ русскимъ революціонеромъ, знакомымъ съ русскими тюрьмами. Онъ былъ членомъ второй Думы и провелъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ. Зимой 1906 года былъ соціалистическій конгрессъ въ Лондонѣ, на которомъ онъ присутствовалъ; по возвращеніи, нѣкоторые изъ его политическихъ друзей просили его прочесть лекцію о свободѣ англійскихъ учрежденій. Онъ отказался это сдѣлать и сказалъ: «Русскій свободнѣе въ тюрьмѣ, чѣмъ англичанинъ на волѣ».

Тайна удивительной цѣнности «Записокъ изъ Мертваго Дома», въ то же время тайна того единственнаго въ своемъ родѣ свойства, которое мы находимъ во всѣхъ твореніяхъ Достоевскаго: онъ смѣло глядитъ въ глаза правдѣ; онъ видитъ то, что плохо, что хуже и возмутительнѣе всего въ человѣческой натурѣ; онъ не надѣваетъ наглазниковъ и не отрицаетъ существованія зла, какъ это дѣлаютъ многіе англійскіе писатели, но въ то же время онъ не находитъ наслажденія, какъ Зола, въ непристойныхъ анализахъ и не выводитъ изъ своихъ изслѣдованій о низшихъ сторонахъ человѣческой души какой-то псевдонаучной теоріи, основанной на увѣренности, что человѣческая природа положительно дурна. Достоевскій анализируетъ не для того, чтобы продѣлать надъ паціентомъ опытъ и удовлетворить

собственному любопытству, а для того, чтобы помочь ему и вылѣчить его. Увидавъ зло и признавъ его, онъ принимается за отыскиваніе того добра, которое за нимъ скрывается, и дурное цѣлое онъ принимаетъ изъ-за тѣхъ хорошихъ сторонъ, которыя въ немъ находитъ, и благодаренъ за нихъ. Онъ находитъ образъ Божій въ самомъ закоренѣломъ преступникѣ, и показываетъ намъ его; вотъ почему эта книга одна изъ самыхъ важныхъ для человѣчества, которая когда-либо была написана. Какъ она ни ужасна и ни грустна, никто не можетъ прочитать ее, не почувствовавъ себя при этомъ лучше, сильнѣе, исполненнымъ новыхъ надеждъ. Ибо Достоевскій доказываетъ намъ (какъ далеко это отъ жалобъ на свою судьбу!)—что жизнь въ Мертвомъ Домѣ не только стоитъ того, чтобы ее прожить, но что она полна неподозрѣваемыхъ нами и неизслѣдованныхъ богатствъ, рѣдкихъ жемчужинъ доброты, сокровищъ сердечности и скрытыхъ источниковъ жалости. Онъ покидаетъ тюрьму съ чувствомъ, похожимъ на сожалѣніе, и онъ смотритъ на эти четыре года, какъ на особую милость Провидѣнія, какъ на лучшее сокровище своей жизни. Онъ выходитъ оттуда навсегда спасеннымъ отъ отчаянія, и полнымъ той мудрости, драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ, которую можно найти лишь въ сердцахъ дѣтей.

5. «Преступленіе и Наказаніе».

«Преступленіе и Наказаніе» было напечатано въ 1866 году; это та книга, которая принесла Достоевскому славу и популярность и благодаря которой онъ наиболѣе извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, за границей. Это самая великая трагедія убійцы, когда-либо созданная со временъ Макбета.

Въ главѣ о Толстомъ и Тургеневѣ я говорилъ, что русскихъ можно суммарно раздѣлить на два типа, которые преобладаютъ въ русскомъ творчествѣ: типъ Люцифера, воплощеніе несокрушимой гордости, и типъ Иванушки-дурачка, мудраго блаженнаго. Это особенно вѣрно по отношенію къ произведеніямъ Достоевскаго. Почти всѣ главные герои его твореній олицетворяютъ одинъ изъ этихъ двухъ типовъ. Раскольниковъ, герой «Преступленія и Наказанія» воплощеніе типа Люцифера; причина и двигающая пружина всѣхъ его поступковъ—гордость. Раскольниковъ нигилистъ въ настоящемъ смыслѣ слова; не политическій и не интеллектуальный, какъ Тургеневскій Базаровъ, а нигилистъ нравственный; иначе говоря, человѣкъ, который стремится жить безъ принциповъ и не имѣть угрызеній совѣсти, который хочетъ поставить себя выше и внѣ всякихъ человѣческихъ нравственныхъ условностей. И его мысль та, что если онъ сможетъ попрать ногами всѣ условности, онъ будетъ своего

рода Наполеономъ. Онъ идетъ закладывать вещи къ старухѣ процентщицѣ и въ его умѣ смутно укореняется та мысль, которая будетъ вліять на все его будущее, именно, что умный человѣкъ, обладающій богатствомъ закладчицы, можетъ сдѣлать все, и что единственный нужный для этого шагъ—уничтоженіе безполезной и даже положительно вредной старухи. Онъ такъ выражаетъ впослѣдствіи свою мысль:

«Я задалъ себѣ одинъ разъ такой вопросъ: что если бы, напримѣръ, на моемъ мѣстѣ случился Наполеонъ и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода черезъ Монбланъ, а была бы вмѣсто всѣхъ этихъ красивыхъ и монументальныхъ вещей, просто-запросто, одна какая-нибудь смѣшная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавокъ надо убить, чтобы изъ сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?) ну, такъ рѣшился ли бы онъ на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился бы отъ того, что ужъ слишкомъ не монументально и... и грѣшно? Ну, такъ, я тебѣ говорю, что на этомъ вопросѣ я промучился ужасно долго, такъ что ужасно стыдно мнѣ стало, когда я, наконецъ, догадался (вдругъ какъ-то), что не только его не покоробило бы, но даже и въ голову бы ему не пришло, что это не монументально, и даже не понялъ бы онъ совсѣмъ: чего тутъ коробиться? И ужъ если бы только не было ему другой дороги, то задушилъ бы такъ, что и пикнуть бы не далъ, безъ всякой задумчивости... Ну и я... вышелъ изъ задумчивости... задушилъ... по примѣру авторитета». Роскольникова преслѣдуетъ эта идея, точно такъ, какъ Макбета преслѣдуетъ предсказаніе трехъ вѣдьмъ; обстоятельства играютъ здѣсь роль судьбы въ греческой трагедіи и ведутъ его противъ воли къ совершенію ужаснаго преступленія. «Онъ механически принужденъ», пишетъ проф. Брюкнеръ въ «Исторіи Русской Литературы», совершить это дѣйствіе, какъ если бы подойдя слишкомъ близко къ работающей машинѣ, онъ былъ бы схваченъ ею за одежду, втянутъ и разрѣзанъ на куски». Какъ только онъ убиваетъ старуху, онъ фатально принужденъ совершить второе преступленіе, немедленно послѣ совершенія перваго. Онъ думаетъ, что, совершая его, онъ переступаетъ черезъ человѣческія условности, что онъ будетъ внѣ и выше нравственности, сверхчеловѣкомъ, Наполеономъ. Трагедія всей книги состоитъ въ его неудачѣ и въ томъ, что онъ ее сознаетъ... Вмѣсто того, чтобы стать сильнѣе человѣчества, онъ становится слабѣе его; вмѣсто того, чтобы побѣдить мораль и условности, онъ самъ побѣжденъ ими. Онъ видитъ, что, какъ только совершено преступленіе, все его отношеніе къ міру измѣнилось и его жизнь становится долгой борьбой съ самимъ собою, возмущеніемъ

противъ нравственныхъ послѣдствій его поступка. Его инстинктъ самосохраненія вступаетъ въ конфликтъ съ ужасомъ передъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, и съ потребностью покаяться. Раскольниковъ, какъ я говорилъ, воплощеніе гордости, она основная черта его характера. Онъ достаточно гордъ для того, чтобы строить гигантскія концепціи, чтобы создать въ себѣ стремленіе стать выше и внѣ предѣловъ человѣческихъ, но его душа недостаточно сильна, чтобы выдержать тяжесть его идей. Онъ думаетъ, что въ немъ есть задатки великаго человѣка, и чтобы доказать себѣ это, онъ совершаетъ преступленіе, которое вывело бы обыкновеннаго человѣка изъ обычныхъ условій жизни; онъ полагаетъ, что, будучи человѣкомъ необыкновеннымъ, онъ останется въ жизни и не будетъ страдать. Его гордость получаетъ смертельный ударъ, когда онъ сознаетъ, что онъ слабъ, и что нравственныя послѣдствія его поступка стерегутъ его на всякомъ поворотѣ жизни. Онъ борется съ ними, старается не признавать ихъ; онъ самовольно ищетъ общества сыщиковъ, подробно разсуждаетъ съ ними объ убійствѣ и убійцахъ, съ беззаботностью, ведущей его къ самому краю пропасти, когда ему нужно одно только слово, чтобы себя выдать. Судебный слѣдователь, дѣйствительно, догадывается, что преступникъ онъ, и играетъ съ нимъ какъ кошка съ мышкой, будучи совершенно увѣреннымъ, что въ концѣ концовъ онъ самъ сознается. Тѣ главы, въ которыхъ описывается единоборство этихъ двухъ людей, однѣ изъ самыхъ захватывающихъ и волнующихъ, которыя я когда-либо читалъ. Я видѣлъ двѣ изъ нихъ сыгранными на сценѣ, и нѣсколько человѣкъ изъ числа зрителей были въ истерикѣ до окончанія представленія. Наконецъ, минута искупленія наступаетъ, хотя далеко ему еще до возрожденія. Раскольниковъ любитъ бѣдную проститутку Соню. Его поступокъ, его убійства, повліяли на его любовь къ ней (какъ и на всю его послѣдующую жизнь) и придали ей какое-то упорное отчаяніе. Соня, которая любитъ его, какъ единственнаго человѣка, никогда не относившагося къ ней съ презрѣніемъ, видитъ, что у него большая тяжесть на душѣ, что его мучаетъ какая-то тайна. Она напрасно старается заставить его высказаться, но, наконецъ, онъ къ ней приходитъ съ намѣреніемъ во всемъ признаться, и она читаетъ правду въ его глазахъ. Какъ только она узнаетъ все, она говоритъ ему, что онъ долженъ поцѣловать землю, которую осквернилъ, и исповѣдать всему міру, что онъ совершилъ убійство. Тогда, говоритъ она, Богъ пошлетъ ему новую жизнь. Сначала онъ отказывается, говоритъ, что люди хуже его, что бо̀льшія преступленія совершаются ежедневно, что тѣ, кто ихъ совершаетъ, уважаются всѣми. Соня говоритъ объ его страданіяхъ, о томъ, что онъ перечувствуетъ, со-

храняя свою ужасную тайну; но онъ все еще не хочетъ сдаться, признать, что онъ слабый человѣкъ, *«вошь»*—имя, которое онъ даетъ всѣмъ тѣмъ, кто не «сверхъ-люди». Соня говоритъ, что они должны вмѣстѣ пойти въ ссылку, и страдая *вмѣстѣ* они искупятъ его поступокъ. Это одна изъ главныхъ идей Достоевскаго, или, скорѣе, наиболѣе распространенное пониманіе христіанства, которое вы найдете среди русскихъ, что страданіе хорошо само по себѣ, и особенно общее страданіе съ кѣмъ-нибудь другимъ.

Послѣ того, какъ Раскольниковъ признался Сонѣ, онъ продолжаетъ кружиться около полиціи, какъ бабочка, неудержимо привлекаемая огнемъ; наконецъ, онъ признается и приговоренъ къ семи годамъ каторги. Но хотя онъ былъ разбитъ въ борьбѣ со своей идеей, хотя онъ жалко потерпѣлъ неудачу, его гордость все еще жива, даже послѣ признанія и во время отбыванія наказанія въ тюрьмѣ. Когда онъ прибываетъ на каторгу, не тяжелая работа, не грубая пища, не бритье головы и арестантскія одежды давятъ его душу; и не чувствуетъ онъ раскаянія. Но тутъ, въ тюрьмѣ, онъ еще разъ подвергаетъ критикѣ и обсужденію всѣ свои дѣйствія, и не находитъ ихъ ни глупыми, ни ужасными, какъ раньше.

«Ну, чѣмъ мой поступокъ кажется имъ такъ безобразенъ», говорилъ онъ себѣ. «Тѣмъ что онъ—злодѣяніе? Что значитъ слово злодѣяніе? Совѣсть моя спокойна. Конечно, сдѣлано уголовное преступленіе; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну возьмите за букву закона мою голову... и довольно. Конечно, въ такомъ случаѣ, даже многіе благодѣтели человѣчества, не наслѣдовавшіе власть, а сами ее захватившіе, должны бы были быть казнены при самыхъ первыхъ своихъ шагахъ. Но тѣ люди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынесъ, и, стало быть, я не имѣлъ права разрѣшить себѣ этотъ шагъ».

Раскольниковъ, соотвѣтственно этому, считалъ, что его преступленіе заключалось лишь въ томъ, что онъ не былъ достаточно силенъ, не смогъ довести своей мысли до конца и имѣлъ слабость признаться. Онъ мучается и другой мыслью: почему онъ не убилъ себя, когда понялъ правду? Почему онъ предпочелъ униженіе раскаянія?

Остальные заключенные его не любили, не вѣрили ему и кончили тѣмъ, что его возненавидѣли. Собственный опытъ Достоевскаго далъ ему возможность на нѣсколькихъ страницахъ дать намъ поразительную картину отношеній Раскольникова съ другими арестантами. Онъ постепенно замѣчалъ пропасть, лежавшую между нимъ и остальными. Классовую перегородку, встававшую между нимъ и ими, труднѣе уничтожить, чѣмъ ту, которую кладетъ между людьми разница въ національности. Въ то же время онъ видѣлъ,

что были въ острогѣ политическіе преступники, напримѣръ поляки и офицеры, смотрѣвшіе на другихъ арестантовъ сверху внизъ, считая ихъ «невѣждами и хлопами» и презиравшіе ихъ. Но онъ не могъ этого сдѣлать, не могъ не видѣть, что эти невѣжды часто гораздо умнѣе тѣхъ, кто ихъ презираетъ. Съ другой стороны, его поражало, что они всѣ любили Соню, которая послѣдовала за нимъ на каторгу и жила въ городѣ. Арестанты рѣдко ее видѣли, встрѣчая ее лишь иногда на работахъ, и, однако, они ее боготворили за то, что она пошла за Раскольниковымъ. Ненависть арестантовъ къ нему возросла до того, что одинъ разъ на Пасхѣ, когда онъ шелъ съ ними въ церковь, они закричали: «Ты безбожникъ, ты въ Бога не вѣруешь! Убить тебя надо!» Онъ никогда не говорилъ съ ними о Богѣ или о религіи, и, однако, они его хотѣли убить, какъ атеиста. Онъ еле-еле избѣгнулъ смерти, благодаря вмѣшательству часового. Чтобы подтвердить справедливость этого, я могу засвидѣтельствовать, что мнѣ часто приходилось слышать, какъ русскіе мужики или солдаты говорили о томъ или иномъ человѣкѣ, что онъ вѣритъ въ Бога, а такой-то безбожникъ, хотя бы тѣ никогда и не упоминали о религіи въ разговорахъ съ ними, и они всегда были правы.

Затѣмъ Раскольниковъ заболѣлъ и лежалъ нѣкоторое время въ госпиталѣ, въ горячкѣ. По выздоровленіи онъ узнаетъ, что Соня сама заболѣла и давно не была около острога, и его охватываетъ глубокая грусть. Наконецъ, она выздоравливаетъ и онъ встрѣчаетъ ее на работѣ. Что-то таетъ въ его сердцѣ, онъ не знаетъ, что́ и почему, онъ падаетъ къ ея ногамъ и плачетъ. Съ этой минуты для него начинается новая жизнь, его отчаяніе исчезло, какъ растаявшая туча; его сердце какъ бы воскресло отъ смерти.

«Преступленіе и Наказаніе», наиболѣе извѣстное изъ произведеній Достоевскаго, — несомнѣнно наиболѣе сильное изъ его твореній. Душевную пытку Раскольникова читатель переживаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Кажется, что Достоевскій прикоснулся къ крайнему предѣлу страданія, которое можетъ испытать человѣческая душа, спускаясь въ адъ. Въ то же время онъ никогда не наслаждается описаніемъ ужасовъ и страданій; напротивъ, намъ кажется, что онъ открываетъ намъ мученія человѣческаго духа для того, чтобы излѣчить ихъ. Въ романѣ есть одинъ эпизодъ, когда Раскольниковъ становится на колѣни передъ Соней и произноситъ слова, которыя можно считать девизомъ не только этой книги, но и всего творчества Достоевскаго: «Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился».

Въ этой книгѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ, чувствуется, что Достоевскій преклоняетъ колѣни передъ великимъ

страданіемъ, какое можетъ испытать человѣческая душа; и дѣлая это, онъ учитъ насъ терпѣнію и надеждѣ. Кромѣ поразительнаго анализа, который можно найти въ романѣ, кромѣ ужасной сѣти деталей, изъ которыхъ состоитъ борьба Раскольникова съ его «навожденіемъ», кромѣ словесной дуэли между нимъ и слѣдователемъ, который твердо рѣшилъ, что преступникъ будетъ осужденъ не на основаніи какихъ-нибудь случайныхъ уликъ, а по его собственному признанію, и который ведетъ его къ этому, играя на его постоянной мысли; кромѣ всего этого главнаго дѣйствія, въ романѣ заключается поразительное богатство второстепенныхъ типовъ, эпизодовъ и сценъ, изъ которыхъ каждая необходима для главной нити трагедіи, проходящей черезъ цѣлое.

Романъ, какъ было указано выше, не былъ достаточно оцѣненъ публикой при своемъ появленіи въ 1866 году; теперь, въ 1909 году, онъ стоитъ гораздо выше въ мнѣніи тѣхъ, кто призванъ судить о немъ, чѣмъ тогда. Можно сказать то же самое лишь о немногихъ книгахъ, написанныхъ въ Европѣ въ шестидесятые года; такъ какъ всѣ такъ называемыя психологическія и анализирующія творенія, написанныя во Франціи и Англіи съ 1865 года, не только кажутся блѣдными и безжизненными рядомъ съ огненнымъ твореніемъ Достоевскаго, но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ и капли его всеобъемлющей гуманности, нѣтъ вѣянія его свѣтлой доброты.

6. «Идіотъ».

Хотя «Преступленіе и Наказаніе» самое мощное и, вѣроятно, самое популярное произведеніе Достоевскаго, я не считаю его самымъ характернымъ; т.-е., я хочу сказать, что оно не обладаетъ въ такой высокой степени тѣми качествами, которыя составляютъ особенность его дарованія. Болѣе характеренъ для него «Идіотъ», въ главномъ лицѣ котораго живетъ и дышитъ истинная душа автора. Герой «Идіота», князь Мышкинъ,—типъ Иванушки, русскаго блаженнаго, который своей простотой побѣждаетъ умъ мудрыхъ.

Мы знакомимся съ нимъ въ вагонѣ третьяго класса, въ поѣздѣ, ѣдущемъ въ Петербургъ изъ Варшавы. Онъ молодой человѣкъ, двадцати шести лѣтъ отъ роду, съ густыми свѣтлыми волосами, покатыми плечами и жиденькой, свѣтлой бородкой; глаза у него большіе, голубые и проникающіе въ душу; въ ихъ выраженіи есть что-то спокойное и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое, то, что позволяетъ врачамъ съ перваго взгляда узнать жертву падучей. Въ рукахъ онъ держитъ узелокъ изъ стараго фуляра, составляющій весь его багажъ. Одинъ изъ спутниковъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ; онъ отвѣчаетъ съ

необычайной поспѣшностью. Спрошенный, долго ли онъ былъ въ отсутствіи, онъ говоритъ, что въ Россіи не былъ болѣе четырехъ лѣтъ, что онъ былъ посланъ за границу изъ-за здоровья, изъ-за какой-то странной нервной болѣзни вродѣ пляски св. Витта. Слушая его, спутникъ нѣсколько разъ смѣется, особенно когда на вопросъ: «вылѣчили ли Васъ»? свѣтловолосый молодой человѣкъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, меня не вылѣчили». Темноволосый спутникъ — Рогожинъ, купецъ. Эти два человѣка — тѣ лица, которыя составляютъ центръ произведенія и вокругъ которыхъ разыгрывается вся драма.

Князь Мышкинъ имѣетъ намѣреніе, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, разыскать свою отдаленную родственницу, жену нѣкоего генерала Епанчина. Онъ уже писалъ ей изъ Швейцаріи, но не получилъ отвѣта. Онъ является въ домъ генерала со своимъ узелкомъ; лакей въ ливреѣ отворяетъ ему дверь и подозрительно его оглядываетъ. Наконецъ, послѣ многократнаго объясненія, что онъ князь Мышкинъ, и что ему необходимо видѣть генерала по важному дѣлу, лакей ведетъ его въ маленькую переднюю, передъ самой пріемной, у кабинета генерала. Онъ сдаетъ его съ рукъ на руки другому лакею; послѣдній предлагаетъ князю подождать въ пріемной, а узелокъ свой оставить въ прихожей; затѣмъ онъ садится въ кресло, и смотритъ со стороны на князя, который, вмѣсто того, чтобы итти въ пріемную, садится рядомъ съ нимъ съ узелкомъ на колѣняхъ.

— «Если позволите,—сказалъ князь,—я лучше подождалъ бы здѣсь съ вами, а тамъ что жъ мнѣ одному.

— Въ передней вамъ не стать, потому вы посѣтитель, иначе гость. Вамъ къ самому генералу?

Лакей, видимо, не могъ помириться съ мыслью впустить такого посѣтителя и еще разъ рѣшился спросить его.

— Да, у меня дѣло... — началъ было князь.

— Я васъ не спрашиваю, какое именно дѣло,—мое дѣло только объ васъ доложить. А безъ секретаря, я сказалъ, докладывать о васъ не пойду.

Подозрительность этого человѣка, казалось, все болѣе и болѣе увеличивалась: слишкомъ ужъ князь не подходилъ подъ разрядъ вседневныхъ посѣтителей.

— Да вы точно... изъ-за границы? — какъ-то невольно спросилъ онъ, наконецъ, — и сбился; онъ хотѣлъ, можетъ-быть, спросить: «Да вы точно князь Мышкинъ?»

— Да, сейчасъ только изъ вагона. Мнѣ кажется, вы хотѣли спросить, точно ли я князь Мышкинъ, да не спросили изъ вѣжливости.

— Гм... — промычалъ удивленный лакей.

— Увѣряю васъ, что я не солгалъ вамъ, и вы отвѣчать за меня

не будете. А что я въ такомъ видѣ и съ узелкомъ, такъ этому удивляться нечего; въ настоящее время мои обстоятельства не казисты.

— Гм... Я опасаюсь не того, видите ли. Доложить я обязанъ, и къ вамъ выйдетъ секретарь, окромя если вы... Вотъ то-то вотъ и есть, что окромя! Вы не по бѣдности просить къ генералу, осмѣлюсь, если можно, узнать?

— О, нѣтъ, въ этомъ будьте совершенно удостовѣрены. У меня другое дѣло.

— Вы меня извините, а я на васъ глядя спросилъ. Подождите секретаря; самъ теперь занятъ съ полковникомъ, а затѣмъ придетъ и секретарь... компанейскій.

— Стало-быть, если здѣсь долго ждать, я бы васъ попросилъ, нельзя ли здѣсь гдѣ-нибудь покурить? У меня трубка и табакъ съ собой.

— По-ку-рить? — съ презрительнымъ недоумѣніемъ вскинулъ на него глаза камердинеръ, какъ бы все еще не вѣря ушамъ; — покурить? Нѣтъ, здѣсь вамъ нельзя покурить, а къ тому же вамъ стыдно и въ мысляхъ это содержать. Хе... чудно-съ!

— О, я вѣдь не въ этой комнатѣ просилъ; я вѣдь знаю; я вышелъ бы куда-нибудь, гдѣ бы вы указали, потому я привыкъ, а вотъ уже часа три не курилъ. Впрочемъ, какъ вамъ угодно и, знаете есть пословица: въ чужой монастырь...

— Ну, какъ я объ васъ, объ такомъ доложу? — пробормоталъ почти невольно камердинеръ. — Первое то, что вамъ здѣсь и находиться не слѣдуетъ, а въ пріемной сидѣть, потому вы сами на линіи посѣтителя, иначе гость, и съ меня спросится. Да вы что же, у насъ жить, что ли, намѣрены? — прибавилъ онъ, еще разъ покосившись на узелокъ князя, очевидно, не дававшій ему покоя.

— Нѣтъ, не думаю. Даже если бъ и пригласили, не останусь. Я просто познакомиться только пріѣхалъ и больше ничего.

— Какъ? познакомиться? — съ удивленіемъ и съ утроенною подозрительностью спросилъ камердинеръ: — какъ же вы сказали сперва, что по дѣлу?

— О, почти не по дѣлу. То-есть, если хотите, есть одно дѣло, такъ только совѣта спросить, но я, главное, чтобы отрекомендоваться, потому я князь Мышкинъ, и генеральша Епанчина тоже послѣдняя изъ княженъ Мышкиныхъ, и кромѣ меня съ нею Мышкиныхъ больше нѣтъ.

— Такъ вы еще и родственникъ?—встрепенулся уже почти совсѣмъ испуганный лакей.

— И это почти что нѣтъ. Впрочемъ, если натягивать, конечно родственники, но до того отдаленные, что, по-настоящему, и счи-

таться даже нельзя. Я разъ обращался къ генеральшѣ изъ-за границы съ письмомъ, но она мнѣ не отвѣтила. Я все-таки почелъ нужнымъ завязать сношенія по возвращеніи. Вамъ же все это теперь объясняю, чтобы вы не сомнѣвались, потому вижу, вы все еще безпокоитесь: доложите, что князь Мышкинъ, и ужъ въ самомъ докладѣ причина моего посѣщенія видна будетъ. Примутъ—хорошо, не примутъ — тоже, можетъ-быть, очень хорошо. Только не могутъ, кажется, не принять: генеральша ужъ, конечно, захочетъ видѣть старшаго и единственнаго представителя своего рода, а она породу свою очень цѣнитъ, какъ я объ ней въ точности слышалъ.

Казалось бы, разговоръ князя былъ самый простой; но чѣмъ онъ былъ проще, тѣмъ и становился въ данномъ случаѣ нелѣпѣе, и опытный камердинеръ не могъ не почувствовать что-то, что совершенно прилично человѣку съ человѣкомъ, и совершенно неприлично гостю съ *человѣкомъ*. А такъ какъ *люди* гораздо умнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ про нихъ господа, то и камердинеру зашло въ голову, что тутъ два дѣла: или князь такъ какой-нибудь потаскунъ и непремѣнно пришелъ на бѣдность просить, или князь просто дурачокъ и амбиціи не имѣетъ, потому что умный князь и съ амбиціей не сталъ бы въ передней сидѣть и съ лакеемъ про свои дѣла говорить, а, стало-быть, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, не пришлось бы за него отвѣчать».

Я привелъ этотъ эпизодъ изъ второй главы книги полностью, такъ какъ въ немъ раскрывается вся личность князя. Онъ — мудрый простецъ; онъ страдаетъ падучей, и эта «священная» болѣзнь, выпавшая ему на долю, уничтожаетъ ту часть его интеллекта, изъ которой проистекаютъ всѣ наши недостатки — дерзость, эгоизмъ, иронія. Онъ абсолютно простъ. У него умъ мужчины, мягкость женщины и сердце ребенка. Онъ не знаетъ никакихъ перегородокъ между людьми, классовыхъ или личныхъ. Онъ всегда ровенъ и остается самимъ собой со всякимъ, съ кѣмъ встрѣчается. И однако его наивность, лишенная всякой подозрительности, его искренность и простота, соединяются въ немъ съ проникновенной интуиціей, такъ что онъ можетъ читать въ душахъ людей, какъ въ книгѣ.

Генералъ принимаетъ его и князь такъ же простъ и искрененъ съ нимъ, какъ онъ былъ съ лакеемъ. Онъ совершенно не имѣетъ средствъ, и у него во всемъ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ его узелка. Генералъ спрашиваетъ, хорошій ли у него почеркъ, и рѣшаетъ дать ему какую-нибудь секретарскую работу; онъ даетъ ему двадцать-пять рублей и устраиваетъ его на житье въ домѣ своего секретаря. Генералъ оставляетъ князя завтракать и знакомитъ его со своей семьей. Его

жена прямая, нѣсколько ребячливая женщина, и у нея три дочери: Александра, Аделаида и Аглая. Князь ихъ поражаетъ своей простотой. Онѣ сперва не могутъ разобрать, какъ слѣдуетъ, ребенокъ онъ или плутъ; но его простота побѣждаетъ ихъ. Послѣ разговоровъ на разныя темы, напримѣръ, объ его жизни въ Швейцаріи, объ ощущеніяхъ человѣка, приговореннаго къ смертной казни, о которыхъ ему разсказывали (это я привелъ уже выше), о казни, свидѣтелемъ которой онъ былъ, — одна изъ дѣвушекъ спрашиваетъ, былъ ли онъ когда-нибудь влюбленъ.

— Я не былъ влюбленъ, — отвѣчалъ князь такъ же тихо и серьезно, — я былъ... счастливъ иначе.

— Какъ же? Чѣмъ же?

— Хорошо, я вамъ разскажу,—проговорилъ князь, какъ бы въ глубокомъ раздумьи.

«Тамъ... тамъ были все дѣти, и я все время былъ съ дѣтьми, съ одними дѣтьми. Это были дѣти той деревни, вся ватага, которая въ школѣ училась. Я не то, чтобы училъ ихъ; о, нѣтъ, тамъ для этого былъ школьный учитель; я, пожалуй, и училъ ихъ, но я больше такъ былъ съ ними, и всѣ четыре года такъ и прошли. Я имъ все говорилъ, ничего отъ нихъ не утаивалъ. Ихъ отцы и родственники на меня разсердились всѣ, потому что дѣти, наконецъ, безъ меня обойтись не могли, и все вокругъ меня толпились, а школьный учитель даже сталъ мнѣ, наконецъ, первымъ врагомъ. У меня много стало тамъ враговъ, и все изъ-за дѣтей. И чего они такъ боялись? Ребенку можно все говорить, — все; меня всегда поражала мысль, какъ плохо знаютъ большіе дѣтей, отцы и матери даже своихъ дѣтей. Отъ дѣтей ничего не надо утаивать подъ предлогомъ, что они маленькіе и что имъ рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И какъ хорошо сами дѣти подмѣчаютъ, что отцы считаютъ ихъ слишкомъ маленькими и ничего не понимающими, тогда какъ они все понимаютъ! Большіе не знаютъ, что ребенокъ даже въ самомъ трудномъ дѣлѣ можетъ дать чрезвычайно важный совѣтъ. О, Боже! когда на васъ глядитъ эта хорошенькая птичка, довѣрчиво и счастливо, вамъ вѣдь стыдно ее обмануть? Я потому ихъ птичками зову, что лучше птички нѣтъ ничего на свѣтѣ. Впрочемъ, на меня всѣ въ деревнѣ разсердились больше по одному случаю... а Тибо просто мнѣ завидовалъ; онъ сначала все качалъ головой и дивился, какъ это дѣти у меня все понимаютъ, а у него почти ничего, а потомъ сталъ надо мной смѣяться, когда я ему сказалъ, что мы оба ихъ ничему не научимъ, а они еще насъ научатъ. И какъ онъ могъ мнѣ завидовать и клеветать на меня, когда самъ жилъ съ дѣтьми? Черезъ дѣтей душа лѣчится».

Въ личность героя этой книги Достоевскій вложилъ всю свою кротость, всю свою жалость къ больнымъ и сочувствіе несчастнымъ, все свое пониманіе дѣтей и свою любовь къ нимъ. Личность князя Мышкина отражаетъ въ себѣ все то лучшее, что было въ личности Достоевскаго. Онъ портретъ, но не того, чѣмъ Достоевскій былъ, а того, чѣмъ онъ хотѣлъ бы быть. Конечно, Достоевскій не воображалъ, что этотъ идеалъ былъ имъ выполненъ; онъ хорошо сознавалъ свои недостатки, внезапные взрывы и кипучую глубину своей страстной натуры, свою способность къ гнѣву, къ ненависти, ревности и зависти; но, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ бы создать князя Мышкина, «Идіота», если бы онъ самъ, во многомъ, не былъ созданъ изъ того же матеріала.

Во всѣхъ твореніяхъ Достоевскаго, когда только говорится о дѣтяхъ, или они сами являются дѣйствующими лицами, страницы дышатъ свѣжестью и благоуханіемъ, напоминающими запахъ ландыша. Все, что онъ говоритъ о дѣтяхъ, или что они сами говорятъ въ его произведеніяхъ, полно правды. Дѣтская улыбка освѣщаетъ темныя страницы его романовъ, какъ весенніе цвѣты освѣщаютъ темную пропасть, на краю которой они растутъ.

Рѣзко контрастируетъ съ личностью князя Мышкина Рогожинъ. Онъ воплощеніе второго типа, того упорнаго, несокрушимаго духа, который, какъ я уже говорилъ, часто встрѣчается въ произведеніяхъ Достоевскаго. Онъ, можетъ-быть, менѣе гордъ, чѣмъ Раскольниковъ, но онъ много сильнѣе, грубѣе послѣдняго. Его властная и незнающая удержу натура не знаетъ никакой слабости нервовъ, никакого подрывающаго самоанализа. Онъ недисциплинированъ и эгоцентриченъ. Онъ не «раздавленъ подъ тяжестью мысли», но его страсти — не его идеи — слишкомъ велики для содержащаго ихъ сосуда. Онъ любитъ Настасью Филипповну, «*гетеру*». которая тоже отличается неудержимой страстностью и импульсивностью. Онъ любитъ ее со всей силой своей страстной, недисциплинированной натуры, и его мучаетъ ревность оттого, что она его не любитъ, хотя она и не можетъ не подчиняться вліянію его властной личности. Ядъ ревности такъ полно захватываетъ его тѣло и душу, что онъ, въ концѣ-концовъ, убиваетъ ее, почти немедленно послѣ того, какъ она вышла замужъ за него и отдалась ему, такъ какъ онъ чувствуетъ, что она никогда не принадлежитъ ему вполнѣ, а менѣе всего въ ту минуту, когда отдается ему навсегда. Такъ велика его страсть, что она, даже ненавидя его, не можетъ не пойти къ нему, противъ воли, зная даже, что онъ убьетъ ее.

Описаніе ночи, слѣдующей за этимъ убійствомъ, когда Рогожинъ говоритъ всю ночь съ княземъ передъ кроватью, на которой

лежитъ мертвая Настасья Филипповна, по полному отсутствію мелодраматичности и по своей простотѣ — можетъ быть, самая леденяще-ужасная вещь, которую когда-либо написалъ Достоевскій. Настасья Филипповна не могла любить Рогожина, потому что она любила князя; также любила его и Аглая, младшая дочь генерала, хотя онъ и не любитъ ни одной изъ нихъ, и только жалѣетъ обѣихъ. Здѣсь мы подходимъ къ самому зерну, къ внутреннему содержанію книги—именно, къ тому вліянію, которое оказываетъ «Идіотъ» на всякаго, съ кѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе. Достоевскій помѣщаетъ его въ гнѣздо негодяевъ, плутовъ и мошенниковъ, въ міръ ростовщиковъ, лжецовъ и воровъ, корыстныхъ, тщеславныхъ, честолюбивыхъ и нечестныхъ людей; и онъ не только проходитъ черезъ этотъ вертепъ зла незапятнаннымъ, но самыя смертоносныя орудія злыхъ — ихъ коварство, хитрость и обманы, абсолютно безсильны противъ его простоты, и ни одинъ изъ этихъ людей, какъ бы отвратителенъ или дуренъ онъ ни былъ, не можетъ устоять противъ его магическаго вліянія. Женщины сперва надъ нимъ смѣются; но затѣмъ, какъ я уже сказалъ, онъ становится главнымъ содержаніемъ жизни и у Настасьи Филипповны, страстной и необузданной женщины, и у Аглаи, невинной и умной дѣвушки; онѣ вступаютъ въ безумную битву ревности надъ нимъ, хотя онъ самъ наивно не понимаетъ причины ихъ ссоры.

Эта книга, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, открываетъ намъ художественные методы Достоевскаго; они нѣсколько напоминаютъ методы Шарлотты Бронтэ. Замыселъ картины, аксессуары ея — фантастичны иногда до невозможнаго; но это имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ, напримѣръ, обстановка въ Дженъ Эйръ. Единственное, что для насъ важно, что мы видимъ и чувствуемъ — это яркій свѣтъ, горящій въ произведеніи. Намъ совершенно все равно, могъ или не могъ существовать Епанчинъ, какъ человѣкъ, возможны или нѣтъ обстоятельства его жизни — какъ намъ рѣшительно все равно, правдоподобно или нѣтъ описаны друзья г-на Рочестера. Такіе вопросы кажутся несущественными въ этой книгѣ, гдѣ мы на каждомъ шагу можемъ проникнуть въ самую глубь человѣческаго духа, взглянуть на душу мужчины или женщины, какъ если бы она была обнажена передъ нами. Хотя обстановка и фантастична, хотя мы, можетъ-быть, никогда не видали такихъ людей, они, въ извѣстномъ смыслѣ, правдивѣе самой жизни: мы прямо смотримъ внутрь каждаго изъ нихъ, какъ-будто съ нихъ сняли все фальшивое и искусственное, что въ нихъ было, какъ-будто ничего въ нихъ не осталось, кромѣ голой души — такой, какой она предстанетъ на страшномъ судѣ.

Что касается до художественнаго построенія романа, оно та-

кое же, какъ и въ большинствѣ романовъ Достоевскаго. Почти во всѣхъ его произведеніяхъ дѣйствіе начинается почти передъ самымъ наступленіемъ катастрофы, и занимаетъ время въ нѣсколько дней. И однако книга очень длинна. Она цѣликомъ занята разговорами и объясненіемъ разговоровъ; нѣтъ описаній природы, почти все время идетъ діалогъ. Достаточно кому-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ заговорить, — и мы уже слышимъ звукъ его голоса; не нужно «сценическихъ указаній». Намъ не говорятъ, что такой-то человѣкъ такой-то и такой-то, — мы это сразу чувствуемъ и понимаемъ съ перваго сказаннаго имъ слова. Съ другой стороны, въ книгѣ очень много анализа, но онъ никогда не излишенъ. Достоевскій никогда не толкаетъ насъ въ плечо, не показываетъ намъ того, что мы сами знаемъ. но онъ освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ глубины темной и извилистой души своихъ героевъ, показывая намъ, что *они* думаютъ, а не то, что *онъ* думаетъ о нихъ. Его анализъ играетъ роль хора въ древней Греціи, а его творчество напоминаетъ, по своему составу, греческія трагедіи — это смѣсь драгоцѣнныхъ металловъ съ темнымъ шлакомъ, гранита съ мраморомъ, — матеріалъ, изъ котораго Эсхилъ могъ бы создать другого «Агамемнона», или Шекспиръ — другого «Короля Лира».

Быть-можетъ, «Идіота» нельзя считать самымъ художественнымъ изъ романовъ Достоевскаго, въ томъ смыслѣ, что онъ не сконцентрированъ, часто расплывчатъ, — чего нельзя сказать о «Преступленіи и Наказаніи», но онъ, можетъ-быть, самый характерный, самый индивидуальный изъ нихъ, такъ какъ никто, кромѣ Достоевскаго, не могъ создать такого героя, какъ князь Мышкинъ, вдохнуть въ него жизнь и заставить его положительно излучать изъ себя доброту и любовь.

7. «Бѣсы».

«Бѣсы», можетъ-быть, какъ цѣлое, стоятъ ниже другихъ произведеній Достоевскаго, но въ извѣстномъ отношеніи это самая интересная изъ написанныхъ имъ книгъ. Это обусловливается двумя причинами: во-первыхъ, качества и недостатки Достоевскаго, какъ писателя, въ этой книгѣ видны яснѣе, какъ черезъ увеличительное стекло, въ ихъ крайней степени, такъ что она одновременно даетъ намъ представленіе и о высшихъ достиженіяхъ его могущества, и показываетъ намъ ясно ограниченія его генія. Стивенсонъ гдѣ-то говоритъ, что то же самое можно сказать о нѣкоторыхъ романахъ Виктора Гюго. Во-вторыхъ, книга далеко опережаетъ свое время. Въ ней Достоевскій доказываетъ намъ, что у него была «пророческая душа».

Романъ написанъ о нигилистахъ, сыгравшихъ крупную роль въ шестидесятыхъ годахъ. Объясненіе ея заглавія можно найти въ эпиграфѣ, который взятъ изъ Евангелія отъ Луки:

«Тутъ же на горѣ паслось большое стадо свиней; и бѣсы просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и утонуло. Пастухи, видя происшедшее, побѣжали и разсказали въ городѣ и въ селеніяхъ. И вышли видѣть происшедшее; и пришедши къ Іисусу, нашли человѣка, изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Іисуса, одѣтаго и въ здравомъ умѣ, и ужаснулись. Видѣвшіе же разсказали имъ, какъ исцѣлился бѣсновавшійся».

Этотъ романъ, какъ я уже говорилъ, раскрываетъ передъ нами силы Достоевскаго въ высшей степени ихъ напряженія, въ томъ смыслѣ, что ни въ одномъ изъ другихъ его произведеній мы не находимъ отдѣльныхъ сценъ такой поразительной силы; сценъ, образно выражаясь, добѣлà раскаленныхъ пламенемъ его души; и личностей, въ которыхъ онъ сконцентрировалъ всю демоническую силу, весь ослѣпляющій свѣтъ своего прозрѣнія. Съ другой стороны, романъ показываетъ намъ, какъ я тоже говорилъ выше, яснѣе чѣмъ всякое другое его твореніе, свойства и размѣры его ограниченій. Романъ почти слишкомъ переполненъ людьми и событіями; событія сгруппированы вмѣстѣ въ почти немыслимо-короткій промежутокъ времени; все дѣйствіе книги, очень длинной, происходитъ всего въ нѣсколько дней, и на описаніе одного утра отводится столько мѣста, сколько хватило бы на цѣлую длинную англійскую повѣсть. Кромѣ того, повѣствованіе довольно несвязно; минутами за деревьями лѣса не видно. Конечно, эти возраженія своего рода «сверхъ-критика», такъ какъ, насколько я знаю, никто, взявшій въ руки эту книгу, не можетъ закрыть ее, пока не прочтетъ до самаго конца, до того она интересна, до того сильно захватываютъ васъ дѣйствующія лица. Поэтому, я указываю на эти возраженія только для тѣхъ, кто хочетъ составить себѣ ясное представленіе о томъ, что Достоевскій могъ сдѣлать, и что онъ сдѣлалъ.

Что касается второго пункта, «пророческой души», проявляющейся въ этой книгѣ, — это, пожалуй, самое замѣчательное ея свойство. Книга лѣтъ на шестьдясетъ впереди своего времени, впереди его въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ музыка Вагнера опередила свое — и это вѣрно не только по отношенію къ выведеннымъ личностямъ и къ положенію вещей, предсказанному и предчувствованному Достоевскимъ, но также и по отношенію къ идеямъ и философскимъ озареніямъ, которыми она полна. Когда она была издана, къ ней отнес-

лись, какъ къ грубой карикатурѣ, и даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда проф. Брюкнеръ впервые напечаталъ свою «Исторію Русской Литературы», онъ говорилъ объ этомъ произведеніи какъ о сатирѣ не на самый нигилизмъ, а на приспѣшниковъ, на мародеровъ, сопутствующихъ всякому движенію. «Достоевскій», говоритъ онъ, «описываетъ не героевъ, а Фальстафовъ, глупыхъ послѣдователей, на половину и даже совсѣмъ сумасшедшихъ приверженцевъ нигилизма; онъ былъ вполнѣ въ своемъ правѣ. Конечно, такіе нигилисты были, особенно между 1862 и 1869 гг., но были не одни такіе. Даже Нечаевъ, прототипъ Петрушки, поражаетъ насъ желѣзной энергіей и ненавистью въ высшимъ классамъ, которыхъ совершенно нѣтъ въ пустомелѣ и интриганѣ Петрушкѣ».

Есть извѣстная доля правды въ этой критикѣ; правда, что Достоевскій описывалъ Фальстафовъ и полу-сумасшедшихъ приверженцевъ движенія; но я увѣренъ, что онъ не описывалъ героевъ потому, что не вѣрилъ въ ихъ существованіе; онъ не вѣрилъ, что герои нигилизма были дѣйствительно героями; это ясно не только изъ этой книги, но изъ каждой строчки, написанной имъ о людяхъ, игравшихъ роль въ революціонномъ движеніи. Не только главное дѣйствующее лицо романа не пустомеля, но я бы сказалъ, что, можетъ-быть, поражаешься болѣе желѣзной энергіей этого лица, чѣмъ словами и дѣяніями его прототипа, или, вѣрнѣе, прототиповъ, въ дѣйствительной жизни. Самое удивительное то, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жизнь не дала намъ примѣровъ революціонеровъ, такихъ крайнихъ въ своей энергіи, своемъ безуміи, какъ описанные Достоевскимъ; она ихъ создала за послѣдніе четыре года *). Такимъ образомъ, Достоевскій не только съ пророческимъ прозрѣніемъ угадалъ, что, если только обстоятельства въ Россіи приведутъ къ общему возстанію, такія личности могутъ появиться и оказывать вліяніе, но его пророчество было оправдано фактами.

Какъ только обстоятельства сложились такимъ образомъ, какъ это произошло послѣ японской войны 1904 года, личности, подобныя тѣмъ, которыхъ онъ описалъ, немедленно стали во главѣ движенія, и сыграли руководящую роль. Когда Мельхіоръ де Вогюэ издалъ свою книгу «Le Roman Russe», говоря о «Бѣсахъ», онъ разсказывалъ, что присутствовалъ при разборѣ нѣкоторыхъ дѣлъ въ русскомъ судѣ, касавшихся анархистовъ, въ 1871 году, и что многіе изъ людей, противъ которыхъ они велись, и многія изъ преступленій, въ которыхъ они обвинялись, были идентичнымъ воспроизведеніемъ тѣхъ, которыя были придуманы Достоевскимъ. Если это

*) Книга написана въ 1909 году.

вѣрно по отношенію къ революціонерамъ 1871 года, оно еще вѣрнѣе по отношенію къ тѣмъ, которые дѣйствовали въ 1904—1905 годахъ. Мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ твердой увѣренности Достоевскаго, что все будетъ именно такъ, какъ онъ предвидѣлъ; привожу въ подтвержденіе слѣдующее мѣсто романа:

«Шигалевъ», говоритъ главное дѣйствующее лицо въ романѣ объ одномъ изъ послѣдователей революціонеровъ, «геніальный человѣкъ. Знаете ли, что это геній въ родѣ Фурье; но смѣлѣе Фурье, но сильнѣе Фурье; я имъ займусь. Онъ выдумалъ «равенство». У него хорошо въ тетради — у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, и всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а, главное, равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ; не надо высшихъ способностей. Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями — вотъ Шигалевщина. Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ Шигалевщина.... Я за Шигалева. Не надо образованія, довольно науки. И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ, но надо устроиться послушанію. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь — вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе — мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство. «Мы научились ремеслу и мы честные люди, намъ не надо ничего другого» — вотъ недавній отвѣтъ англійскихъ рабочихъ. Необходимо лишь необходимое — вотъ девизъ земного шара отселѣ. Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ должны быть правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу, и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ желаній. Желаніе и страданіе для насъ, а для рабовъ Шигалевщина... Мы сначала пустимъ смуту; я уже вамъ говорилъ: мы проникнемъ въ самый народъ. Знаете ли, мы ужъ и теперь ужасно сильны. Наши не тѣ только, которые рѣжутъ и жгутъ да дѣлаютъ классическіе вы-

стрѣлы или кусаются. Такіе только мѣшаютъ. Я безъ дисциплины ничего не понимаю. Я вѣдь мошенникъ, а не соціалистъ, ха-ха! Слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель, смѣющійся съ дѣтьми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью, уже нашъ. Адвокатъ, защищавшій образованнаго убійцу тѣмъ, что онъ развитѣе своихъ жертвъ и, чтобы денегъ добыть, не могъ не убить, уже нашъ. Школьники, убивающіе мужика, чтобъ испытать ощущеніе — наши. Присяжные, оправдывающіе преступниковъ сплошь, наши. Прокуроръ, трепещущій на судѣ, что онъ недостаточно либераленъ, нашъ, нашъ! Администраторы, литераторы, о, нашихъ много, ужасно много, и сами того не знаютъ. Съ другой стороны, послушаніе школьниковъ и дурачковъ достигло высшей черты; у наставниковъ раздавленъ пузырь съ желчью; вездѣ тщеславіе, размѣровъ непомѣрныхъ, аппетитъ звѣрскій, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы однѣми готовыми идейками возьмемъ? Я поѣхалъ — свирѣпствовалъ тезисъ Littré, что преступленіе есть помѣшательство; пріѣзжаю — и уже преступленіе не помѣшательство, а именно здравый-то смыслъ и есть, почти долгъ, по крайней мѣрѣ, благородный протестъ. «Ну, какъ развитому убійцѣ не убить, если ему денегъ надо?» Но это лишь ягодки. Русскій Богъ уже спасовалъ передъ дешевкой. Народъ пьянъ, матери пьяны, дѣти пьяны, церкви пусты, а на судахъ: «двѣсти розогъ, или тащи ведро». О, дайте возрасти поколѣнію! Жаль только, что некогда ждать, а пусть бы они еще попьянѣе стали. Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ пролетаріевъ, но будутъ, будутъ, къ этому идетъ...»

Въ этомъ революціонномъ символѣ вѣры Достоевскій выразилъ тотъ идеалъ, по которому поступали тысячи невѣжественныхъ людей въ Россіи, за послѣдніе три года. Все такъ-называемое хулиганство, которое началось послѣ войны, и, хотя значительно уменьшилось, благодаря широко распространенной системѣ военно-полевыхъ судовъ, но все еще продолжаетъ существовать — проистекаетъ изъ этого идеала, и послѣдователи его, — сознательные или безсознательные приверженцы этой вѣры. Потому что тотъ пролетаріатъ, существованіе котораго предвидѣлъ Достоевскій, теперь дѣйствительный фактъ, и бо̀льшая часть его была пропитана именно такими идеями; не весь, конечно. Я отнюдь не хочу сказать, что всякій русскій соціалъ-демократъ исповѣдуетъ такія мысли, но я хочу сказать, что онѣ существуютъ, и что большое количество людей поступало соотвѣтственно подобному ученію, лишь на половину переваренному ими; они погибли сами и губили другихъ, поступая такъ, и кончали на висѣлицѣ.

Такимъ образомъ романъ «Бѣсы», на который, при его появленіи, смотрѣли, какъ на грубую карикатуру, который затѣмъ, въ до-

вольно скоромъ времени, показался менѣе преувеличеннымъ, чѣмъ съ перваго взгляда — за послѣдніе три года и даже за послѣдній годъ, получилъ полное оправданіе себѣ, хотя бы той ролью, которую сыгралъ отецъ Гапонъ въ революціонномъ движеніи, или тѣми разоблаченіями, которыя были сдѣланы по поводу Азефа и ему подобныхъ. Всякому, кому трудно повѣрить въ существованіе того, что показалось на свѣтъ Божій послѣ разоблаченій Азефа, совѣтую прочитать «Бѣсы»; это прольетъ для него яркій свѣтъ на мотивы, руководящіе подобными людьми, и на обстоятельства, ихъ порождающія.

Основная мысль книги — показать, что вся сила тѣхъ, кто тогда были нигилистами, а теперь стали революціонерами (скажемъ максималистами), лежитъ не въ высокихъ догматахъ и теоріяхъ, исповѣдуемыхъ хорошо организованными обществами, а просто въ силѣ личности одного или двухъ людей, и въ особенной слабости большинства. Я говорю «особенной» съ намѣреніемъ. Конечно, нельзя сказать, что общее стадо, къ которому принадлежитъ большинство революціонеровъ, непремѣнно слабо само по себѣ; но я считаю, что хотя люди, составляющіе его, могутъ быть умны и сильны, сколько имъ угодно, у нихъ есть одна особенная слабость, которая, собственно говоря, есть общая слабость всѣхъ русскихъ людей. Но прежде чѣмъ дальше углубляться въ этотъ вопросъ, лучше указать на то, что Достоевскій, въ своихъ «Бѣсахъ», отмѣчаетъ у выведенныхъ нигилистовъ полное отсутствіе идейности; организація, вокругъ которой создается столько легендъ, на самомъ дѣлѣ состоитъ лишь изъ немногихъ мѣстныхъ клубовъ, а въ данномъ частномъ случаѣ — лишь изъ одного такого клуба. Всѣ эти центральные комитеты, исполнительные комитеты и т. д. существовали только въ воображеніи вожаковъ. Съ другой стороны, тѣ немногіе люди, которые были вожаками и господствовали надъ остальными, были холодны, какъ ледъ, и тверды, какъ сталь. Достоевскій намъ показываетъ, какъ эта особенная сила главарей дѣйствовала на особенную слабость послѣдователей; къ свойствамъ послѣдней мы и обратимся. Достоевскій объясняетъ ихъ въ самомъ началѣ книги. Описывая одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Шатова, невольнаго послѣдователя нигилистскихъ главарей, онъ говоритъ:

«Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, которыхъ вдругъ поразитъ какая-нибудь сильная идея, и тутъ же разомъ точно придавитъ ихъ собою, иногда даже навѣки. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а увѣруютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ, какъ бы въ послѣднихъ корчахъ, подъ свалившимся на нихъ и на половину совсѣмъ уже раздавившимъ его камнемъ».

Главное лицо въ книгѣ нѣкій Петръ Верховенскій, политическій агитаторъ. У него нѣтъ совѣсти, онъ изобрѣтателенъ и находчивъ въ высшей степени, уменъ, какъ чортъ, до глубины души эгоистъ, неудержимо честолюбивъ и твердъ какъ сталь. (Прототипомъ его былъ Нечаевъ, дѣйствительно существовавшій нигилистъ.) Стремленіе этого человѣка — создать безпорядокъ, и разъ онъ будетъ созданъ, захватить ту власть, которая неизбѣжно изъ этого безпорядка возникнетъ. Способы, какими онъ старается это осуществить, такъ же остроумны, какъ методы, изобрѣтенные Чичиковымъ, въ великомъ твореніи Гоголя. Придумавъ существованіе центральнаго комитета, представителемъ котораго служитъ онъ, Верховенскій, онъ образуетъ небольшой мѣстный комитетъ, состоящій изъ пяти человѣкъ, называемыхъ «пятеркою»; и онъ увѣряетъ одураченныхъ имъ людей, что цѣлая сѣть подобныхъ комитетовъ покрываетъ всю Россію. Онъ хочетъ захватить мѣстный комитетъ всецѣло въ свои руки и поработить своей волѣ его членовъ. Его конечная цѣль — создать такіе же комитеты повсюду, увѣривъ жителей во всякомъ новомъ мѣстѣ, что сѣть уже существуетъ вездѣ, и что всѣ комитеты работаютъ вполнѣ согласовано между собой, и въ полномъ подчиненіи центральному, находящемуся гдѣ-то за границей, и на самомъ дѣлѣ, конечно, не существующему. Покончивъ съ этимъ, его дальнѣйшая цѣль вызвать смуту въ крестьянствѣ и вообще въ массахъ; и въ этой общей смутѣ захватить власть. Можетъ быть, я слишкомъ точно опредѣляю его дальнѣйшія цѣли, тогда какъ въ книгѣ мы видимъ его дѣятельность только въ одномъ мѣстномъ комитетѣ. Но ясно изъ всего, что въ его головѣ живутъ крупные замыслы. Онъ не просто возбужденно суетится въ маленькой мѣстной сферѣ, такъ какъ всѣ остальныя лица въ романѣ, какъ бы они его ни ненавидѣли, соглашаются въ одномъ — что въ его холодной и эгоистичной натурѣ есть проблески дѣйствительнаго энтузіама. Способъ, которымъ онъ создаетъ себѣ послѣдователей въ окружающей средѣ и достигаетъ неограниченнаго вліянія надъ ними — это игра на той слабой струнѣ, на которую я уже указалъ, какъ на характерный признакъ Шигалевщины. Онъ играетъ на односторонности русской натуры, на томъ фактѣ, что какъ только одна идея захватываетъ цѣликомъ мозгъ извѣстнаго рода русскихъ идеалистовъ, какъ напримѣръ Шатова или Раскольникова, они уже теряютъ всякій контроль надъ ней. Онъ также играетъ на тщеславіи своихъ послѣдователей и на ихъ страхѣ показаться недостаточно передовыми.

«Самая главная сила — цементъ все связующій — это стыдъ собственнаго мнѣнія. Именно съ этакими и возможенъ успѣхъ. Я вамъ говорю, онъ у меня въ огонь пойдетъ, стоитъ только прикрикнуть

на него, что недостаточно либераленъ. Дураки попрекаютъ, что я всѣхъ здѣсь надулъ центральнымъ комитетомъ и «безчисленными развѣтвленіями». Вы сами разъ этимъ меня корили, а какое тутъ надуваніе: центральный комитетъ, — я да вы, а развѣтвленій будетъ сколько угодно».

Но по мѣрѣ того, какъ подвигается исполненіе его плановъ, этотъ цементъ, состоящій изъ тщеславія и страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, становится недостаточнымъ: ему нужно что-нибудь болѣе крѣпкое, чтобы связать воедино своихъ единомышленниковъ и чтобы сохранить ихъ подъ своимъ прямымъ и исключительнымъ контролемъ; такой спайкой должна служить кровь. Онъ, поэтому, убѣждаетъ свой комитетъ въ томъ, что одинъ изъ его членовъ, Шатовъ, о которомъ я уже говорилъ, шпіонъ. Этого достигнуть легко, такъ какъ Шатовъ вступилъ въ члены организаціи противъ воли. Онъ былъ вовлеченъ въ нее, когда былъ за границей, въ Швейцаріи; и при первомъ удобномъ случаѣ онъ заявляетъ, что не желаетъ имѣть никакого дѣла съ нигилистической пропагандой, онъ ей абсолютно не сочувствуетъ, будучи убѣжденнымъ славянофиломъ и противникомъ всякаго насилія. Петръ устраиваетъ ему ловушку. На одномъ изъ собраній комитета онъ спрашиваетъ каждаго изъ членовъ, способны ли они были бы, зная, что готовится политическое убійство, выдать человѣка, который долженъ его совершить. За однимъ лишь исключеніемъ, всѣ отвѣчаютъ отрицательно; они выдали бы всякаго убійцу, но не политическаго, такъ-какъ политическое убійство — не убійство. Когда вопросъ предложенъ Шатову, онъ отказывается отвѣчать. Петръ увѣряетъ остальныхъ въ томъ, что это доказательство его шпіонства, и что отъ Шатова надо отдѣлаться. Онъ хочетъ, чтобы члены комитета убили Шатова, и этимъ самымъ были неразрывно связаны съ нимъ, связаны страхомъ — другъ передъ другомъ и передъ нимъ. У него готовъ и дальнѣйшій планъ для того, чтобы приписать вину убійства Шатова другому лицу. Онъ встрѣтился съ инженеромъ Кирилловымъ. Этотъ человѣкъ тоже находится во власти одной идеи, подобно Раскольникову и Шатову, но съ той разницей, что его натура сильнѣе. Его идея та самая, которую много лѣтъ спустя высказалъ Ницше: это идея сверхъ-человѣка *). Кирилловъ маньякъ; единственная мысль, захватившая его вполнѣ — это мысль о самоубійствѣ. Онъ разсуждаетъ такъ: два предразсудка мѣшаютъ человѣку покончить съ собой; одинъ изъ нихъ неваженъ, другой очень важенъ; но и неважная причина имѣетъ большое значеніе: это страхъ

*) Характерно, что идею о сверхъ-человѣчествѣ Достоевскій вкладываетъ въ уста человѣка, страдающаго мономаніей.

физической боли. Выясняя свою идею, онъ даетъ слѣдующую аргументацію: если бы камень, величиной съ шестиэтажный домъ, висѣлъ надъ человѣкомъ, и послѣдній зналъ, что паденіе этого камня не причинитъ ему никакой боли, онъ, тѣмъ не менѣе, будетъ инстинктивно бояться этого паденія, какъ если бы оно причинило ему нестерпимую боль. Пока камень висѣлъ бы надъ нимъ, онъ былъ бы въ ужасѣ отъ того, не причинитъ ли ему этотъ камень боли своимъ паденіемъ; и ни одинъ, даже самый умный и ученый человѣкъ, не былъ бы свободенъ отъ этого ощущенія. Полная свобода наступитъ лишь тогда, когда для человѣка станетъ совершенно безразличнымъ, живетъ онъ или нѣтъ; къ этой цѣли нужно стремиться.

Вторая причина, и самая серьезная, препятствующая человѣку совершить самоубійство — это мысль о другомъ мірѣ. Для ясности я приведу полностью разговоръ Кириллова съ тѣмъ, кто разсказываетъ повѣсть; разговоръ ведется въ первомъ лицѣ.

— «Ну, а вторая причина-то?

— Тотъ свѣтъ.

— То есть наказаніе?

— Это все равно; тотъ свѣтъ, одинъ тотъ свѣтъ.

— Развѣ нѣтъ такихъ атеистовъ, что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ?

Опять онъ помолчалъ.

— Вы, можетъ-быть, по себѣ судите?

— Всякій не можетъ судить какъ по себѣ,—проговорилъ онъ покраснѣвъ. — Вся свобода будетъ тогда, когда будетъ все равно, жить или не жить. Вотъ всему цѣль.

— Цѣль? Да тогда никто, можетъ, и не захочетъ жить?

— Никто,—произнесъ онъ рѣшительно.

— Человѣкъ смерти боится, потому что жизнь любитъ, вотъ какъ я понимаю, замѣтилъ я,—и такъ природа велѣла.

— Это подло и тутъ весь обманъ!—глаза его засверкали.—Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любитъ, потому что боль и страхъ любитъ. И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно, жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ.

— Стало быть, тотъ Богъ есть же, по вашему?

— Его нѣтъ, но Онъ есть. Въ камнѣ боли нѣтъ, но въ страхѣ отъ камня есть боль. Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль

и страхъ, тотъ самъ станетъ богомъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, тогда все новое... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до...

— До гориллы.

— ...до перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ богомъ человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли, и всѣ чувства. Какъ вы думаете, перемѣнится тогда человѣкъ физически?

— Если будетъ все равно, жить или не жить, то всѣ убьютъ себя, и вотъ въ чемъ, можетъ быть, перемѣна будетъ?

— Это все равно. Обманъ убьютъ. Всякій, кто хочетъ главной свободы, долженъ смѣть убить себя. Кто смѣетъ убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Дальше нѣтъ свободы; тутъ все, а дальше нѣтъ ничего. Кто смѣетъ убить себя, тотъ богъ. Теперь всякій можетъ сдѣлать, что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Но никто еще ни разу не сдѣлалъ.

— Самоубійцъ милліоны были.

— Но все не затѣмъ, все со страхомъ и не для того. Не для того, чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ».

Въ этой послѣдней фразѣ заключена вся философія Кириллова. Онъ рѣшилъ убить себя просто для того, чтобы доказать себѣ и другимъ, что онъ не боится смерти; онъ поглощенъ этой идеей, и только этой идеей. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что люди несчастны просто оттого, что они не знаютъ, что они счастливы; это единственная причина.

«Кто узнаетъ, сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту».

Далѣе, онъ говоритъ:

«Люди нехороши, потому что не знаютъ, что они хороши. Когда узнаютъ, то не будутъ ужъ больше совершать преступленій. Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ же станутъ хороши, всѣ до единаго. Кто научитъ, что всѣ хороши, тотъ міръ закончитъ».

Тотъ, съ кѣмъ Кирилловъ разговариваетъ, возражаетъ ему:

— Кто училъ, того распяли.

— Онъ придетъ, и имя ему будетъ человѣко-богъ.

— Богочеловѣкъ?

— Человѣкобогъ, въ этомъ разница».

Такъ выражаетъ онъ свою вѣру въ сверхъ-человѣка.

Какъ только Петръ узнаетъ о постоянной мысли Кириллова, онъ беретъ съ послѣдняго обѣщаніе, что онъ приведетъ свою мысль въ исполненіе — разъ онъ все равно рѣшилъ кончить самоубійствомъ,

и ему совершенно безразлично, когда и гдѣ это сдѣлать, — тогда, когда это будетъ удобно ему, Верховенскому, и Кирилловъ соглашается, хотя онъ отнюдь не считаетъ себя связаннымъ съ Петромъ, хотя онъ видитъ послѣдняго насквозь: онъ ненавидѣлъ бы Петра, если бы не презиралъ его такъ сильно, что ненависти уже не оставалось мѣста. Но честолюбивые планы Петра не ограничиваются желаніемъ связать съ собой пять человѣкъ нерасторжимыми кровавыми узами; это только средство для достиженія своей цѣли. Цѣль, какъ я уже говорилъ выше, — вообще добиться власти. Кромѣ тѣхъ пяти человѣкъ, которыхъ онъ хочетъ сдѣлать своими рабами навсегда, у него есть еще крупный козырь на рукахъ. Этотъ козырь — главный герой романа, Николай Ставрогинъ. Онъ единственный сынъ вдовы-помѣщицы, воспитанный отцомъ Петра, старымъ, безобиднымъ и добрымъ радикаломъ; шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ училище, а потомъ на военную службу, и получилъ назначеніе въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ въ Петербургѣ. Какъ только онъ туда попалъ, онъ сталъ выдѣляться своими дикими и странными поступками. Онъ то, что въ Россіи называютъ *скандалистомъ*. Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, сь силой Геркулеса, съ пріятными, спокойными манерами, который отъ времени до времени давалъ себѣ волю, исполняя самыя дикія причуды, самые неожиданные и безумные капризы; въ такіе періоды онъ терялъ всякій контроль надъ собой. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ велъ образъ жизни принца Генриха съ Фальстафомъ, и его поступки возбуждали восеобщее вниманіе. Онъ давилъ людей своимъ экипажемъ, публично оскорбилъ даму съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ, наконецъ, у него произошли двѣ дуэли, при чемъ оба раза обидчикомъ былъ онъ; одного изъ противниковъ онъ убилъ, другого тяжело ранилъ. Вслѣдствіе этихъ поступковъ его судили военнымъ судомъ, лишили офицерскаго званія, и онъ былъ принужденъ служить простымъ солдатомъ въ пѣхотномъ полку. Но въ 1863 году ему представился случай отличиться, и черезъ нѣкоторое время офицерское званіе ему возвратили. Тутъ онъ вернулся въ провинціальный городъ, гдѣ происходятъ описанныя въ романѣ событія, и принялъ участіе въ организаціи Петра. Какъ я уже говорилъ, Петръ смотрѣлъ на него, какъ на свой главный козырь, благодаря силѣ его характера. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются крайнимъ выраженіемъ типа Люцифера въ русской литературѣ. Онъ гордъ и непреклоненъ, недоступенъ никакой слабости; нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы онъ боялся, и ничего такого, чего бы онъ не сдѣлалъ, если бы захотѣлъ. Онъ былъ способенъ совершить самыя дикія безумства, самые оскорбительные для другихъ поступки, но при этомъ вовсе не будучи

увлеченнымъ неудержимостью своей натуры, а какъ бы совершая всѣ эти поступки произвольно и сознательно. Онъ казался холоднымъ какъ ледъ, всегда невозмутимымъ и хладнокровнымъ; онъ былъ способенъ, когда захочетъ, проявить самообладаніе столь же поразительное, сколько поразительны взрывы его дикости. Петръ отлично зналъ, что нечего и надѣяться повліять на такого человѣка; Ставрогинъ видѣлъ его насквозь и презиралъ его. Въ то же время Петръ надѣялся вовлечь его въ свое предпріятіе, какъ и другихъ, а разъ ужъ это случилось бы, Ставрогинъ поневолѣ сталъ бы его главной опорой. Но именно на немъ разбивается весь планъ Петра. Ставрогинъ былъ женатъ на хромой, полусумашедшей дѣвушкѣ; женитьбу эту онъ скрывалъ, любилъ очень красивую дѣвушку Лизу, и самъ былъ любимъ ею. Петръ задумываетъ подговорить одного бродягу, бывшаго каторжника, способнаго на все, убить жену Ставрогина и пьяницу брата, съ которымъ она жила, а затѣмъ поджечь ту часть города, гдѣ находился ихъ домъ; онъ надѣется, что Ставрогинъ женится на Лизѣ, и тогда ужъ ему нельзя будетъ уйти изъ нигилистическаго общества, такъ какъ ему всегда будетъ грозить обвиненіе въ убійствѣ жены.

Ставрогинъ насквозь видитъ планъ Петра. Онъ открыто признается въ томъ, что онъ женатъ, и это признаніе, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть отъ него Лизу, усиливаетъ ея любовь къ нему. Тѣмъ не менѣе убиваютъ жену Ставрогина, и цѣлый кварталъ города выгораетъ. Когда Лиза спрашиваетъ Ставрогина, участвовалъ ли онъ въ убійствѣ, онъ отвѣчаетъ, что былъ противъ этого плана, но, хотя зналъ о томъ, что готовится, ничего не предпринялъ, чтобы этому помѣшать. Лизу тоже неожиданно убиваютъ; когда она приходитъ на мѣсто убійства жены Ставрогина, ее убилъ возбужденный человѣкъ изъ толпы, считавшій ее виновницей происшедшаго и думавшій, что она пришла издѣваться надъ жертвами. Послѣ этого Ставрогинъ умываетъ руки во всемъ дѣлѣ и покидаетъ городъ. Тутъ Петръ приводитъ въ исполненіе свои остальные планы. Шатовъ, убитъ, и Петръ приходитъ къ Кириллову, чтобы потребовать отъ него исполненія обѣщаннаго — т.-е. самоубійства. Онъ хочетъ, чтобы послѣдній передъ смертью написалъ письмо, въ которомъ было бы сказано, что онъ распространялъ революціонные памфлеты и прокламаціи, пользовался услугами бродяги, совершившаго убійство и поджогъ, и, наконецъ, что онъ убилъ Шатова за его предательство. Но Кирилловъ до этой минуты не зналъ, что Шатовъ умеръ, и отказывается писать что-либо о немъ. Тогда, ночью, начинается между ними борьба—это самая захватывающая глава книги, и можетъ быть, одна изъ самыхъ потрясающихъ, когда-либо написанныхъ. Петръ

боится, что его надежды на Кириллова не оправдаются, а Кирилловъ не хочетъ принимать участія въ его низости. Петръ играетъ на его тщеславіи, тонкими сарказмами доводитъ Кириллова до изступленія, такъ что онъ, наконецъ, соглашается на все, и, схвативъ револьверъ, уходитъ въ сосѣднюю комнату. Петръ ждетъ что̀ произойдетъ дальше. Проходитъ десять минутъ и Петръ, въ страшномъ волненіи, открываетъ дверь комнаты, въ которой заперся Кирилловъ. Кто-то бросается на него какъ дикій звѣрь; онъ захлопываетъ дверь со всей силы и прислушивается. Ничего не слышно; Петръ, будучи убѣжденъ теперь, что Кирилловъ не покончитъ съ собой, рѣшается убить его самъ, разъ что нужное ему письмо у него. Онъ знаетъ, что черезъ четверть часа догоритъ его свѣча, онъ знаетъ, что ему ничего не остается, кромѣ какъ убить Кириллова, и въ то же время онъ не хочетъ этого дѣлать.

Наконецъ, онъ беретъ въ правую руку револьверъ, въ лѣвую свѣчу. И лѣвой рукой отворяетъ дверь. Комната кажется пустой, и онъ думаетъ сперва, что Кирилловъ бѣжалъ; наконецъ, онъ замѣчаетъ, что послѣдній стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, между окномъ и шкапомъ, застывшій и неподвижный какъ привидѣніе. Петръ бросается къ нему; Кирилловъ остается неподвижнымъ, пристально глядя на Петра съ саркастической улыбкой на губахъ, какъ бы угадывая намѣреніе послѣдняго. Петръ, потерявъ самообладаніе, бросается на Кириллова, который выбиваетъ изъ его руки свѣчу и почти пополамъ перекусываетъ ему палецъ. Петръ бьетъ его по головѣ стволомъ револьвера, и, наконецъ, убѣгаетъ изъ комнаты. Пока онъ бѣжитъ, онъ слышитъ ужасные крики: «Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ»! Петръ бѣжитъ со всѣхъ ногъ, и, уже добѣжавъ до передней, онъ слышитъ выстрѣлъ; вернувшись назадъ, онъ видитъ, что Кирилловъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Этимъ, собственно говоря, заканчивается романъ. Петръ уѣзжаетъ въ Петербургъ и всѣ его продѣлки раскрываются; находятъ тѣло Шатова; заявленіе, написанное Кирилловымъ, сперва сбиваетъ полицію съ толка, но вскорѣ правда обнаруживается, такъ какъ всѣ заговорщики признаются, угнетаемые раскаяніемъ. Петръ спасается и уѣзжаетъ за границу. Николай Ставрогинъ возвращается изъ Петербурга домой; его никто не обвиняетъ въ участіи въ заговорѣ, такъ какъ всѣ заговорщики засвидѣтельствовали, что онъ съ ними ничего общаго не имѣлъ; тѣмъ не менѣе онъ вѣшается. Какъ я говорилъ раньше, главныя дѣйствующія лица романа, Ставрогинъ, Петръ, Шатовъ и Кирилловъ, которые казались грубыми карикатурами, когда романъ появился, не удивили бы никого изъ тѣхъ, кто имѣлъ дѣло съ современной революціонной Россіей. На самомъ дѣлѣ, Петръ

болѣе прототипъ Азефа, чѣмъ подражаніе Нечаеву; что касается Кириллова, то въ Россіи такихъ людей, охваченныхъ одной идеей — и *одной* идеей только—множество. Ставрогинъ тоже типъ, встрѣчающійся и въ русской исторіи. Въ немъ есть что-то, напоминающее Петра Великаго, но Петра, утратившаго свою мощь, и такихъ въ современной Россіи тоже много.

8. «Братья Карамазовы» *).

Замыселъ романа «Братья Карамазовы» занималъ Достоевскаго уже съ 1870 года, но онъ не начиналъ писать его до 1879 года, и, когда онъ умеръ въ 1881-мъ году, только половина романа была написана; онъ не дошелъ даже до того, что считалъ истиннымъ содержаніемъ своего произведенія. Въ немъ должна была быть описана жизнь великаго грѣшника, Алеши Карамазова; но когда Достоевскій умеръ, онъ написалъ только вступленіе, которое само по себѣ длинная книга; въ немъ онъ разсказываетъ намъ о воспитаніи своего героя, его средѣ, началѣ его жизни, и въ то же время разсказываетъ намъ о жизни его отца и братьевъ. Исторія двухъ братьевъ Алеши и ихъ отношеній къ отцу, сама по себѣ такъ богата событіями и мыслями, что Достоевскій умеръ, прежде чѣмъ дошелъ до развитія самого Алеши.

Отецъ — циничный развратникъ, совершенно не уравновѣшенный, тщеславный, болтливый — и глупый. Старшій сынъ Митя унаслѣдовалъ страстность отца, но въ немъ есть энергія его матери, первой жены старика Карамазова. Его натура не знаетъ дисциплины, и, такъ какъ его страсти не имѣютъ предѣловъ и не терпятъ узды, онѣ его ведутъ къ конечной катастрофѣ. Его душа — смѣсь огня и шлака, и этотъ шлакъ очищается только великимъ страданіемъ. Какъ Раскольникову, ему приходится искупать преступленіе. Случайно сложившіяся обстоятельства доказываютъ, что онъ убилъ отца. Все указываетъ на это, до такой степени, что когда читаешь книгу, не зная впередъ ея содержанія, все время колеблешься между сомнѣніемъ и увѣренностью, какъ если бы слѣдилъ за захватывающей исторіей какого-нибудь преступленія въ дѣйствительной жизни. Послѣ долгаго предварительнаго слѣдствія, допросовъ и суда, на которомъ прокуроръ и адвокатъ совершаютъ чудеса ораторскаго искусства, Митя осужденъ. Я не буду портить впечатлѣнія читателя, сказавъ ему заранѣе, виновенъ Митя или нѣтъ; потому что при чтеніи романа, возбуждается нѣчто большее, чѣмъ простое любопытство; этотъ вопросъ какъ бы ставитъ на пробу способности каж-

---

*) Французскій переводъ романа—сокращеніе; онъ совсѣмъ не полонъ.

даго судить о людяхъ, такъ многочисленны и удивительно живы психологическія данныя, приводимыя авторомъ. Къ тому же, вопросъ, убилъ Митя или нѣтъ, собственно говоря второстепенный; главный интересъ романа заключается, во-первыхъ, въ личности героя, которая цѣликомъ встаетъ передъ нами (хотя мы и не знаемъ еще тѣхъ переживаній, которыя предстоятъ ему послѣ осужденія); во-вторыхъ, въ главной идеѣ произведенія — борьбѣ съ матеріализмомъ; личность Алеши является частью этой борьбы. Матеріализмъ воплощенъ вторымъ братомъ Иваномъ, и очень большая часть книги посвящена трагедіи и кризису его жизни.

Умъ Ивана, какъ онъ самъ говоритъ, эвклидовскій и совершенно матеріалистическій. Невозможно, говоритъ онъ, любить людей, когда близко подойдешь къ нимъ, можно любить ихъ только издали. Люди отвратительны, и достаточнымъ доказательствомъ этого служатъ хотя бы тѣ страданія, которыя дѣти переживаютъ на землѣ. Въ то же время, его логическій умъ не находитъ ничего удивительнаго во всеобщемъ страданіи. Люди, говоритъ онъ, сами виноваты: имъ былъ данъ рай, а они захотѣли свободы и похитили огонь съ неба, зная что они вслѣдствіе этого будутъ несчастны; поэтому ихъ нечего жалѣть. Онъ знаетъ только, что страданія существуютъ, что никто не виноватъ, что одно вытекаетъ изъ другого совершенно просто, что все происходитъ изъ чего-нибудь, что все развивается съ правильностью математическаго уравненія. Но ему этого недостаточно: недостаточно знать, что одно просто и логично вытекаетъ изъ другого. Онъ хочетъ чего-то еще, онъ хочетъ, чтобы было возмездіе и отплата, иначе онъ убьетъ себя; и онъ не хочетъ, чтобы это возмездіе было гдѣ-то и когда-то въ вѣчности, а здѣсь, теперь, на землѣ, такъ, чтобы самому его видѣть. Онъ не страдалъ для того только, чтобы его личность, своими дурными дѣлами и страстями, способствовала удобренію той почвы, изъ которой въ далекомъ будущемъ возникнетъ какая-то гармонія. Онъ хочетъ видѣть своими глазами, какъ левъ ляжетъ рядомъ съ овцой. Главный камень преткновенія для него дѣти, страданія дѣтей. Если всѣмъ людямъ нужно страдать для того, чтобы своими страданіями создать вѣчную гармонію, какое дѣло до этого дѣтямъ? Объяснимо ли то, что они должны страдать и что это будто бы необходимо для достиженія вѣчной гармоніи? Онъ понимаетъ, что можетъ быть солидарность въ грѣхѣ между людьми, онъ понимаетъ идеи солидарности и возмездія, но онъ не можетъ понять этой солидарности въ грѣхѣ съ дѣтьми. Насмѣшникъ скажетъ, говоритъ онъ, что вѣдь и дѣти выростутъ и для нихъ будетъ довольно времени, чтобы нагрѣшить; но вѣдь пока-то они еще не выросли! Онъ понимаетъ, какая дрожь радости охватитъ весь міръ, когда все на небѣ

и на землѣ соединится въ одномъ крикѣ славословія, и всякое живое существо воскликнетъ: «Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои». И когда мать обниметъ человѣка, мучившаго и терзавшаго ея дѣтей, когда мучитель, мать и ребенокъ вмѣстѣ скажутъ: «Правъ Ты, Господи», тогда, разумѣется, исполнится полное откровеніе и все станетъ ясно. Можетъ быть, говоритъ онъ, если бы этотъ моментъ наступилъ, онъ бы самъ присоединился къ славословію, но онъ этого не хочетъ; пока еще есть время, онъ хочетъ оградить себя отъ этого и отрекается отъ всякой мысли о высшей гармоніи. Онъ считаетъ ее не стоющей самой маленькой слезы страдающаго ребенка; недостойной потому, что онъ эти слезы считаетъ непоправимыми, и для нихъ не можетъ быть возмездія; а если ихъ не возмѣстятъ, какая же можетъ быть гармонія? Дѣтскихъ слезъ вознаградить нельзя, такъ какъ возмездіе, т.-е. наказаніе тѣхъ, кто былъ причиной страданія — не есть награда. Наконецъ, онъ считаетъ, что мать не имѣетъ права простить обидчику дѣтей; она можетъ простить за свои собственныя страданія, но не имѣетъ права прощать за страданія дѣтей. А безъ такого прощенія не можетъ быть гармоніи. Изъ любви къ человѣчеству, онъ не желаетъ ея: онъ предпочитаетъ оставаться съ непоправимымъ зломъ, за которое нѣтъ возмездія. Онъ предпочитаетъ оставаться со своими неотомщенными и не имѣющими отомщенія обидами и со своимъ неустаннымъ возмущеніемъ. Даже если онъ неправъ, слишкомъ большая цѣна, говоритъ онъ, назначена за эту вѣчную гармонію. «Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію; не по карману нашему вовсе платить столько за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его, какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, а только билетъ почтительнѣйше ему возвращаю».

Логическимъ слѣдствіемъ философіи Ивана является эгоизмъ и матеріализмъ. Но всѣ его теоріи разбиваются благодаря тому, что ихъ доводитъ до логическаго конца полубратъ Карамазовыхъ, лакей Смердяковъ, который на практикѣ проводитъ мысль Ивана, и совершаетъ сперва убійство, затѣмъ самоубійство. Это — и тяжелая болѣзнь—вмѣстѣ подрываютъ философію Ивана. Его физическое здоровье можетъ поправиться, но видно, что его эпикурейскіе взгляды не могутъ долѣе существовать.

Рѣзко противоположенъ двумъ старшимъ братьямъ — третій, Алеша, герой книги. Онъ — одна изъ самыхъ прекрасныхъ и симпатичныхъ личностей, созданныхъ Достоевскимъ. У него простота «Идіота» безъ его наивности, и безъ ненормальности, являющейся у того слѣдствіемъ падучей. Онъ нормальный человѣкъ, совершенно

здоровый и разумный; онъ воплощеніе «кроткаго разума». Онъ Иванушка-дурачокъ, вовсе не будучи при этомъ дурачкомъ. Алеша, говоритъ Достоевскій, отнюдь не былъ фанатикомъ; онъ даже не былъ тѣмъ, что обыкновенно называютъ мистикомъ; онъ просто любилъ человѣчество, любилъ людей и всю свою жизнь вѣрилъ въ нихъ — и однако, никто его не принялъ бы за глупца или простеца. Въ немъ было что-то, ясно показывающее, что онъ не хочетъ быть судьей людямъ, не требуетъ права судить и не примѣняетъ его на дѣлѣ. Въ немъ есть одна замѣчательная черта, характерная и для самого Достоевскаго: обладая широкой терпимостью, онъ никогда не закрывалъ глаза на людскую злобу, на уродства жизни. Никто не могъ удивить или испугать его, даже когда онъ былъ ребенкомъ. Всякій, кто встрѣчался съ нимъ, любилъ его. Онъ никогда не старался завоевать любовь хитростью, расчетомъ или искусствомъ нравиться; онъ просто обладалъ даромъ заставлять людей любить себя. Это было что-то врожденное, и дѣйствовало прямо и сразу, совершенно естественно. Основой его характера былъ *реализмъ*. Будучи въ монастырѣ, гдѣ онъ провелъ часть своей юности, онъ вѣрилъ въ чудеса, но Достоевскій говоритъ:

«Чудеса реалиста никогда не смутятъ. Не чудеса склоняютъ реалиста къ вѣрѣ. Истинный реалистъ, если онъ не вѣрующій, всегда найдетъ въ себѣ силу и способность не повѣрить и чуду, а если чудо станетъ передъ нимъ неотразимымъ фактомъ, то онъ скорѣе не повѣритъ своимъ чувствамъ, чѣмъ допуститъ фактъ. Если же и допуститъ его, то допуститъ какъ фактъ естественный, но доселѣ лишь бывшій ему неизвѣстный. Въ реалистѣ не вѣра отъ чуда рождается, а чудо отъ вѣры. Если реалистъ разъ повѣритъ, то онъ именно по реализму своему долженъ непремѣнно допустить и чудо».

Религія Алеши, такимъ образомъ, основана на реализмѣ и не допускала «золотой середины». Какъ только онъ убѣдился, обдумавъ этотъ вопросъ, что Богъ и безсмертіе души существуютъ, онъ сказалъ себѣ: «Я хочу жить для будущей жизни, не допуская никакихъ компромиссовъ». И точно такъ же, если бы онъ убѣдился, что Бога и безсмертія души не существуетъ, онъ сдѣлался бы атеистомъ и соціалистомъ; такъ какъ Достоевскій утверждаетъ, что соціализмъ проблема не только соціальная, но и *атеистическая*. Это проблема воплощенія атеизма, Вавилонской башни, которую хотятъ построить безъ Бога, не для того, чтобы съ земли подняться на небо, а чтобы небо опустить на землю.

Алеша хочетъ всю жизнь провести въ монастырѣ, и цѣликомъ отдаться религіи; но ему не позволяютъ. У него есть въ монастырѣ духовный отецъ, старецъ Зосима. Этотъ образъ, написанный мощно и правдиво, поражаетъ насъ, какъ соединеніе святости, здраваго

смысла и теплой человѣчности. Онъ старый человѣкъ и умираетъ въ монастырѣ, но передъ смертью видится съ Алешей и велитъ ему покинуть монастырь навсегда; ему надлежитъ уйти въ міръ, жить въ міру и страдать. «Много будешь имѣть противниковъ, но и самые враги твои будутъ любить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь, ты жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь,—что важнѣе всего», говоритъ ему Зосима. Онъ долженъ уйти въ міръ и пережить много испытаній, такъ какъ онъ Карамазовъ, и микробъ сладострастія, бушующій въ крови этой семьи, есть и въ немъ. Онъ долженъ провести въ жизнь наставленіе о. Зосимы: «Не суди никого; смиреніе любовное—страшная сила, изъ всѣхъ страшнѣйшая, подобной которой нѣтъ ничего. Други мои, просите у Бога веселья, какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи; любите людей и въ грѣхѣ ихъ». Эти наставленія Алеша долженъ исполнять среди тяжкихъ испытаній. Какъ онъ это сдѣлаетъ — мы не знаемъ, такъ какъ книга кончается прежде, чѣмъ его испытанія начались; и единственное, что мы видимъ въ романѣ — это силу его вліянія, его мягкость и сердечность по отношенію къ страданіямъ его братьевъ, Мити и Ивана.

Большое несчастіе, что Достоевскій умеръ, не докончивъ это великое произведеніе, которое было бы его лучшимъ твореніемъ. Тѣмъ не менѣе, романъ нельзя считать неполнымъ, это большая картина жизни и, кромѣ того, онъ заключаетъ въ себѣ все цѣлое философіи и идей Достоевскаго. Даже будучи разсматриваемъ исключительно какъ романъ, какъ книга, которую читаешь лишь съ точки зрѣнія возбуждаемаго ею интереса, волненія о томъ, что случится дальше, «Братья Карамазовы» захватывающе интересны. Эту книгу, такимъ образомъ, можно рекомендовать и отшельнику, живущему на необитаемомъ островѣ, и желающему поразмыслить надъ чѣмъ-нибудь возвышеннымъ и глубокимъ, и философу, желающему обострить свою мысль о твердый точильный брусокъ, и человѣку страдающему, ищущему какого-нибудь цѣлительнаго бальзама, и просто человѣку, ѣдущему по желѣзной дорогѣ и желающему почитать интересную книгу, чтобы убить время.

9.

Этотъ опытъ изслѣдованія о Достоевскомъ (или, вѣрнѣе, попытка на опытъ), неизбѣжно эскизенъ и неполонъ. Я не только не касался его болѣе мелкихъ твореній, какъ-то «Бѣлыя Ночи», «Игрокъ», «Двойникъ», но я даже не упомянулъ о двухъ его длинныхъ рома-

нахъ, «Подростокъ» и «Униженные и Оскорбленные». Въ послѣднемъ, хотя и страдающемъ мѣстами нѣкоторой растянутостью и мелодраматичностью, звучитъ та же нота любви и скорби, какъ и во всякомъ другомъ изъ произведеній Достоевскаго; и есть въ этой книгѣ одинъ моментъ, который Робертъ Льюисъ Стевенсонъ считаетъ однимъ изъ самыхъ потрясающихъ эпизодовъ въ міровой литературѣ, и ставитъ его на ряду съ тѣмъ моментомъ, когда Антоній снимаетъ свой шлемъ, или когда Кентъ жалѣетъ умирающаго Лира. Я не остановился на этихъ менѣе важныхъ твореніяхъ потому, что для англійскаго читателя, незнакомаго съ Достоевскимъ, подробный и точный анализъ его произведеній былъ бы скученъ. Я только указалъ на самыя главныя общія черты, чтобы дать читателю возможность рѣшить, желаетъ ли онъ ближе познакомиться съ творчествомъ Достоевскаго. Моей цѣлью было лишь пріоткрыть дверь, а не служить проводникомъ и показывать всѣ комнаты дома. Если я внушилъ читателю желаніе въ этотъ домъ войти, я могу считать свою задачу выполненной. Если ему нужны болѣе освѣдомленные проводники и болѣе полные путеводители, — онъ ихъ найдетъ во множествѣ, но путеводители и проводники безполезны человѣку, не желающему осматривать страну, о которой они разсказываютъ. А моей цѣлью было дать, въ самыхъ широкихъ чертахъ, очеркъ страны лишь для того, чтобы путникъ могъ рѣшить, стоитъ ли брать билетъ и отправляться въ путешествіе. Если онъ рѣшитъ, что путешествіе интересно и стоитъ затратить на него время и трудъ, я бы ему посовѣтовалъ начать съ «Записокъ изъ Мертваго Дома», и продолжать «Преступленіемъ и Наказаніемъ», «Идіотомъ» и «Братьями Карамазовыми» и, наконецъ, «Бѣсами». Если онъ пойметъ и оцѣнитъ «Записки изъ Мертваго Дома», онъ можетъ оцѣнить и понять личность Достоевскаго и главныя идеи, лежащія въ основѣ этой книги. Если онъ способенъ понять и оцѣнить «Идіота», онъ сможетъ оцѣнить и все творчество Достоевскаго. Но если онъ начнетъ прямо съ «Бѣсовъ» или съ «Преступленія и Наказанія», эти произведенія, можетъ-быть, оттолкнутъ его, и онъ откажется отъ дальнѣйшаго чтенія; точно такъ же, какъ человѣкъ, впервые взявшій въ руки Шекспира и начавшій сразу съ «Короля Лира», могъ бы рѣшить, что продолжать не стоитъ и сталъ бы искать болѣе веселаго автора, а сдѣлавъ это онъ много потерялъ бы, такъ какъ человѣкъ, котораго оттолкнетъ «Король Лиръ», вполнѣ можетъ оцѣнить не только «Венеціанскаго купца», но и «Генриха IV» и «Зимнюю сказку».

Если кто-нибудь захочетъ кратко выразить то, что было миссіей Достоевскаго для его поколѣнія и для всего міра, онъ можетъ сдѣлать это въ двухъ словахъ: его миссіей были любовь и жалость. Лю-

бовь, которую мы находимъ въ его твореніяхъ, такъ велика, такъ добра, такъ переполняюща, что нельзя найти ей равной ни въ древней, ни въ современной литературѣ. Она человѣчна — и болѣе чѣмъ человѣчна — она божественна. Если предположить, что Евангеліе святого Іоанна вдругъ было бы уничтожено и потеряно для насъ навсегда, хотя ничто, конечно, не могло бы его замѣнить, творчество Достоевскаго, болѣе, чѣмъ творчество какого-либо европейскаго автора, могло бы приблизиться къ нему *). Это любовь, которая все видитъ и которую ничто не отталкиваетъ. Это та любовь, которую почувствовалъ святой, нашедшій умирающаго отъ холода и голода нищаго и обнимавшій и грѣвшій его, хотя послѣдній былъ покрытъ язвами — и награжденный превращеніемъ нищаго въ Спасителя, поднявшаго его съ собой въ безконечныя небесныя пространства.

Достоевскій говоритъ намъ, что самый совершенный изъ его типовъ, Алеша — былъ реалистомъ, и этимъ былъ онъ самъ. Онъ былъ реалистомъ въ истинномъ смыслѣ слова, а потому былъ полной противоположностью тѣмъ людямъ, которые пишутъ грязныя повѣсти, гдѣ указываютъ на нѣкоторыя возмутительныя подробности жизни, останавливаются на нихъ, и на этомъ основаніи называютъ себя реалистами. Онъ видѣлъ жизнь, какой она была въ дѣйствительности, никогда не закрывалъ глазъ и не отворачивался ни отъ чего уродливаго, грязнаго, больного, жестокаго или озлобленнаго; но чѣмъ глубже онъ всматривался въ уродливыя явленія, тѣмъ сильнѣе онъ вѣрилъ въ существованіе скрытаго за ними добра; выражаясь кратко, чѣмъ болѣе онъ понималъ безобразіе и грѣховность жизни, тѣмъ болѣе онъ вѣрилъ въ Бога. Поэтому, какъ я уже не разъ говорилъ въ этой главѣ, хотя онъ описываетъ глубочайшія бездны человѣческаго горя, отчаянія и страданія, его книги — крикъ торжества, радостный трубный гласъ, осанна Божьей славѣ и Божьему милосердію. Глубокая бездна лежитъ между Достоевскимъ и тѣми авторами, которые дѣлаютъ изъ своего искусства циничную лабораторію, гдѣ пороки и язвы—и только пороки и язвы—разсѣкаются и разсматриваются не въ микроскопъ, а въ увеличительное стекло, отъ чего происходитъ совершенно извращенное и преувеличенное представленіе о жизни. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что большинство его героевъ ненормальные люди: мономаны, убійцы, эпилептики. Но

---

*) Эта фраза была невѣрно понята многими критиками и читателями. Я хочу сказать, что христіанскія любовь и милосердіе, проповѣдуемыя св. Іоанномъ, отражены полнѣе и яснѣе въ произведеніяхъ Достоевскаго, чѣмъ въ произведеніяхъ какого-либо другого писателя.

именно въ трактовкѣ этихъ типовъ раскрывается все величіе Достоевскаго, такъ какъ въ противоположность многимъ писателямъ, показывающимъ намъ нездоровыя черты въ самыхъ здоровыхъ людяхъ, ищущимъ больное мѣсто въ самомъ здоровомъ тѣлѣ, трещины въ прекрасномъ рубинѣ и признаковъ увяданія въ свѣжемъ цвѣткѣ — онъ ищетъ и находитъ здоровье въ больномъ, свѣтлыя черты въ самой озлобленной душѣ, золото въ темномъ рудникѣ, жемчужину въ грязной навозной кучѣ, родникъ въ безотрадной пустынѣ. Показывая намъ человѣчество въ самой темной безднѣ ужаса, описывая высшую степень отчаянія человѣческой души, онъ совершаетъ великое дѣло вѣры, дѣло милосердія, и оказываетъ великое благодѣяніе людямъ. Описывая душевную боль ненормальныхъ страдальцевъ, онъ доказываетъ намъ существованіе добра даже въ этихъ людяхъ, доказываетъ добро и пользу самаго страданія, и, ведя насъ въ самую мрачную темницу, онъ освѣщаетъ ее такимъ яркимъ лучомъ безконечной любви и свѣта, какого никто другой намъ не показалъ.

Съ другой стороны, Достоевскій далекъ и отъ тѣхъ писателей (какихъ много у насъ въ Англіи), которые накидываютъ покрывало на все дурное, закрываютъ глаза и, такъ какъ существованіе зла имъ непріятно, отказываются видѣть и признать его. Такое отношеніе является прямымъ результатомъ сознательнаго или безсознательнаго лицемѣрія. Въ душѣ Достоевскаго не было и тѣни лицемѣрія, а потому такое отношеніе къ жизни было для него совершенно немыслимымъ.

Достоевскій реалистъ и видитъ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительной жизни, отъ самыхъ важныхъ до самыхъ обыденныхъ. Онъ свободенъ отъ всякаго притворства, моральнаго или политическаго, свободенъ отъ всякихъ классовыхъ и кастовыхъ предразсудковъ. Для него невозможно думать, что если человѣкъ, напримѣръ, революціонеръ, такъ онъ непремѣнно долженъ быть болѣе мужественнѣ, чѣмъ всѣ остальные, или если онъ консерваторъ, то непремѣнно болѣе жестокъ, чѣмъ другіе, точно такъ же какъ онъ не можетъ думать обратнаго и считать, что консерваторъ не можетъ не быть порядочнымъ, или что революціонеръ непремѣнно долженъ быть негодяемъ. Онъ судитъ людей и событія, какъ они есть, совершенно независимо отъ ярлыковъ, которые они наклеиваютъ на свои политическія убѣжденія. Вотъ почему, никто, кто по натурѣ своей доктринеръ*),

---

*) Подъ доктринеромъ я подразумѣваю не человѣка, имѣющаго сильные принципы и убѣжденія, а такого, который произвольно закрываетъ глаза на все, что противорѣчитъ его теоріямъ, и дѣлаетъ это до конца, даже если результаты такого поведенія противоположны его цѣлямъ.

не можетъ оцѣнить творчества Достоевскаго и наслаждаться имъ, такъ какъ всякій, основывающій свое поведеніе на опредѣленной теоріи, не можетъ не быть поминутно непріятно поражаемъ убѣжденіями Достоевскаго, основанными на дѣйствительности, и на одной только дѣйствительности. Достоевскій видитъ и охватываетъ все, что существуетъ. Существованіе зла, уродства и страданія вдохновляетъ его лишь однимъ чувствомъ — жалостью, и его жалость похожа на ту, которую Король Лиръ испытываетъ въ степи, когда онъ говоритъ:

Вы бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую,
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
Имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ небо!

Достоевскій имѣлъ право говорить такія вещи, потому что всю свою жизнь онъ не только имѣлъ возможность испытать, но и дѣйствительно испыталъ все то, что переживаютъ самые несчастные люди; потому что онъ могъ бы сказать, какъ король Лиръ Корделіи:

Но я прикованъ къ огненному кругу,
И плачу я, и эти слезы жгутся
Такъ, какъ свинецъ растопленный.

Что касается политическихъ воззрѣній Достоевскаго, онъ ихъ собралъ и высказалъ въ рѣчи, произнесенной въ іюнѣ 1880 года въ Москвѣ въ память Пушкина:

«...Нѣтъ, положительно, скажу, не было поэта съ такой всемірной отзывчивостью, какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому чудесномъ, потому что нигдѣ, ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а, по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея, въ конечныхъ цѣляхъ своихъ, ко всемірности и ко

всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ же, какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ, что уже было, произошло, что уже явилось воочію? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній, и европейской науки... Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому. Мы не враждебно (какъ, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовью приняли въ душу нашу геніи чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ почти съ самаго перваго шага различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ уже выказать готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію, со всѣми племенами великаго арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше, есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго арійскаго племени такъ же дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей... И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т.-е., конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значитъ: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстивъ въ нее съ братской любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное Слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову Евангельскому закону».

Этого достаточно для характеристики политическихъ и нравственныхъ воззрѣній Достоевскаго; остается коснуться еще одного,— его значенія какъ писателя, художника, какъ автора книгъ, и мѣста, занимаемаго имъ въ русской и міровой литературѣ. Это, мнѣ кажется, опредѣлить нетрудно. Достоевскій, несмотря на универсальность

своей натуры, на даръ симпатіи, пониманія, ассимилированія, былъ лишенъ способности смотрѣть на жизнь спокойно, видѣть ее въ цѣломъ, благодаря страстности и неуравновѣшенности своей натуры; то и другое было въ большой степени результатомъ его болѣзни. Главный недостатокъ его дарованія, его личности и его твореній — отсутствіе пропорціи. Его повѣсти часто безформенны и событія, описанныя въ нихъ, иногда фантастичны и необычайны, до предѣловъ безумія. Тѣмъ не менѣе, его прозрѣніе жизни и мощность выраженія его уравновѣшиваютъ своей интенсивностью, глубиной и проникновеніемъ, то, чего недостаетъ его произведеніямъ въ спокойствіи и въ ширинѣ взглядовъ. Онъ не могъ смотрѣть на міръ со спокойствіемъ Софокла или Шекспира; онъ не могъ нарисовать широкой и ясной панорамы жизни, лишенной всякаго преувеличенія, какъ Толстой. Но зато онъ создалъ и понялъ такія высоты и такія глубины человѣческой души, которыя лежали далеко за предѣлами пониманія Толстого, и даже Шекспира. Его положеніе по отношенію къ Толстому и къ другимъ великимъ писателямъ напоминаетъ положеніе Марло по отношенію къ Шекспиру. Пьесы Марло, по сравненію съ пьесами Шекспира, похожи на рядъ бурныхъ фугъ, сыгранныхъ на органѣ, обладающемъ лишь небольшимъ количествомъ потрясающихъ регистровъ, по сравненію съ тѣми же фугами, исполненными разнообразными струнными инструментами, передающими самые тонкіе оттѣнки и переливы музыкальной фразы. Но временами органъ, своими громовыми басовыми нотами и парящими высокими звуками, достигаетъ такой интенсивности, которой не можетъ достигнуть ни одинъ струнный инструментъ; такъ временами Марло, напримѣръ, въ сценахъ, когда Елена появляется Фаусту, или когда Зенократъ высказываетъ свою страсть, или когда Фаустъ считаетъ минуты до полуночи, ожидая въ агоніи ужаса появленія Мефистофеля, или когда Эдуардъ II стоитъ лицомъ къ лицу со своими убійцами, — доходитъ до такого невыразимаго восторга и до такой глубокой трагичности, какихъ мы не найдемъ даже у Шекспира. Такъ и Достоевскій: его геній взлетаетъ выше и опускается глубже, чѣмъ геній какого-либо другого писателя, русскаго или европейскаго, и то, что онъ, такимъ образомъ, выигрываетъ въ интенсивности, онъ теряетъ въ ясности, равновѣсіи и покоѣ. Такимъ образомъ, хотя Достоевскій, какъ человѣкъ, обладалъ универсальностью, онъ не такой универсальный художникъ, какъ Шекспиръ и даже какъ Толстой, хотя у него и есть чисто Шекспировская черта, именно умѣніе находитъ «душу добра въ дѣяніяхъ зла». Однако, какъ писатель, онъ достигъ до послѣднихъ предѣловъ человѣческаго восторга, отчаянія и страданія и выразилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ; онъ высказалъ самыя драгоцѣнныя слова ми-

лосердія, когда-либо услышанныя въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ было написано Евангеліе. Въ этомъ человѣкѣ соединились любовь святого Іоанна съ огнемъ и страстностью демона, но добро въ немъ торжествовало надъ зломъ. Онъ былъ мученикомъ; но хоть и «прикованный къ огненному колесу», онъ продолжалъ утверждать, что жизнь хороша и никогда не переставалъ восклицать: «Осанна Творцу, ибо Онъ справедливъ». Поэтому Достоевскій нѣчто большее, чѣмъ русскій писатель: онъ *братъ* для всего человѣчества, а особенно для тѣхъ, кто отчаивается, страдаетъ и угнетенъ. У него великіе союзники: его друзьями были восторгъ, страданіе, любовь и непобѣдимый духъ человѣка.

Гл. VII. Пьесы Чехова.

Антонъ Чеховъ извѣстенъ въ Россіи преимущественно какъ авторъ мелкихъ разсказовъ. Онъ своего рода русскій Мопассанъ, но безъ мощной горечи французскаго писателя и безъ того свойства, которое французы называютъ «цинизмомъ», но которое на самомъ дѣлѣ значитъ просто распущенность *).

Разсказы Чехова, по большей части, взяты изъ жизни среднихъ классовъ — мелкихъ помѣщиковъ, низшаго чиновничества и людей свободныхъ профессій. Толстой, говорятъ, сказалъ о Чеховѣ, что онъ фотографъ, очень талантливый, но только фотографъ. Но у Чехова есть свойство, которое врядъ ли можно найти среди фотографовъ — юморъ. Его разсказы часто очаровательно смѣшны. Часто также они полны глубокой грусти; но всѣ они обладаютъ спеціально-русскимъ качествомъ — простотой и естественностью. Онъ никогда не подчеркиваетъ свои эффекты, никогда не подталкиваетъ читателя локтемъ. Есть, однако, извѣстная доля правды въ критикѣ Толстого. Чеховъ не рисуетъ широкой кистью Веласкеца, его разсказы не обладаютъ яркой, смѣлой красочностью разсказовъ Мопассана; они написаны мягкими красками и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они напоминаютъ послѣднія побѣды развившейся художественной фотографіи, — тонкими эффектами свѣта и тѣни, нѣжными переливами тоновъ и полутоновъ, ускользающей игрой воздуха.

Помимо своихъ художественныхъ достоинствъ и недостатковъ, творчество Чехова исторически важно и интересно. Онъ представитель періода застоя въ русской жизни и въ русской литературѣ. Этотъ періодъ смѣнилъ собой эпоху дѣятельности, наступившей послѣ русско-турецкой войны. Творенія Чехова отражаютъ въ себѣ реакцію застоя, наступившаго послѣ періода кипѣнія; они рисуютъ тѣ классы общества, которые являются естественными участниками политической жизни, но во времена Чехова были такъ же естественно отъ нея отдалены. Вслѣдствіе такого положенія эти люди бились

---

*) Два тома избранныхъ разсказовъ Чехова были прекрасно переведены на англійскій г. Лонгъ.

сѣрыми крыльями своихъ стремленій въ пустынѣ. Средній классъ, высоко образованный и даже черезчуръ образованный, стремящійся къ политической свободѣ, и видя свои стремленія тщетными — дѣлалъ одно изъ двухъ: или погружался въ безплодную тоску, или старался извлечь изъ своего положенія лучшее. Первое иногда доводило до политическаго убійства, второе, въ большинствѣ случаевъ, сводилось къ изгнанію изъ головы больныхъ вопросовъ и къ игрѣ въ винтъ. Половина среднихъ классовъ въ Россіи, какъ мнѣ говорилъ разъ одинъ человѣкъ, дошла до одурѣнія, играя въ винтъ. Но что же имъ было дѣлать другого?

Чеховъ, лучше чѣмъ кто-либо изъ другихъ писателей, обрисовалъ состояніе ума, природныя свойства и переживанія людей своего поколѣнія; Тургеневъ такъ же описалъ предыдущее, т.-е. стремленія и жизнь людей шестидесятыхъ годовъ, этой бурной эпохи, высшимъ достиженіемъ которой было освобожденіе крестьянъ. И нигдѣ нельзя почувствовать и понять лучше настроеніе, запахъ восьмидесятыхъ годовъ, чѣмъ въ пьесахъ Чехова, такъ какъ въ нихъ мы не только находимъ самыя оригинальныя стороны его творчества, но въ нихъ выразилась квинтессенція духа, настроенія людей его поколѣнія, того, что далъ имъ Zeitgeist.

Прежде, чѣмъ приступить къ разбору драматическихъ произведеній Чехова, необходимо сказать нѣсколько словъ о русской сценѣ вообще. Главное явленіе русской сцены, отличающее ее отъ нашей и отъ сцены какой-либо другой европейской страны, — это отсутствіе современной французской традиціи. Традиція «хорошо составленной» французской пьесы, придуманная Скрибомъ, не существуетъ и никогда не существовала въ Россіи.

Во-вторыхъ, не существуютъ и борцы противъ нея, разрушители и реформаторы этой традиціи, такъ какъ имъ нечего разрушать или реформировать. Въ Россіи натуралистическимъ школамъ никогда не приходилось возставать съ громкими трубными кликами, возглашать, что онѣ собираются уничтожить условность и искусственность сцены, и давать зрителямъ картины реальной жизни, вмѣсто дѣтскихъ сентиментальностей и китайскихъ загадокъ. Если бы кто-нибудь въ Россіи вздумалъ такъ поступить, онъ стучался бы въ широко-раскрытыя двери. Русская драма, подобно русскому роману, всегда исполняла одно дѣло: описывала жизнь такъ, какъ она ее видѣла, и возможно просто; никому въ голову не могло прійти поднимать по этому поводу шумъ, какъ это дѣлали на Западѣ.

Вотъ почему въ Россіи никогда не было натуралистической школы. Русскіе — природные реалисты; имъ не приходится выдвигать реализмъ своимъ знаменемъ, такъ какъ реализмъ — воздухъ,

которымъ они дышатъ, кровь, текущая въ ихъ жилахъ. То, что въ другихъ странахъ шло подъ знаменемъ реализма и натурализма, для нихъ казалось погоней за эффектомъ. Даже Ибсенъ, великая заслуга котораго заключалась въ томъ, что, изучивъ всѣ сноровки Скриба и его послѣдователей, онъ разрушилъ всю ихъ систему и создавалъ такъ же искусно, какъ и они, комедіи и трагедіи изъ драматическихъ событій дѣйствительной жизни — даже Ибсенъ не имѣлъ большого вліянія въ Россіи; русскаго драматурга не столько интересуютъ потрясающія драмы жизни, сколько самая жизнь, обыкновенная, ежедневная жизнь, которую мы всѣ знаемъ. «Я иду въ театръ, — сказалъ мнѣ одинъ русскій, — чтобы видѣть то, что вижу ежедневно». И въ этомъ заключается основная разница между русской драмой и драмой другихъ странъ.

Драматурги всѣхъ другихъ странъ, будь они англичане, нѣмцы, французы или норвежцы, будь они приверженцы школы Ибсена или той, которая воздвигла свой храмъ въ театрѣ Антуана въ Парижѣ, имѣли одну общую черту: они или возставали и боролись противъ чего-нибудь, какъ норвежскіе драматурги, или стремились доказать какой-нибудь тезисъ, какъ Александръ Дюма сынъ, школа театра Антуана или Б. Шоу; иначе говоря, они всѣ были движимы какой-нибудь опредѣленной цѣлью; сцена для нихъ была своего рода каѳедрой.

Это особенно замѣтно въ англійскомъ театрѣ, и англійская публика больше всего наслаждалась, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, проповѣдью со сцены, съ нѣкоторой примѣсью рискованныхъ положеній. Русская сцена никогда не занималась проповѣдью или доказательствомъ извѣстныхъ тезисовъ: какъ русскій романъ, она была зеркаломъ, служившимъ нуждамъ публики, а не каѳедрой, служившей нуждамъ автора. Это особенно ясно проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда переводную пьесу ставятъ на русской сценѣ. Напримѣръ, когда пьеса Б. Шоу «Профессія г-жи Варренъ» была поставлена на Императорской сценѣ въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1907 года, отношеніе къ ней публики и критики было въ высшей степени интереснымъ. Во-первыхъ, то, что эта пьеса была поставлена на Императорской сценѣ, уже ярко показываетъ разницу отношенія обѣихъ странъ къ театру. Въ Англіи постановка этой пьесы воспрещена, въ Америкѣ ее провалила возмущенная и обиженная публика; въ Петербургѣ она была поставлена въ театрѣ, считающемся храмомъ порядочности, цитаделью консерватизма и убѣжищемъ традиціи. Въ публикѣ присутствовало много незамужнихъ дѣвушекъ. Пьеса была великолѣпно сыграна, хорошо принята публикой, но никому въ голову не пришло, что она можетъ быть смѣлой, опасной или чѣмъ-либо поражающей;

ее сочли просто за картину англійской жизни и англійскихъ нравовъ. Нѣкоторые нашли ее интересной, другіе нѣтъ, но почти всѣ согласились съ тѣмъ, что она слишкомъ театральна для русскаго вкуса; а что касается возможности смотрѣть на нее, какъ на произведеніе, могущее создать эпоху въ области мысли — то смѣялись надъ одной мыслью объ этомъ.

Эти мнѣнія отразились въ печати. Въ одной изъ газетъ, либеральномъ органѣ, издававшемся проф. Милюковымъ, театральный критикъ говорилъ, что Бернардъ Шоу — типичный представитель англійскихъ среднихъ классовъ, написавшій сатиру на недостатки и сумасбродства своей среды, но что онъ самъ принадлежалъ къ тѣмъ, надъ кѣмъ смѣялся, и раздѣлялъ ихъ недостатки. «Пьеса», писалъ онъ, «типичная среднеклассная англійская пьеса, и она страдаетъ недостатками, присущими этого рода англійскимъ произведеніямъ: фальшивостью чувствъ и мелодраматичностью».

Другая газета, «Русь», писала слѣдующее: «Въ Англіи считаютъ Бернарда Шоу какимъ-то «enfant terrible»; въ Россіи мы смотримъ на него, какъ на писателя,—только какъ на писателя,—не лишеннаго нѣкоторыхъ передовыхъ идей. По нашему мнѣнію его пьеса не принадлежитъ ни къ крайней правой, ни къ крайней лѣвой драматической литературы; она является выраженіемъ умѣренныхъ идей, присущихъ центру, и доказательствомъ тому служитъ ея постановка на нашей Императорской сценѣ, которая, на нашъ взглядъ, очагъ и пріютъ всего отсталаго и почтеннаго» *).

Таково мнѣніе газетной критики о пьесѣ г. Шоу; оно болѣе или менѣе отражаетъ взгляды средней публики. Почти все европейское драматическое искусство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и норвежскихъ пьесъ, производитъ на русскую публику впечатлѣніе театральности и искусственности. Если бы русскій авторъ написалъ: «Профессію г-жи Варренъ», онъ никогда не ввелъ бы сцены между Крофтсомъ и Виви, происходящей въ концѣ третьяго дѣйствія, такъ какъ эта сцена для русскихъ пахнетъ мелодрамой. Съ другой стороны, онъ безъ колебаній изобразилъ бы на сценѣ, со всѣми подробностями, обстановку большой гостиницы на континентѣ, откуда ведетъ свое происхожденіе г-жа Варренъ. Но, какъ я уже сказалъ выше, русскаго драматурга интересуютъ не крупныя катастрофы, выдающіяся изъ обыкновенной жизни, а событія, иногда важныя, иногда тривіальныя, а иногда и смѣшныя, происходящія

*) Театральныхъ критиковъ этихъ газетъ нельзя считать Вильямами Аргерами, Жюлями Леметрами, Фагэ русской критики, если таковые, вообще, существуютъ. Я никогда не встрѣчалъ ничего особенно интереснаго въ ихъ статьяхъ; зато они, пожалуй, вѣрнѣе отражаютъ общественное мнѣніе.

съ каждымъ человѣческимъ существомъ, въ каждый моментъ его жизни*). И нигдѣ это не сказывается такъ ярко, какъ въ творчествѣ Чехова, такъ какъ, хотя его пьесы,—до сихъ поръ еще не открытыя англичанами, и которыя скоро станутъ въ Россіи старомодными—не являются отраженіемъ состоянія современныхъ русскихъ умовъ, однако, поскольку дѣло идетъ объ ихъ художественномъ замыслѣ, онѣ болѣе интенсивно типичны и болѣе удачно выполнены, чѣмъ произведенія какого-либо другого русскаго драматурга.

Чеховъ написалъ всего 11 пьесъ; изъ нихъ 6 — шутки въ одномъ дѣйствіи, а 5 — серьезныя драмы. Мелкія комедіи въ одномъ дѣйствіи иногда очень смѣшны, но незначительны; Чеховъ нашелъ самого себя и далъ міру нѣчто новое и оригинальное въ своихъ серьезныхъ драматическихъ произведеніяхъ. Оригинальность Чехова заключается не въ его реализмѣ; другіе драматурги — многіе французы, напримѣръ, — писали интересныя пьесы, рисующія драматическія событія, происходящія съ дѣйствительными людьми въ дѣйствительной жизни. Чеховъ же открылъ, что реальная жизнь, такая, какой мы ее видимъ ежедневно, можетъ быть на сценѣ столь же интересной, сколько катастрофы или затрудненія, болѣе или менѣе исключительныя, которыя авторъ выбираетъ для своихъ произведеній, именно вслѣдствіе ихъ драматичности. Чеховъ понялъ, что дѣйствительная жизнь вовсе не должна быть исключительно драматичной, чтобы быть интересной; или, иначе говоря, что обыденная жизнь можетъ быть на сценѣ столь же драматична — если подъ «драматична» подразумѣвать «интересна» — какъ и необыкновенныя событія и положенія. Онъ понималъ, что событія, происходящія съ нами каждый день, интересующія и поражающія насъ, но о которыхъ мы и не подумали бы сказать, что они драматичны, могутъ быть интересны на сценѣ въ такой же степени, какъ и самыя необычайныя положенія, самые ужасные кризисы. Напримѣръ, насъ можетъ сильно огорчить, если мы покинемъ домъ, въ которомъ провели многіе годы, насъ можетъ очень тронуть отъѣздъ какого-нибудь друга съ желѣзнодорожной станціи, но мы такого рода вещи не считаемъ драматичными; онѣ не драматичны, но онѣ человѣчны.

Чеховъ понялъ это, и вывелъ такого рода событія въ своихъ пьесахъ. Онъ сумѣлъ показать намъ, за огнями рампы, нѣкоторыя чувства, настроенія и ощущенія, которыя мы испытываемъ постоянно,

---

*) Съ тѣхъ поръ, какъ это написано, Б. Шоу получилъ болѣе справедливую оцѣнку въ Россіи. Его пьеса «Цезарь и Клеопатра» имѣла большой успѣхъ. Ее поставили въ Маломъ Театрѣ въ Москвѣ, осенью 1909 г., и теперь, пока я пишу эти строки, она еще идетъ. Появилось нѣсколько интересныхъ статей объ этой пьесѣ въ московской печати.

и изъ которыхъ созидается жизнь. Отъѣздъ нѣкоторыхъ людей изъ извѣстнаго мѣста, гдѣ въ это время остаются нѣкоторые другіе, онъ сумѣлъ сдѣлать такимъ же интереснымъ для насъ на сценѣ, какъ трагичныя исторіи Отелло или Эдипа; и гораздо болѣе интереснымъ, чѣмъ запутанная борьба и сложныя проблемы, въ которыхъ бьются личности, выведенныя драматургами извѣстной современной школы. Жизнь, въ цѣломъ, никогда не представляется намъ математической задачей, требующей немедленнаго рѣшенія; она скорѣе составляется изъ тысячи мелочей, которыя, взятыя вмѣстѣ, составляютъ нѣчто, очень для насъ важное. Чеховъ понялъ это, далъ намъ возможность бросить взглядъ на эти мелочи, и изъ нихъ построилъ свои пьесы.

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ его пьесахъ почти нѣтъ дѣйствія; но, при болѣе близкомъ изученіи, видишь, что дѣйствіе есть, только оно совсѣмъ не похоже на то, которое ищутъ и изображаютъ театральные писатели. Конечно, Чеховъ не первы понялъ, что дѣйствіе, заключающееся въ бурныхъ событіяхъ изъ жизни сильныхъ и страстныхъ людей, ничуть не болѣе интересно — а, можетъ быть, менѣе интересно — чѣмъ перемѣны и переживанія, внутренно происходящія въ человѣческой душѣ. Мольеръ понялъ это; его «Мизантропъ», напримѣръ, пьеса, въ которой, въ обычномъ смыслѣ слова, ничего не происходитъ; такъ же и «Орленокъ» Ростана—пьеса, въ которой событій происходитъ очень мало. Но въ необычномъ смыслѣ слова происходитъ очень много. Бурная драма идетъ въ душѣ Мизантропа, а также въ душѣ Герцога Рейхштадтскаго. То же можно сказать и о пьесахъ Чехова. Онъ показываетъ намъ перемѣны, перевороты, трагедіи, комедіи, конфликты, борьбу, катастрофы, происходящія въ *душѣ* людей, но онъ дѣлаетъ шагъ дальше по сравненію съ другими драматургами въ способахъ, какими онъ это дѣлаетъ. Онъ показываетъ намъ всѣ эти переживанія такими, какими мы сами ихъ видимъ или угадываемъ въ дѣйствительности, безъ помощи поэтическихъ монологовъ, безъ помощи греческаго хора или земного резонера, безъ помощи тѣхъ потрясающихъ событій, которыя срываютъ съ людей маски. Онъ даетъ намъ картины ежедневной жизни, какъ мы ее видимъ, и эти изображенія обыкновенныхъ людей, окруженныхъ извѣстными обстоятельствами и втянутыхъ въ извѣстныя занятія и дѣла, открываютъ намъ дальнѣйшіе просвѣты на ту жизнь, которая идетъ внутри ихъ, въ ихъ душѣ, тогда какъ болѣе старые драматурги, даже когда они пишутъ исключительно о душевной жизни человѣка безъ помощи внѣшняго дѣйствія, позволяютъ своимъ героямъ снимать иногда маску, и вполнѣ обнажать передъ нами свою душу.

Типы Чехова никогда не срываютъ маски по своему усмотрѣнію и для удобства публики; они сохраняютъ ее всегда настолько, насколько это дѣлаютъ люди въ дѣйствительной жизни; мы иногда угадываемъ по одному слову, по одной фразѣ или одному жесту, по тому, какъ напѣваютъ извѣстный мотивъ, по запаху цвѣтка — то, что происходитъ за маской; въ иные моменты она на минуту спадаетъ подъ вліяніемъ взрыва внутреннихъ переживаній; но это никогда не происходитъ вслѣдствіе искусственнаго внѣшняго давленія, вслѣдствіе необходимости, вызванной извѣстнымъ положеніемъ, требованіями замысла пьесы или ея интриги; иначе говоря, это никогда не происходитъ подъ вліяніемъ тѣхъ силъ, которыя нельзя назвать реальными силами жизни. Въ пьесахъ Чехова (какъ и въ дѣйствительной жизни), по выраженію Мередита «душевныя движенія ткутъ интригу»; онъ намъ показываетъ тонкія нити, идущія отъ души къ душѣ, черезъ обычныя событія каждаго дня.

Теперь я детально разберу двѣ пьесы Чехова. Одна изъ нихъ — «Чайка», первая серьезная пьеса Чехова, которая была поставлена на сценѣ. Интересно замѣтить, что при постановкѣ ея на Императорской сценѣ, въ Петербургѣ, она не имѣла успѣха—вѣроятно вслѣдствіе того, что актеры не вполнѣ вошли въ духъ пьесы. А постановка ея въ Москвѣ была настоящимъ тріумфомъ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Петра Николаевича Сорина, въ саду. Соринъ братъ извѣстной артистки, Ирины Николаевны, сценическое имя которой Аркадина. Въ паркѣ сдѣланы приготовленія для домашняго спектакля, устроена маленькая сцена. Пьеса, которую должны играть, написана сыномъ Аркадиной, Константиномъ, молодымъ человѣкомъ двадцати-пяти лѣтъ. Главная роль въ ней предоставлена Нинѣ, дочери сосѣдняго помѣщика. Они влюблены другъ въ друга. Аркадина талантливая актриса, болѣе или менѣе условнаго типа. «Она способна рыдать надъ книжкой», говоритъ о ней одно изъ дѣйствующихъ лицъ, «отхватитъ тебѣ всего Некрасова наизусть, за больными ухаживаетъ, какъ ангелъ; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ея необыкновенной игрой въ «La Dame aux Camélias» или въ «Чадъ жизни». Константинъ, ея сынъ, полонъ идей о реформѣ театра, онъ находитъ старыя формы условными и скучными, онъ жаждетъ влить новое вино въ ветхіе мѣха, или, вѣрнѣе, создать новые мѣха.

Въ имѣніи гоститъ также извѣстный писатель, человѣкъ лѣтъ сорока, нѣкто Тригоринъ. «Что касается его писаній», говоритъ другое дѣйствующее лицо, «то... какъ тебѣ сказать? Мило, талантливо, но... послѣ Толстого или Зола, не захочешь читать Триго-

рина». Остальныя дѣйствующія лица — докторъ среднихъ лѣтъ, Дорнъ, управляющій имѣніемъ отставной офицеръ, его жена и дочь, и школьный учитель. Всѣ собрались, чтобы посмотрѣть пьесу Константина, они сидятъ передъ маленькой сценой, снабженной занавѣсомъ, но не имѣющей задней декораціи, такъ какъ она замѣнена природой — отдаленнымъ озеромъ, окруженнымъ деревьями. Солнце сѣло и наступаютъ сумерки. Константинъ проситъ у публики вниманія, занавѣсъ поднимается, открывая видъ на озеро, освѣщенное луной, встающей надъ горизонтомъ и отраженной въ водѣ. Нина, одѣтая въ бѣлое, сидитъ на скалѣ. Она начинаетъ говорить своего рода стихотвореніе въ прозѣ, обращеніе мірового духа къ мертвому міру, въ которомъ нѣтъ больше ни одного живого существа.

Аркадина внезапно прерываетъ монологъ, говоря тихо своему сосѣду: «Это что-то декадентское»! Авторъ, тономъ умоляющаго упрека, говоритъ «Мама»! Монологъ продолжается, міровой духъ говоритъ о своей упорной борьбѣ съ дьяволомъ, источникомъ матеріальныхъ силъ. Наступаетъ пауза. Далеко надъ озеромъ появляются двѣ красныя точки. Міровой духъ говоритъ — «Вотъ приближается мой страшный противникъ, дьяволъ. Я вижу его страшные, багровые глаза...

Аркадина прерываетъ снова, и начинается слѣдующій діалогъ:

Аркадина. Сѣрой пахнетъ. Это такъ нужно?

Константинъ. Да.

Аркадина *(смѣется)*. Да, это эффектъ!

Константинъ. Мама!

Нина. Онъ скучаетъ безъ человѣка...

Полина Андреевна *(Дорну)*. Вы сняли шляпу. Надѣньте, а то простудитесь.

Аркадина. Это докторъ снялъ шляпу передъ дьяволомъ, отцомъ вѣчной матеріи.

Константинъ *(вспыливъ, громко)*. Пьеса кончена! Довольно! Занавѣсъ!

Аркадина. Что же ты сердишься?

Константинъ. Довольно! Занавѣсъ! Подавай занавѣсъ *(топнувъ ногой)*. Занавѣсъ! *(Занавѣсъ опускается.)* Виноватъ! Я упустилъ изъ виду, что писать пьесы и играть на сценѣ могутъ только немногіе избранные. Я нарушилъ монополію. Мнѣ... я... *(хочетъ еще что-то сказать, но машетъ рукой и уходитъ влѣво)*.

Аркадина. Что съ нимъ?

Соринъ. Ирина, нельзя такъ, матушка, обращаться съ молодымъ самолюбіемъ!

Аркадина. Что же я ему сказала?

Соринъ. Ты его обидѣла.

Аркадина. Онъ самъ предупреждалъ, что это шутка, и я относилась къ его пьесѣ, какъ къ шуткѣ.

Соринъ. Все-таки.....

Аркадина. Теперь оказывается, что онъ написалъ великое произведеніе! Скажите, пожалуйста! Значитъ, устроилъ онъ этотъ спектакль и надушилъ сѣрой не для шутки, а для демонстраціи... Ему хотѣлось поучить насъ, какъ надо писать и что нужно играть. Наконецъ, это становится скучно! Эти постоянныя вылазки противъ меня и шпильки, воля ваша, надоѣдятъ хоть кому. Капризный, самолюбивый мальчикъ!

Соринъ. Онъ хотѣлъ доставить тебѣ удовольствіе.

Аркадина. Да? Однакоже онъ не выбралъ какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставилъ насъ выслушать этотъ декадентскій бредъ. Ради шутки я готова выслушать и бредъ, но вѣдь тутъ претензіи на новыя формы, на новую эру въ искусствѣ. А, по-моему, никакихъ тутъ новыхъ формъ нѣтъ, а просто дурной характеръ.

Вскорѣ приходитъ Нина; ее хвалятъ за ея игру; Аркадина говоритъ: что ей слѣдовало бы итти на сцену, на что Нина отвѣчаетъ, что это ея мечта. Ее знакомятъ съ Тригоринымъ, она смущается; она читала его произведенія и смущена встрѣчей лицомъ къ лицу со знаменитостью. «Неправда ли, странная пьеса?» спрашиваетъ она. Тригоринъ отвѣчаетъ: «Я ничего не понялъ. Впрочемъ, смотрѣлъ я съ удовольствіемъ. Вы такъ искренне играли. И декорація была прекрасна». Нина говоритъ что хочетъ итти домой и всѣ идутъ въ домъ кромѣ доктора. Снова появляется Константинъ, и докторъ ему говоритъ, что пьеса ему нравится; Константинъ глубоко тронутъ. Онъ находится въ состояніи сильнаго нервнаго возбужденія. Какъ только онъ узнаетъ, что Нина ушла, онъ говоритъ, что долженъ немедленно итти за ней. Докторъ остается одинъ; приходитъ Маша, дочь чиновника, и исповѣдывается доктору. «Я не люблю своего отца..., но къ вамъ лежитъ мое сердце. Почему-то я всею душою чувствую, что вы мнѣ близки... помогите же мнѣ! Помогите, а то я сдѣлаю глупость, я надсмѣюсь надъ своей жизнью, испорчу ее... Не могу дольше...» «Что? Въ чемъ помочь?» спрашиваетъ докторъ. «Я страдаю!» отвѣчаетъ она. «Никто, никто, не знаетъ моихъ страданій. Я люблю Константина». «Какъ всѣ нервны!» говоритъ докторъ. «Какъ всѣ нервны! И сколько любви... О, колдовское озеро! Но что же я могу сдѣлать, дитя мое? Что? Что?» Занавѣсъ опускается.

Второе дѣйствіе опять происходитъ въ паркѣ того же имѣнія. Жаркій полдень. Аркадина рѣшила ѣхать въ Москву; управляющій приходитъ и говоритъ, что всѣ рабочіе заняты уборкой и нѣтъ лошадей,

чтобы доставить ее на станцію. «Въ такомъ случаѣ я сегодня же уѣзжаю въ Москву. Прикажите нанять для меня лошадей въ деревнѣ, а то я уйду на станцію пѣшкомъ». «Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ мѣста», говоритъ управляющій, «ищите другого управляющаго». Аркадина сердится; въ это время появляется Константинъ и несетъ убитую чайку. Онъ кладетъ ее къ ногамъ Нины.

Нина. Что это значитъ?

Треплевъ. Я имѣлъ подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у вашихъ ногъ.

Нина. Что съ вами? *(Поднимаетъ чайку и глядитъ на нее.)*

Треплевъ *(послѣ паузы)*. Скоро такимъ же образомъ я убью самого себя.

Нина. Я васъ не узнаю.

Треплевъ. Да, послѣ того, какъ я пересталъ узнавать васъ. Вы измѣнились ко мнѣ, вашъ взглядъ холоденъ, мое присутствіе стѣсняетъ васъ.

Нина. Въ послѣднее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вотъ эта чайка тоже, повидимому, символъ, но, простите, я не понимаю... *(Кладетъ чайку на скамью.)* Я слишкомъ проста, чтобы понимать васъ.

Треплевъ. Это началось съ того вечера, когда такъ глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощаютъ неуспѣха. Я все сжегъ, да, все, до послѣдняго клочка. Если бы вы знали, какъ я несчастливъ! Ваше охлажденіе страшно, невѣроятно, точно я проснулся и вижу вотъ будто это озеро вдругъ высохло или утекло въ землю. Вы только что сказали, что вы слишкомъ просты, чтобы понимать меня. О, что тутъ понимать! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновеніе, уже считаете меня зауряднымъ, ничтожнымъ, какихъ много... *(Топнувъ ногой.)* Какъ это я хорошо понимаю, какъ понимаю! У меня въ мозгу точно гвоздь, будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ моимъ самолюбіемъ, которое сосетъ мою кровь, сосетъ, какъ змѣя... *(Увидѣвъ Тригорина, который идетъ, читая книжку.)* Вотъ идетъ истинный талантъ; ступаетъ, какъ Гамлетъ, и тоже съ книжкой... *(Дразнитъ.)* «Слова, слова, слова»... Это солнце еще не подошло къ вамъ, а вы уже улыбаетесь, взглядъ вашъ растаялъ въ его лучахъ. Не стану мѣшать вамъ. *(Уходитъ быстро.)*

Тутъ наступаетъ разговоръ между Ниной и Тригоринымъ. Ей хотѣлось бы знать, какъ чувствуетъ себя извѣстный, талантливый писатель, и говоритъ объ его интересной жизни.

Тригоринъ. Что же въ ней особенно хорошаго? Бываютъ насильственныя представленія, когда человѣкъ день и ночь думаетъ, напримѣръ, все о лунѣ, и у меня есть своя такая луна. День и ночь

одолѣваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему-то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую... Пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуюсь, а между тѣмъ каждое мгновеніе помню, что меня ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣнибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на рояль...

Нина. Позвольте, но развѣ вдохновеніе и самый процессъ творчества не даютъ вамъ высокихъ, счастливыхъ минутъ?

Тригоринъ. Да. Когда пишу, пріятно. И корректуру читать пріятно, но... едва вышло изъ печати, какъ я не выношу и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не слѣдовало бы писать вовсе, и мнѣ досадно, на душѣ дрянно... *(Смѣясь.)* А публика читаетъ: «да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «прекрасная вещь, но «Отцы и дѣти» Тургенева лучше». И такъ до гробовой доски все будетъ только мило и талантливо, мило и талантливо— больше ничего, а какъ умру, знакомые, проходя мимо могилы, будутъ говорить: «Здѣсь лежитъ Тригоринъ. Хорошій былъ писатель, но онъ писалъ хуже Тургенева».

Нина говоритъ ему, что чѣмъ бы онъ самъ себя ни считалъ, для другихъ онъ великъ и удивителенъ. За счастье быть писателемъ или артистомъ, говоритъ она, она перенесла бы ненависть друзей, нужду, разочарованіе; она готова была бы жить на чердакѣ и питаться однимъ хлѣбомъ. «Я страдала бы отъ недовольства собою, отъ сознанія своихъ несовершенствъ, но зато бы ужъ я потребовала славы... Настоящей шумной славы...» Тутъ слышенъ голосъ Аркадиной, зовущей Тригорина; онъ замѣчаетъ чайку, Нина говоритъ, что Константинъ убилъ ее. Онъ дѣлаетъ замѣтку въ записной книжкѣ. «Что это вы пишите?» спрашиваетъ она. «Такъ записываю...» Отвѣчаетъ Тригоринъ. «Сюжетъ мелькнулъ... Сюжетъ для небольшого разсказа: на берегу озера съ дѣтства живетъ молодая дѣвушка, такая какъ и вы; любитъ озеро, какъ чайка, и счастлива, и свободна какъ чайка. Но случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее, какъ вотъ эту чайку». Тутъ Аркадина снова зоветъ его, говоря, что они въ концѣ концовъ не поѣдутъ въ Москву. Это конецъ второго дѣйствія. Въ третьемъ Аркадина готовится къ отъѣзду. Наступилъ кризисъ. Нина полюбила Тригорина, и ревность и горе Константина дошли до того, что онъ хотѣлъ убить себя, но ему не удалось и теперь онъ вызвалъ Тригорина на дуэль. Послѣдній не обращаетъ вниманія на вызовъ и хочетъ ѣхать съ Аркадиной;

Нина проситъ его проститься съ ней передъ отъѣздомъ. Аркадина обсуждаетъ съ братомъ странное и рѣзкое поведеніе Константина; братъ ей указываетъ на то, что положеніе молодого человѣка невыносимо. Онъ умный, талантливый мальчикъ, и принужденъ жить въ деревнѣ безъ положенія и безъ денегъ; онъ стыдится этого и боится бездѣлья. Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ сестрѣ, она должна давать сыну денегъ, у него даже нѣтъ пальто; на что она отвѣчаетъ, что денегъ у нея нѣтъ, она артистка и нуждается въ каждой копейкѣ для собственныхъ тратъ; братъ презрительно смѣется надъ ней, Аркадина раздражается. Затѣмъ происходитъ сцена между матерью и сыномъ, начинающаяся съ обмѣна нѣжныхъ и ласковыхъ словъ, и кончающаяся бурной ссорой. Мать сперва надѣваетъ ему новую повязку на голову, на то мѣсто, въ которое онъ стрѣлялъ. «Въ послѣднее время, вотъ въ эти дни», говоритъ Константинъ, «я люблю тебя такъ же нѣжно и беззавѣтно, какъ въ дѣтствѣ, только зачѣмъ ты поддаешься вліянію этого человѣка?» (подразумѣвая Тригорина). И изъ этой фразы возникаетъ ссора. Константинъ говоритъ: «Ты хочешь, чтобы я тоже считалъ его геніемъ, но, прости, я лгать не умѣю, отъ его произведеній мнѣ претитъ». Мать возражаетъ ему: «Это зависть. Людямъ не талантливымъ, но съ претензіями, ничего больше не остается, какъ порицать настоящіе таланты». Тутъ Константинъ приходитъ въ бѣшенство, срываетъ съ головы повязку и кричитъ: «Вы, рутинеры, захватили первенство въ искусствѣ, и считаете законнымъ и настоящимъ лишь то, что дѣлаете вы сами, а остальное гнетете и душите!» Но скоро его гнѣвъ проходитъ, онъ плачетъ и проситъ прощенія, говоря: «Если бы ты знала! Я все потерялъ. Она меня не любитъ, я уже не могу писать... Пропали всѣ надежды»... Они мирятся. Константинъ проситъ только чтобы его избавили отъ присутствія Тригорина. Послѣдній приходитъ къ Аркадиной и предлагаетъ ей остаться въ деревнѣ; она говоритъ, что знаетъ причину его желанія, онъ влюбленъ въ Нину. Тригоринъ сознается и проситъ, чтобы она ему вернула свободу.

До этой минуты въ пьесѣ не было сказано ни слова объ отношеніяхъ Аркадиной и Тригорина, и однако зрители, видящіе эту пьесу, угадываютъ съ самаго начала, что Тригоринъ ея любовникъ. Она отказывается освободить его и нѣсколько театральнымъ объясненіемъ въ любви, смѣшаннымъ съ лестью и здравымъ смысломъ, она легко возвращаетъ его къ себѣ, и онъ въ ея рукахъ — какъ мягкій воскъ. Онъ рѣшаетъ ѣхать. Они уѣзжаютъ въ Москву, но передъ отъѣздомъ у Тригорина происходитъ объясненіе съ Ниной, во время котораго она ему говоритъ, что рѣшила покинуть домъ и итти на сцену и послѣдовать за нимъ въ Москву. За окномъ (дѣйствіе про-

исходитъ въ столовой) слышны шумъ и движеніе отъѣзжающихъ людей. Аркадина уже въ коляскѣ. Тригоринъ и Нина прощаются, дѣйствіе заканчивается долгимъ поцѣлуемъ.

Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два года. Мы снова въ имѣніи брата Аркадиной. Константинъ сталъ извѣстнымъ писателемъ, Нина поступила на сцену, но очень неудачно. Она поѣхала въ Москву. Тригоринъ любилъ ее нѣкоторое время, а потомъ она ему надоѣла; родился ребенокъ. Тригоринъ вернулся къ своей прежней любви и, по своей слабости, велъ двойную игру. Она теперь вернулась, но ея отецъ не хочетъ ее принять. Аркадина пріѣхала въ имѣніе; ее вызвали, такъ какъ ея братъ заболѣлъ. Все идетъ такъ, какъ два года тому назадъ. Аркадина, управляющій и докторъ играютъ въ лото передъ обѣдомъ. Аркадина разсказываетъ о своихъ успѣхахъ въ провинціи; объ оваціяхъ, устроенныхъ ей, о платьяхъ, которыя она надѣвала. Докторъ спрашиваетъ ее, довольна ли она, что ея сынъ писатель. Аркадина говоритъ: «представьте, я еще не читала, все некогда». Они идутъ обѣдать; Константинъ говоритъ, что ему ѣсть не хочется и остается одинъ. Кто-то стучится въ стеклянную дверь, ведущую въ садъ. Онъ отворяетъ ее — это Нина; она разсказываетъ свою исторію; теперь она получила ангажементъ въ маленькій провинціальный городокъ, и уѣзжаетъ на слѣдующій день. Константинъ горячо признается ей, что любитъ ее болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ проклиналъ ее, ненавидѣлъ, разорвалъ ея письма и фотографіи, но каждую минуту принужденъ былъ признаваться себѣ, что онъ связанъ съ нею навсегда; онъ никогда не могъ разлюбить ее. Онъ проситъ ее или остаться, или позволить ему послѣдовать за ней. Она надѣваетъ шляпу, ей пора уходить; она говоритъ, что она странствующая чайка, и что она очень устала. Изъ столовой слышны голоса Аркадиной и Тригорина; она прислушивается, бѣжитъ къ двери и смотритъ сквозь замочную скважину. «И онъ здѣсь...» говоритъ она. «Когда его увидите, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнѣе, чѣмъ прежде»... Она уходитъ черезъ садъ. Константинъ рветъ всѣ свои рукописи и уходитъ въ сосѣднюю комнату. Аркадина и остальные выходятъ изъ столовой и снова садятся за столъ играть въ лото. Управляющій приноситъ чучело той чайки, которую Константинъ убилъ два года тому назадъ, и которая послужила исходной точкой романа между Ниной и Тригоринымъ. Послѣдній совершенно забылъ объ этомъ; онъ не помнитъ вовсе эпизода съ чайкой. Звукъ, похожій на выстрѣлъ, слышится снаружи.

Аркадина *(испуганно)*. Что такое?

Дорнъ. Ничего. Это должно-быть, въ моей походной аптекѣ что-нибудь лопнуло. Не безпокойтесь. *(Уходитъ въ правую дверь,*

черезъ полминуты возвращается.) Такъ и есть, лопнула склянка съ эѳиромъ. *(Напѣваетъ.)* «Я вновь предъ тобою стою очарованъ»...

Аркадина *(садясь за столъ)*. Фуй, я испугалась! Это мнѣ напомнило какъ... *(закрываетъ лицо руками)*. Даже въ глазахъ потемнѣло...

Дорнъ *(перелистываетъ журналъ)*. Тутъ мѣсяца два назадъ была напечатана статья одна... письмо изъ Америки, и я васъ хотѣлъ спросить, между прочимъ... *(беретъ Тригорина за талію и отводитъ къ рампѣ)*... такъ какъ я очень интересуюсь этимъ вопросомъ... *(тономъ ниже, вполголоса)*. Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дѣло въ томъ, что Константинъ Гавриловичъ застрѣлился...

Изъ всѣхъ пьесъ Чехова «Чайка» наиболѣе похожа на обыкновенныя пьесы, или на пьесы обыкновенныхъ драматурговъ. Конечно, въ ней есть много характерныхъ чеховскихъ чертъ, но онѣ не развиты въ ней вполнѣ. Къ тому же, сюжетъ болѣе драматиченъ, чѣмъ въ другихъ его пьесахъ; въ ней есть конфликтъ — между матерью и сыномъ, между старшимъ и молодымъ поколѣніемъ, старшее представлено Тригоринымъ и Аркадиной, младшее Константиномъ. Характеръ артистки нарисованъ съ большой тонкостью, — она смѣсь доброты, здраваго смысла, скупости и тщеславія. Ея любовь къ сыну такъ же ясна намъ, какъ ея абсолютная неспособность оцѣнить его умъ и его талантъ. Одинаково тонко обрисованъ характеръ писателя, съ его полнымъ отсутствіемъ остроумія, его любовью къ писанію короткихъ разсказовъ, его слабостью, его эгоизмомъ, непозволяющимъ ему признать никакихъ другихъ произведеній, кромѣ собственныхъ, но въ которомъ нѣтъ признаковъ недоброжелательности или злобы. Когда онъ пріѣзжаетъ въ послѣднемъ дѣйствіи, онъ поздравляетъ Константина съ его успѣхами и привозитъ ему журналъ, въ которомъ есть статья о молодомъ человѣкѣ. Константинъ замѣчаетъ, что единственныя разрѣзанныя въ журналѣ страницы тѣ, въ которыхъ напечатанъ разсказъ самого Тригорина.

Если «Чайка» самая драматически-эффектная изъ пьесъ Чехова, самая характерная, пожалуй, «Вишневый садъ». Она замѣчательно характерна и по настроенію, и по самому содержанію, такъ какъ показываетъ намъ значеніе и причины упадка знатнаго землевладѣльческаго дворянства въ Россіи.

Довольно пустая дама, принадлежащая къ этому классу, Раневская, — я буду называть ее по фамиліи, такъ какъ ея имя «Любовь» не имѣетъ соотвѣтствующаго имени по-англійски — возвращается съ братомъ Леонидомъ въ свое имѣніе, послѣ пятилѣтняго отсутствія. Она провела это время за границей, въ Парижѣ и въ Ниццѣ; ея дѣла

и дѣла брата въ безнадежномъ положеніи, они оба запутаны въ долгахъ. Это имѣніе — мѣсто, гдѣ они провели все свое дѣтство, и въ немъ есть замѣчательный вишневый садъ. Имѣніе находится на югѣ Россіи.

Въ первомъ дѣйствіи мы видимъ ихъ возвращеніе въ родное гнѣздо. Раневская возвращается съ братомъ, дочерью семнадцати лѣтъ и пріемной дочерью. Май мѣсяцъ, вишни въ полномъ цвѣту; мы видимъ ихъ черезъ окно бывшей дѣтской, въ которой происходитъ первое дѣйствіе. Поѣздъ пріѣзжаетъ на разсвѣтѣ, передъ восходомъ солнца. Ихъ встрѣчаетъ въ домѣ сосѣдъ, богатый купецъ, Лопахинъ; они пріѣхали съ гувернанткой и прислугой и на станціи ихъ встрѣчалъ другой сосѣдъ, помѣщикъ. И здѣсь мы видимъ то, чего я никогда не видалъ раньше на сценѣ: точную передачу той атмосферы, которая создается a) при возвращеніи людей изъ путешествія, b) при возвращеніи семьи въ родной домъ, послѣ долгаго отсутствія. Мы сразу видимъ, что Раневская и ея братъ въ практическихъ дѣлахъ настоящія дѣти; они нерѣшительны и всегда надѣются на счастливый случай. Они относятся ко всему легко и безпечно, какъ птицы, они вѣрятъ въ счастливую случайность, которая выведетъ ихъ изъ затруднительнаго положенія.

Купецъ — славный, простой, практичный, заботливый, но нѣсколько грубый человѣкъ, милліонеръ, къ тому же сынъ крестьянина; онъ родился въ деревнѣ и его отецъ былъ крѣпостнымъ. Онъ ясно излагаетъ Раневской и ея брату дѣйствительное положеніе вещей. Имѣніе все въ долгу, и если долги не будутъ уплачены черезъ шесть мѣсяцевъ, имѣніе будетъ продано съ аукціона. Но есть, говоритъ онъ, исходъ. «Вамъ уже извѣстно, вишневый садъ вашъ продается за долги, на 22-е августа назначены торги, но вы не безпокойтесь, моя дорогая, спите себѣ спокойно, выходъ есть. Вотъ мой проектъ. Ваше имѣніе находится только въ двадцати верстахъ отъ города, возлѣ прошла желѣзная дорога, и если вишневый садъ и земли по рѣкѣ разбить на дачные участки и отдавать потомъ въ аренду подъ дачи, то вы будете имѣть самое малое 25 тысячъ годового дохода».

На это братъ отвѣчаетъ: «Извините, какая чепуха»! «Вы будете брать съ дачниковъ», продолжаетъ купецъ, «самое малое по двадцати-пяти рублей за десятину (десятина приблизительно равняется двумъ съ половиной акрамъ, въ родѣ французскаго гектара), и если теперь же объявите, то я ручаюсь чѣмъ угодно, у васъ до осени не останется ни одного свободнаго клочка, все разберутъ. Однимъ словомъ, поздравляю, вы спасены. Мѣстоположеніе чудесное, рѣка глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить.. напримѣръ, скажемъ, снести всѣ старыя постройки, вотъ этотъ домъ, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый садъ...

Раневская. Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете! Если во всей губерніи есть что-нибудь интересное, даже замѣчательное, такъ это только нашъ вишневый садъ.

Лопахинъ. Замѣчательнаго въ этомъ саду только то, что онъ очень большой. Вишня родится разъ въ два года, да и ту дѣвать некуда, никто не покупаетъ.

Леонидъ. И въ «Энциклопедическомъ словарѣ» упоминается про этотъ садъ.

Лопахинъ. Если ничего не придумаемъ и ни къ чему не придемъ, то 22-го августа и вишневый садъ, и все имѣніе будутъ продавать съ аукціона. Рѣшайтесь же. Другого выхода нѣтъ, клянусь вамъ, нѣтъ и нѣтъ.

Но все, что онъ говоритъ ни къ чему не ведетъ. Они на все отвѣчаютъ: «какой вздоръ»! Они смотрятъ на разрушеніе своего стараго гнѣзда и обращеніе его въ дачные участки, какъ на невозможную вещь. И въ этомъ, собственно, заключается все содержаніе пьесы. Купецъ продолжаетъ настаивать, въ теченіе второго дѣйствія, на единственномъ практичномъ разрѣшеніи всѣхъ затрудненій, а они продолжаютъ увѣрять, что такой исходъ невозможенъ, что онъ— безуміе. Они не могутъ себѣ представить свое старое имѣніе превращеннымъ въ дачное мѣсто; они продолжаютъ думать, что все какъ-нибудь образуется, умретъ старая тетка и оставитъ имъ наслѣдство, или случится что-нибудь другое въ этомъ родѣ.

Въ третьемъ дѣйствіи наступилъ день аукціона, а въ домѣ балъ. Это производитъ почти невыносимо-грустное впечатлѣніе, такъ какъ мы знаемъ, что ничего не «образовалось», мы знаемъ, что имѣніе будетъ продано. Эта картина создаетъ впечатлѣніе смерти цѣлаго мірка. На балу только мѣстные жители: начальникъ станціи, почтовые чиновники и т. д. Лакей, привезенный ими изъ-за границы, проситъ расчета; старый слуга, принадлежащій дому, совсѣмъ уже ветхій, бродитъ по дому, вспоминая про старыя времена, про исчезнувшій блескъ.

Гости танцуютъ кадриль по всѣмъ комнатамъ. Леонидъ уѣхалъ на аукціонъ, и Раневская ждетъ, въ безнадежномъ волненіи, извѣстій о результатахъ. Наконецъ онъ возвращается, блѣдный, усталый и слишкомъ подавленный, чтобы говорить. Лопахинъ входитъ въ комнату; онъ нѣсколько выпилъ, и торжествующимъ голосомъ заявляетъ, что онъ купилъ вишневый садъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи мы видимъ, какъ они покидаютъ навсегда свой домъ, уложена вся обстановка, всѣ тѣ предметы, которые для нихъ такъ полны воспоминаній; картины сняты со стѣнъ, голыя деревья вишневаго сада—такъ какъ теперь осень—уже на-

чали рубить, а они уходятъ, чтобы начать новую жизнь, и покидаютъ свой старый домъ навсегда. Старый домъ, полный прелести, старомоднаго достоинства и простоты, будетъ сломанъ, и уступитъ свое мѣсто маленькимъ пригороднымъ дачамъ, въ которыхъ будутъ жить люди новаго, народившагося въ Россіи класса. Прежде были лишь дворяне и крестьяне, а теперь есть люди, сами себя создавшіе, которые, будучи неизмѣримо болѣе практичными, оттѣсняютъ безполезныхъ и отживающихъ дворянъ, чтобы пробить себѣ дорогу. Трагичность и простота этого послѣдняго дѣйствія совершенно необыкновенны. Всякая мелочь изъ тѣхъ, которыя намъ такъ хорошо знакомы въ эти минуты отъѣзда, отмѣчена и передана на сценѣ. О старомъ слугѣ, который неразрывно связанъ съ домомъ, думаютъ, что онъ въ больницѣ, и его нѣтъ при прощаніи. Но когда всѣ уѣхали, онъ появляется и закрываетъ ставни—говоря: «Заперто... Уѣхали.. (садится на диванъ). Про меня забыли... Ничего... Я тутъ посижу... А Леонидъ Андреевичъ небось, шубы не надѣлъ, въ пальто поѣхалъ... (озабоченно вздыхаетъ). Я-то не поглядѣлъ... Молодо-зелено...» И онъ неподвижно лежитъ на диванѣ въ темной, закрытой комнатѣ, а за окнами слышно, какъ рубятъ вишневый садъ.

Конечно, въ краткомъ разборѣ совершенно невозможно дать понятіе о самой сути этой пьесы, составленной изъ мелкихъ подробностей, каждая изъ которыхъ живетъ. Каждое выведенное лицо живетъ; братъ Леонидъ, постоянно говорящій необдуманныя вещи и раскаивающійся въ этомъ, простой и практичный купецъ, добродушный сосѣдъ, постоянно занимающій деньги, гувернантка, приказчикъ по имѣнію, молодой студентъ, влюбленный въ дочь Раневской—мы знаемъ ихъ такъ же хорошо, какъ нашихъ знакомыхъ и родныхъ, и они раскрываются передъ нами такимъ же путемъ, какъ это дѣлаютъ люди въ дѣйствительной жизни, т.-е. путемъ обыкновенныхъ, человѣческихъ разговоровъ. Пьесу можно считать исторической и символической, потому что она показываетъ намъ, почему землевладѣльческое дворянство въ Россіи перестаетъ имѣть значеніе, и какъ эти милые, непрактичные, полагающіеся на случай люди, должны быть побѣждены при встрѣчѣ съ сильнымъ, энергичнымъ классомъ людей, самихъ пробившихъ себѣ дорогу, съ дѣтьми крестьянъ. Технически пьеса необыкновенно интересна; въ ней нѣтъ никакого волевого конфликта, ничего, что можно было бы назвать собственно дѣйствіемъ или драмой, и однако, она все время интересна, и причина этого лежитъ въ томъ, что разговоры, случайныя замѣчанія дѣйствующихъ лицъ, на первый взглядъ кажущіеся незначительными и случайно помѣщенными здѣсь или тамъ, всегда имѣютъ опредѣленную цѣль. Каждое слу-

чайное замѣчаніе служитъ къ постройкѣ архитектоническаго остова пьесы. Зданіе построено, такъ сказать на воздухѣ, оно воздушно— но построено съ необычайнымъ стараніемъ, и результатъ тотъ, что будучи изображена на сценѣ и такъ, какъ это сдѣлано въ Художественномъ Театрѣ въ Москвѣ—эта пьеса настоящій тріумфъ сценическаго искусства.

Изъ другихъ пьесъ Чехова главныя «Три сестры», «Ивановъ» и «Дядя Ваня»; послѣдняя пьеса хорошо переведена на нѣмецкій языкъ.

«Три сестры»—самая грустная изъ пьесъ Чехова. Она изображаетъ страшное однообразіе сѣрой, провинціальной жизни, внезапно освѣженной проскользнувшимъ лучомъ свѣта, и ставшей еще вдвое сѣрѣе, когда этотъ лучъ исчезъ. Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ городѣ, гдѣ стоитъ гарнизономъ артиллерійскій полкъ. Одна изъ сестеръ, Маша, замужемъ за учителемъ гимназіи, другія двѣ, Ирина и Ольга, живутъ въ домѣ своего брата, готовящагося стать профессоромъ. Отецъ ихъ умеръ; Ольга весь день даетъ уроки въ провинціальной гимназіи, а вечеромъ опять частные уроки; Ирина служитъ на телеграфѣ. У обѣихъ одна мечта— уйти изъ провинціальнаго угла, въ которомъ онѣ живутъ, и переселиться въ Москву. Онѣ остаются въ городѣ только изъ-за Маши. Ея мужъ добрый и благожелательный человѣкъ, но очень скучный, постоянно цитирующій латинскія фразы. Когда она вышла замужъ, ей было только восемнадцать лѣтъ, и она думала, что онъ самый умный человѣкъ на свѣтѣ; но со временемъ она увидала, что онъ самый добрый, но отнюдь не самый умный человѣкъ. Единственное, что оживляетъ скуку провинціальной жизни — гарнизонъ.

Когда начинается пьеса, мы узнаемъ, что назначенъ въ батарею новый командиръ, Вершининъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ женатъ и у него двое дѣтей, но его жена полусумасшедшая. Остальные офицеры батареи—поручикъ баронъ Тузенбахъ, штабсъ-капитанъ Соленый и еще два поручика. Тузенбахъ влюбленъ въ Ирину и хочетъ на ней жениться; она согласна выйти за него замужъ, хотя не любитъ его и говоритъ ему это. Маша страстно полюбила Вершинина. Соленый ревнуетъ къ Тузенбаху. Пока все это происходитъ, батарею внезапно переводятъ на другой конецъ Россіи. Въ то утро, когда она уходитъ изъ города, Соленый убиваетъ Тузенбаха на дуэли, и пьеса оканчивается тѣмъ, что три сестры остаются однѣ. Вершининъ страстно прощается съ Машей, которая плачетъ и не скрываетъ своего горя отъ мужа. Послѣдній, самымъ трогательнымъ образомъ, старается ее утѣшить; слышится вдали постепенно

замирающая музыка уходящей батареи. Ирина узнаетъ о смерти барона, и самое грустное то, что ей, въ сущности, все равно. Три сестры должны продолжать работать, вести свою сѣренькую жизнь въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, учить дѣтей въ гимназіи; единственное, что оживляло ихъ однообразное существованіе, и что дало одной изъ сестеръ страстное счастье—у нихъ отнято, и исчезновеніе этого подчеркивается веселой музыкой уходящихъ солдатъ.

Я никогда не видалъ въ театрѣ ничего болѣе щемяще-грустнаго, чѣмъ эта послѣдняя сцена. Въ этой пьесѣ, какъ и въ другихъ, Чеховъ, тѣми небольшими отрывками жизни, которыя онъ изображаетъ, прорубаетъ окно въ самую душу этой жизни. Въ пьесѣ 4 картины: въ первомъ дѣйствіи праздникъ по случаю дня рожденія Ирины, во второмъ мы видимъ, какъ проходитъ вечеръ въ домѣ сестеръ, въ третьемъ—полную волненія ночь, вслѣдствіе пожара въ городѣ, и въ эту ночь любовныя отношенія Маши и Вершинина доходятъ до кризиса; въ четвертомъ—уходъ полка. Однако, эти четыре картины даютъ намъ возможность взглянуть, какъ черезъ открытое окно, на всю жизнь этихъ людей, и, фактически, на жизнь тысячи русскихъ людей, которые такъ живутъ.

Пьесы Чехова такъ же интересны въ чтеніи, какъ произведенія всякаго первокласснаго романиста. Но, читая ихъ, нельзя себѣ представить, до какой степени онѣ хороши на сценѣ; кажется, что нѣжные переходы тѣней, тоновъ и полутоновъ, намеки, изображенія нѣкоторыхъ настроеній и чувствъ, почти неуловимыхъ, изъ которыхъ эти пьесы состоятъ, должны пропадать за огнями рампы; и, однако, на самомъ дѣлѣ, происходитъ совершенно обратное. Пьесы Чехова въ тысячу разъ интереснѣе смотрѣть, чѣмъ читать. Тысячи эффектовъ, о существованіи которыхъ читатель даже не подозрѣваетъ, становятся видимы только на подмосткахъ. Это объясняется тѣмъ, что пьесы Чехова осуществляютъ тѣ условія, которыя, по мнѣнію Гете, необходимы для всякой пьесы. «Все въ пьесѣ», говоритъ онъ, «должно быть символичнымъ и порождать послѣдующее». Подъ символизмомъ здѣсь Гете, конечно, подразумѣваетъ символизмъ нравственный; онъ не хотѣлъ сказать, что пьеса должна быть полна энигмъ и загадокъ, но что каждое событіе въ ней должно имѣть свое значеніе, и бросать тѣнь болѣе крупную, чѣмъ оно само.

Атмосфера чеховскихъ пьесъ мрачная, но это тотъ мракъ, который предшествуетъ разсвѣту. Онъ звучитъ не отчаяніемъ—онъ звучитъ несокрушимой вѣрой въ наступающій день. Его пьесы грустны признаніемъ, что жизнь трудна, что ничего другого нельзя дѣ-

лать, какъ работать, и работать настолько весело, насколько это возможно. Его заслуга, какъ драматурга, заключается въ томъ, что онъ впервые показалъ на сценѣ, въ прозѣ (великіе поэты сдѣлали то же въ своихъ стихахъ), что̀ именно дѣлаетъ жизнь трудной. Жизнь—это нѣчто слишкомъ трепетное, слишкомъ грустное и слишкомъ веселое, чтобы быть сконденсированнымъ въ отвлеченную схему линій и символовъ; и тѣ, пишущіе для театра, люди, которые стараются это сдѣлать, достигаютъ лишь искусственности и скуки. Чеховъ не обращалъ вниманія ни на какія теоріи или правила, которыя, до тѣхъ поръ, считались необходимыми для театральнаго автора; онъ выводилъ на сценѣ все то, что его интересовало просто своей человѣчностью и правдой: событія крупныя или безконечно малыя—великія, какъ любовь, и малыя, какъ споръ о закускахъ; и все это интересно для насъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и для него самого.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе къ русскому изданію. Н. Хомякова	3
	Введеніе	7
Гл. I.	Характеристика русскихъ людей	11
Гл. II.	Реализмъ русской литературы	20
Гл. III.	Веселость русскихъ людей. Гоголь	31
Гл. IV.	Толстой и Тургеневъ	50
Гл. V.	Мѣсто Тургенева въ русской литературѣ	70
Гл. VI.	Достоевскій	75
Гл. VII.	Пьесы Чехова	146

ЦѢНА 1 Р. 25 К.